ЖИЗНЬ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО

УРОЖЕНЦА СЕЛЕНІЯ ВАГАРШАПАТЪ

близъ горы

АРАРАТА,

и приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ; удаленіе его отъ своего Отечества въ Грузію; оттуда въ Россію, потомъ въ Персію и на конецъ возвращеніе обратно въ Россію чрезъ Каспійское море, съ описаніемъ многихъ любопытныхъ предмѣтовъ, находящихся въ его сторонѣ и прочихъ мѣстахъ Персіи, съ приложеніемъ шести гравированныхъ эстамповъ изображающихъ виды городовъ Персидскихъ.

Писанныя и переведенныя имъ самимъ

Съ Армянскаго на Россійскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Іос. Іоаннесова, 1813 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были: одинъ экземпляръ для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 26 дня, 1813 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЮ

ПЛАТОНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ЗУБОВУ

Генералу отъ Инфантеріи и разныхъ

Орденовъ Кавалеру.

нижайшее приношеніе

Армянина Артемія

Богданова.

ЗЛЕОВА

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

Исполняя завѣщаніе матери моей и наставника, которыя внушали мнѣ имѣть всегда въ памяти могущія быть со мною нещастія, единственно для познанія Божіей ко мнѣ благости, я записывалъ всѣ со мною встрѣтившіяся приключенія, и дополняя по времени, собралъ и составилъ изъ нихъ полную жизни моей исторію на Армянскомъ языкѣ. Настоящіе и почти самое принужденіе нѣкоторыхъ особъ, бывшихъ въ прошедшемъ Персидскомъ походѣ и меня довольно знавшихъ, заставили наконецъ перевести рукопись мою на Россійскій языкъ, а примѣръ многихъ изданій, съ моими произшествіями согласныхъ, рѣшилъ меня пустить въ свѣтъ оныя записки и тѣмъ самымъ принести, такъ сказать, благодарность во первыхъ всевышнему за благій его промыслъ и ко мнѣ милосердіе, которое сохранило меня отъ многихъ предстоявшихъ опасностей и во вторыхъ великодушнымъ и добродѣтельнымъ людямъ, покровительствовавшимъ мнѣ и служившимъ мнѣ въ самыхъ нещастіяхъ утѣшителями. — Память сихъ послѣднихъ да будетъ незабвенна по гробъ мой. — Издавая сіе я долгомъ поставляю предварить читателей, что въ книгѣ жизни моей не найдутъ они никакихъ риторическихъ украшеній, хотя и есть нѣко-

торыя мѣста, въ которыхъ можно бы было разпространиться въ нихъ. Я писалъ простой только то, что со мною дѣйствительно было, не прибавлялъ ни одного слова лишняго, котораго не было сказано, а старался еще всѣми мѣрами скрыть многое.

Прося покорно читателей простить мнѣ по чужеземству всѣ нескладныя и неправильныя изрѣченія, въ которыхъ случиться могутъ и противорѣчія, я уповаю что они извинятъ меня и въ самыхъ грамматическихъ ошибкахъ, коихъ безъ сомнѣнія на всякой страницѣ найдется множество; но виды Персидскихъ мѣстъ по-крайней мѣрѣ заслужатъ вниманія; они сняты въ 1796 году однимъ искуснымъ и извѣстнымъ художникомъ.

Изданіе сей книги могло быть и прежде годомъ, но по незнанію моему Россійскаго языка и недостаткамъ, оставалось безъ дѣйствія. Истинну произшествій подтвердятъ многія особы, меня знающія.

Снят. Снат. г. Сергѣевымъ 1796 года.

Гра: Казачинскій

Видъ первопрестольнаго Армянскаго Монастыря **ЕЧМІАДЦИНА**, близъ горы Араратъ съ окрестностями.

Ձեւ սրբոյ Աթոռոյն ԷՋՄԻԱԾՆԻ հանդերձ շրջապատիւքն՝ որ կայ մերձ ի լեառն Արարատու։

Արդեամբ խմով Ղոյս ածի Յարուե Վաղճաղտցի : Ս: Պ: Բ: 1812.

ЖИЗНЬ и ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Артемія Араратскаго.

Я родился въ 1774 году Апрѣля 20 дня, близь горы Арарата въ селеніи Вагаршапатѣ Վաղարշապատ *) принадлежащемъ первопрестольному Армянскому Монастырю, называемому Эчьміацыну Էջմիածին, что значитъ сошествіе единороднаго Сына Божія, во время Верховнаго Патріарха всея Арменіи Симеона. — Отецъ мой по имени Аствацатуръ, что значитъ Богданъ, былъ искусный каменосѣчецъ, небогатый, но какъ всѣ утверждали, добрый человѣкъ. По смерти его я остался четырехъ мѣсяцовъ и по тому воспитаніемъ моимъ обязанъ былъ единственно матери. Кромѣ меня она имѣла еще двухъ сиротъ, брата 5-ти и сестру 3-хъ лѣтъ. Когда я началъ подростать и,

---

*) На семъ мѣстѣ въ древности былъ большой столичный городъ, построенный Армянскимъ Царемъ Вагаршомъ, который назвалъ его своимъ именемъ Вагаршапатомъ.

такъ сказать, приходить въ смыслъ, то единственное мое удовольствіе было слушать разсказы о всякихъ частныхъ происшествіяхъ, какія обыкновенно въ тамошнемъ мѣстѣ передаются изустно отъ одного другому, даже отъ самой древности. Извѣстно, что не токмо дѣти, но и совершеннолѣтніе любятъ иногда сказки: я всегда приходилъ въ возхищеніе, когда находилъ случай узнать такимъ образомъ что-либо для себя новое. Не рѣдко при семъ случалось и то, что дѣти богатыхъ людей въ нашемъ селеніи, когда разговоръ касался какихъ нибудь знаменитыхъ въ древности мужей, сплетали о себѣ басни, что будто и они произходятъ отъ какого-либо знатнаго лица или фамиліи. Я же напротивъ того всегда начально обращался къ собственному моему положенію и во всей силѣ чувствовалъ то, что я сирота, что мать моя безпомощная и бѣдная вдова, съ великою нуждою и трудами достаетъ только самое бѣдное и нужное пропитаніе. Причина таковыхъ

горестныхъ обращеній къ самому себѣ была та, что бѣдность и тѣснота нашего семейства намъ служили всегда жестокою укоризною отъ немилосердыхъ соотечественниковъ, кои смотря на безпомощное наше съ матерью сиротство, старались обременять насъ всѣмъ, что только было въ ихъ возможности.

Изъ 700 домовъ, отъ бѣднаго семейства до самой богатой фамиліи, было не болѣе десяти человѣкъ, кои знали грамотѣ. Къ числу сихъ грамотѣевъ принадлежалъ и я. Мать моя преодолѣвая всѣ затрудненія, какія только встрѣчала не столько отъ ницеты своей, сколько отъ зависти и жестокости богатыхъ сограждан, успѣла дать мнѣ возможное воспитаніе, то есть, я обученъ былъ читать и писать. Въ горести своей, которую описать почти не возможно, снося безропотно противу судьбы бѣдственное свое состояніе, она не имѣла уже никакихъ другихъ желаній, кромѣ того, чтобъ меньшій любез-

ный сынъ ея, т. е. я, при жизни ея успѣлъ выучиться грамотѣ и быть въ кругу служителей храма Божія; и вотъ именно слова ея, въ коихъ возносила она желаніе свое къ Богу: „Господи! неотымми отъ меня душу мою дотолѣ, пока не увижу меньшаго сына моего, читающаго и поющаго во храмѣ твоемъ: *возведохъ очи мои въ горц, отнюдц же пріидетъ помощь моя, помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю*; тогда буду я совершенно утѣшенною за всѣ спраданія мои и съ радостію возвращу тебѣ жизнь мою.„ Изъ сего видно, что добрая мать моя все счастіе свое, благо души своей, и, такъ сказать, край желаній своихъ, полагала единственно въ томъ, чтобы я могъ нести служеніе при храмѣ Господнемъ; въ томъ предопредѣлила единственное счастіе собственно для меня самаго, и что въ томъ только заключалась вся помощь, какой ожидала и желала прискорбная душа ея, отъ Сотворшаго небо и землю. Совлекаясь всего, что есть сует-

ное и ложное въ естествѣ человѣческомъ, кто не почувствуетъ, что подобное расположеніе души, возносящее ее къ Создателю своему, есть самое лучшее, и самое благонадежное сколько ни-были бы жестоки окружающія насъ обстоятельства? — Какъ бы то ни было, желанія матери моей исполнились; я совершенно могъ читать все, и въ Сентябрѣ 1786 года, пришедъ въ Церковь на вечернюю молитву, въ первый разъ сталъ читать предъ олтаремъ по уставу псалмы, въ числѣ коихъ и желаемый матерью моею: *возведохъ очи мои въ горц и проч.*

Но злобная зависть бывшихъ въ церкви старшинъ, коихъ дѣти, кромѣ сельскихъ и домашнихъ работъ, ничѣмъ не занимались и грамотѣ не знали, не умедлила обнаружиться. Не выждавъ окончанія чтенія, они закричали священнику: что вы позволяешъ этому сыну нищей вдовы читать здѣсь? — Онъ не хочетъ дѣлать того, что дѣлаютъ дѣти наши, — ударь его и отгони. — Слабый священникъ изъ

подобострастія къ нимъ, забывъ важность своего сана и святость мѣста, подходитъ ко мнѣ, даетъ изрядную пощечину и отгоняетъ отъ предолтарнаго мѣста. Мать моя, пораженная таковымъ поступкомъ со мною священника, упадаетъ безъ памяти; ее также бьютъ и по приказанію старшинъ выпаскиваютъ изъ церкви и волокутъ въ домъ. По окончаніи сей мятежной вечерни, старшины строжайшимъ образомъ приказали десятнику смотрѣть за мною накрѣпко, недавать мнѣ ни одной минуты свободной, чтобъ я не могъ ничѣмъ заниматься, кромѣ обыкновенныхъ работъ, говоря: и этотъ негодяй, сынъ нищій дерзкой женщины хочетъ быть ученымъ и равняться съ нашими дѣтьми, (какъ будто бы дѣти ихъ знали грамоту) онъ долженъ только ходить за скотиною, обрабатывать поле и мутить воду *); словомъ, мы при-

*) Поля на коихъ посѣяно сорочинское пшено, держатся покрытыя водою до самаго его созрѣнія. Когда же сѣютъ его: то надобно прежде мутить воду ногами; также пускаютъ для сего и скотину, и семена бросаютъ въ мутную

казываемъ тебѣ выбить изъ его головы всю грамоту „... Вотъ преизрядное наставленіе, достойное ума и сердца тогдашнихъ земляковъ моихъ! —

По выслушаніи сего повелѣнія пришелъ я домой и нашелъ мать мою въ самомъ отчаянномъ положеніи. Сколько ни была возмущена душа ея произшествіемъ въ церкви, но увидѣвъ меня, старалась придти въ себя. — Ей было нужно скрыть собственную горесть, чтобъ утѣшить меня и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшить дать мнѣ спасительныя наставленія, которыя по мнѣнію ея въ страхѣ, производимомъ матернею любовію, должны были тотчасъ исполниться. Ахъ! сынъ мой, говорила она, злодѣи не пощадили тебя и во храмѣ Божіемъ; но Богъ, который еще болѣе оскорбленъ злодѣйствомъ ихъ, накажетъ ихъ и отмститъ обиды наши.— Помни, что намъ Спаситель приказывалъ:

воду, дабы такимъ образомъ могли быть подъ водою покрыты нѣсколько землею.

Естьли кто ударитъ тебя въ ланиту, обрати ему другую. — Между тѣмъ я страшусь по угрозамъ ихъ, чтобъ они не изтребили тебя и для того бѣги отъ нихъ, любезное дитя мое, спасай жизнь свою, скройся въ монастырь, или въ пустыню; — видно, что и твоя участь будетъ столько же горестна, какъ и моя. — Четырехъ лѣтъ была я взята въ плѣнъ и по невѣденію вѣрила ученію Магомета. Потомъ претерпѣвъ разныя несчастія и мученія, возвратилась въ нѣдра православной церкви и содѣлалась женою Христіанина, твоего отца — и считала уже себя счастливою, какъ напротивъ того судьба заставила испытать меня новыя злоключенія, отнявъ у меня, уже девятый годъ, мужа, оставившаго мнѣ въ наслѣдство нищету и васъ троихъ сиротъ. — Перенося всѣ нужды, я старалась обучить тебя, и, чтобъ имѣть къ тому свободное время, вмѣсто тебя изправляла работы и нещадила ни силъ, ни здоровья моего, и вмѣстѣ должна еще была доставать и на пропитаніе; воспитывая и соблюдая тебя, я думала на-

саждать дерево, отъ котораго при старости моей ожидала пріятныхъ и питательныхъ плодовъ, я надѣялась, что ты будешь подпорою старости и дряхлости моей, что подъ вѣтвями твоими я буду имѣть спокойную тѣнь и убѣжище; что ты будешь единственно причиною радостей моихъ, кои заставятъ меня забыть мои горести и бѣдствія, и дадутъ чувствовать честь и похвалу о тебѣ въ людяхъ нашихъ. — Господь услышалъ наконецъ молитвы мои — и сердце мое возхитилось радостію; но ..... На семъ непріятномъ возраженіи мать моя остановилась; по томъ голосомъ, показывающимъ изступленіе и сильное страданіе души, продолжала: Ахъ! злодѣи безчеловѣчные, — одну минуту только имѣла я радость мою; вы вырвали ее изъ сердца моего, изторгаете насажденіе мое; — вы попребите и корень его и съ нимъ надежды мои! — Такимъ образомъ мать моя съ начала желая утѣшить меня и успокоить, постепенно пришла сама въ прежнее отчаяніе и начала проклинать день своего рожденія,

употребивъ въ своемъ ропотѣ противу недовѣдомыхъ судебъ Божіихъ многія выраженія и изъ Іова.

Я старался утѣшить ее, сколько могъ и какъ умѣлъ; ибо по молодости лѣтъ чувствуя только настоящее, въ разсужденіи будущаго былъ гораздо спокойнѣе ея; какъ бы то ни было, я успѣлъ успокоить ее столько, что отчаяніе ея превратилось на послѣдокъ въ тихую горесть. До сего времени я незналъ ничего о подробностяхъ ея жизни; но въ продолженіи вечера, для облегченія ли стѣсненнаго и разтерзаннаго сердца своего, или для моего наставленія, разсказала она намъ всѣ обстоятельства прошедшаго отъ младенческаго возраста своего до настоящаго времени.

Я, говорила она, природная Гайканка, (**) и отъ сего племени произходящіе

(**) Гайкусъ, праправнукъ Аѳета, одного изъ сыновей праведнаго Ноя, есть первый основатель Арменіи; онъ предпріялъ вмѣстѣ съ Немвродомъ столпотвореніе Вавилонское,

предки наши, просвѣтившіеся свѣтомъ Евангельскаго ученія отъ Священномученика Григорія Գրիգոր, просвѣтителя Арменіи, пребывали въ Христіанскомъ законѣ. Отъ честныхъ родителей родилась я въ 1751 году въ Газахъ *). — На двухъ-годовомъ возрастѣ лишилась я отца моего, а твоего дѣда. Послѣ того чрезъ два года, Лезгинцы подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ дѣлали безпрестанные набѣги на Грузію, производя грабительства и убійства, а съ другой стороны въ сіе же самое время такой былъ въ нашихъ мѣстахъ голодъ, что народъ, подобно скотамъ, принужденъ былъ питаться травою, или кто что могъ найти; и наконецъ жители до такой доведены были крайности, что отцы и матери отпирались отъ дѣтей своихъ и бросали ихъ. —

но не захотѣвъ признать надъ собою верховной власти Немврода, удалился въ свою землю, и послѣ въ возгорѣвшейся за то между ими войнѣ убилъ его. По имени его Армяне называются и Гайканцами, или племя Гайканское.

*) Провинція Газахъ, принадлежитъ Грузіи и граничитъ съ Персіею.

Мать моя, а твоя бабушка, видя, что ей со мною неизбѣжная предстоитъ погибель и отъ голода, отъ убійствъ и грабителей, отправилась со мною въ Еривань, въ намѣреніи пройти въ Вагаршапатъ, гдѣ по совершенному спокойствію, жители наслаждались изобиліемъ, и гдѣ старшая сестра моя была въ замужствѣ за человѣкомъ небѣднымъ. Но по двухъ-дневномъ нашемъ путешествіи Лезгинцы напали на нашъ караванъ и все разграбили; старыхъ мужчинъ убили, а молодыхъ взяли въ плѣнъ, въ который увлекли и меня; а мать мою по старости и слабости бросили на мѣстѣ, снявъ съ нее все платье, словомъ оставили обнаженную и безчувственную. По прошествіи нѣкотораго времени, я была продана отъ нихъ въ Персидскій городъ Ганджу, одному знатному Персіанину по имени Чолоху Сафаръ-Беку, который будучи человѣкъ чувствительный, сжалился надъ моимъ младенчествомъ, принялъ меня не такъ какъ невольницу, но воспитывалъ какъ родную дочь и обучалъ Персидской

грамотѣ и закону. По прошествіи же двухъ лѣтъ, когда я оказывала въ ученіи совершенные успѣхи, Сафаръ Бекъ видя, что человѣколюбивыя его попеченія обо мнѣ не остаются втунѣ, положилъ на конецъ причесть меня къ своему роду, и на 7 году моего возраста сговорилъ меня за роднаго своего сына, сдѣлавъ чрезъ своего Муллу кябинъ (свадебный контрактъ). — Послѣ сего спустя четыре года, когда мнѣ исполнилось уже 11 лѣтъ, благодѣтель мой положилъ быть моей свадьбѣ; но въ тоже самое время нарѣченный мой женихъ сдѣлался жестоко болѣнъ.

Между тѣмъ мать моя, какъ она послѣ мнѣ разсказала, бывъ ограбленною разбойниками и брошенною на мѣстѣ, пришедши въ себя, оставалась нѣсколько часовъ на дорогѣ, оплакивая мое похищеніе и общее наше съ нею бѣдствіе; а напослѣдокъ съ сердцемъ, полнымъ отчаянія, не имѣя никакой одежды, дошла до деревни Шамкоръ, отсто-

явшей отъ того мѣста весьма не въ даль-
номъ разстояніи, гдѣ она и осталась жить.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ поправясь въ здоровьѣ и состояніи своемъ, по непреодолимой материнской горячности, рѣшилась меня отыскивать повсюду, гдѣ бы то ни было, и хотя бы исканіе сіе стоило ей жизни. Съ начала прибыла она въ Ганджу, гдѣ я дѣйствительно находилась; но не могла тутъ отыскать меня по тому, что подобное приключеніе, по которому я попалась въ оное мѣсто, и продажа плѣнныхъ всякаго возраста и пола бывали весьма часто, особливо же въ тогдашнее время. Оттуда отправилась она въ Грузію; по томъ въ Шуши, главный Карабагскій городъ, гдѣ найдя удобный случай, повергласъ къ ногамъ Пана-Хана, и пересказавъ ему свое бѣдствіе и мое похищеніе, просила его помощи. Сей великодушный и справедливый человѣкъ столько былъ тронутъ ея положеніемъ, что тутъ же обѣщалъ ей просимую помощь и исполнилъ обѣщаніе

свое чрезъ нѣсколько дней со всею возможною милостію, какой только мать моя желать могла: онъ далъ ей нѣсколько денегъ и открытый листъ, содержащій повелѣніе, что естьли она отыщетъ свою дочь въ его владѣніи, или въ Ганджѣ, которой Ханъ Шахверди состоялъ подъ его властію, то немедленно бы ей меня возвратили, или по крайней мѣрѣ отдали за небольшій выкупъ, который она была бы въ состояніи заплатить.

Получивъ таковое повелѣніе, она приняла намѣреніе, чрезъ Ганджу отправиться въ Вагаршапатъ, оттуда въ пограничный Турецкій городъ Ахелциха, куда обыкновенно Горскіе хищники привозятъ своихъ плѣнныхъ для продажи, а тамошніе жители развозятъ ихъ въ другіе Турецкіе города и въ Египтъ. — На пути своемъ собирая подаяніе для моего изкупленія, прибыла въ Ганджу, гдѣ ходя по Армянамъ, изпрашивала милостыню и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась развѣдывать обо мнѣ, разсказывая мое похищеніе, гдѣ и когда

оное случилось. Нѣкоторые похваляя добродушіе и щедрость Сафаръ - Бека, у коего я находилась, совѣтовали ей для изпрошенія таковой же милостыни идти къ нему, говоря, что онъ конечно мнѣ въ ней не откажетъ, особенно по тому, что сговоренный къ женидьбѣ сынъ его находится при смерти. Мать моя послѣдовала сему совѣту, и прищла къ дому Сафаръ-Бека. Находящіеся у него люди научили мать мою явиться ко мнѣ, называя меня невѣсткою моего хозяина, и что я сдѣлаю ей щедрое подаяніе ради облегченія отъ болѣзни нарѣченнаго мнѣ мужа. Мать моя, входя въ храмъ (женскія комнаты), въ первыхъ дверяхъ встрѣчается со мною. Будучи воспитываема Сафаръ - Бекомъ со всею попечительностію отца и въ законѣ Магометанскомъ, я не токмо не ожидала встрѣтиться у него съ моею матерью, но бывъ разлучена съ нею еще 4хъ лѣтъ со всѣмъ объ ней и позабыла. — Старанія хозяина моего о воспитаніи моемъ дѣйствительно не были тщетны; я чипала,

писала и говорила по Персидски столь хорошо, что и старшіе меня въ томъ мнѣ уступали; и всѣ вообще называли меня умницею. Мать моя, неиначе могла говорить со мною, какъ по Персидски. Казалось бы, что ей, непомышлявшей во все найпи свою дочь тамъ, куда пришла только за подаяніемъ, невозможно, или по крайней мѣрѣ трудно было бы узнать меня по прошествіи семи лѣтъ отъ 4 до 11-лѣтняго возраста моего; но вмѣсто того, сердце ея узнало меня при первомъ на меня взглядѣ. — Тебя ль я вижу, любезная, потерянная дочь моя, вскричала она? — И забывая свое состояніе и то, что пришедъ просить милостыню, думала говорить не съ своею дочерью но съ дочерью богатаго и знаменитаго человѣка, обнявъ меня, прижала къ своему сердцу, и обливая лице мое слезами, въ чрезвычайномъ внутреннемъ волненіи, нѣсколько минутъ не могла мнѣ болѣе сказать ни одного слова; по томъ съ рыданіемъ продолжала: ахъ любезная дочь! Тебя похитили отъ меня варвары; чтобъ

отъискать тебя, я подвергалась всѣмъ опасностямъ, сносила терпѣливо голодъ, жажду, нагопу, и всегда уповала на помощь Божію и священномученика нашего Григорія, просвѣтившаго насъ свѣтомъ Евангелія Христова, — уповала, что я найду тебя, и упованіе мое совершилось; вѣра и надежда моя на милость и помощь Бога нашего не погибли втунѣ; узнай мать твою, — ты Христіанка, изкуплена отъ первороднаго грѣха святою кровію Христовою и крещеніемъ во имя Его, ты не можешь забыть, что имѣла мать, которая учила тебя молиться во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣлимую; — узнай меня дочь моя и самое себя, не прельщайся своимъ состояніемъ; все здѣсь временно, и въ будущую минуту можетъ погибнуть все земное благо наше: послѣдуй примѣру Святой мученицы Рипсимы, которая отреклась быть супругою двухъ великихъ Царей *) и приняла смерть за

*) Историкъ Агаѳангель, бывшій Секретаремъ Армянскаго Царя Тридата, пишетъ, что Рипсима съ прочими 37-ю

вѣру Христову; обратись и ты къ истинному Господу Богу твоему; и если станутъ тебя отторгать отъ него, приготовь тѣло свое на мученія и не страшись смерти. Послѣ сего въ коротких словахъ приведя мнѣ въ примѣръ подвиги мучениковъ, страдавшихъ за Христа и получившихъ вѣнцы царствія Божія, въ заключеніе сказала: „я надѣюсь, что бѣдная одежда матери твоей и совѣты ея не будутъ тебѣ противны — сердце мое богато любовію къ тебѣ и желаніемъ тебѣ блага и спасенія.“ — Къ счастію нашему, въ продолженіи болѣе четверти часа никто не помѣшалъ нашему разговору и не слыхалъ ни рыданій, ни разговора моей матери со мною. — Я не понимаю дѣвицами Христіанками, бѣжавъ отъ Діоклитіана, который хотѣлъ жениться на Рипсимѣ, укрылась въ Арменіи. Діоклитіанъ узнавъ о семъ, писалъ къ Тридату, чтобъ онъ Рипсиму или прислалъ къ нему, или бы самъ на ней женился. Но Рипсима бывъ отыскана, по наставленіямъ старшей изъ нихъ Канапы отреклась отъ всѣхъ предложеній и за то приняла мученическую смерть, въ лѣто отъ Р. Х. 282, всѣ, кромѣ двухъ Нуни и Мани, кои удалились въ Грузію, и привели ее въ Христіанскую вѣру.

*

мала самое себя и находилась въ ея объ-
ятіяхъ, не сказавъ ей въ продолженіе рѣ-
чи ея ни одного слова; по томъ вдругъ
какъ бы мрачный покровъ спалъ съ меня;
я увидѣла новый свѣтъ, и новыя чувст-
вованія наполнили сердце мое и душу. Въ
тужъ минуту вспомнила я младенчество
мое, и даже то, что мать моя учила ме-
ня молиться во имя Отца, и Сына и Свя-
таго Духа. Обнявъ крѣпко, прижала я ее
къ груди своей; слезы мои лились ручьями
и смѣшались съ ея слезами. „Я узнаю
тебя мать моя и послѣдую за тобою! —
Приготовлю тѣло мое на мученія и съ
радостію приму смерть; поди скорѣй и
дѣлай что должно, пока нарѣченный мой
мужъ находится болѣнъ и я свободна.“
Такимъ образомъ проспясь съ нею, дала
ей всѣ случившіяся со мною деньги. —
Она оставила меня поспѣшно, опасаясь,
чтобы насъ не застали, и чтобъ послѣд-
нее нещастіе не было бы болѣе прежня-
го. Вышедъ опъ меня, пошла она тот-
часъ къ старшему священнику нашему и
пересказала все случившееся съ нею и у

кого меня нашла. — Онъ говорилъ ей съ начала, что славный Сафаръ-Бекъ по богатству своему столь силенъ, какъ левъ, что и самъ Ханъ Ганджинскій уважаетъ его и не можетъ ему ничего сдѣлать, и что кромѣ Бога никто не можетъ меня освободить отъ рукъ его. Онъ совѣтовалъ ей попробовать щастія итти къ Шушинскому Хану просить его помощи, говоря, что онъ чувствителенъ къ нещастнымъ, весьма строгъ, справедливъ и многимъ уже оказалъ по подобнымъ случаямъ милосердіе и помощь. Но когда мать моя объявила ему, что она уже имѣетъ отъ него открытый листъ, тогда сей добрый священникъ всталъ и благословилъ Бога, сказавъ ей: дочь моя, я вижу, что Богъ съ тобою — поди — надѣйся на Него, — не бойся страха сильныхъ, и приступай къ дѣлу своему, чтобъ спасти дочь отъ закона неправеднаго. Богъ творящій чудеса, сохранившій отроковъ Вавилонскихъ отъ пламени, избавитъ и твою дочь и спасетъ ее отъ смерти; ты встрѣтишь затрудненія и

самыя опасности; но дерзай на все во имя Господа Іисуса Христа, не страшись смерти, но паче радуйся, естьли должно будетъ принять ее за вѣру: старайся укрѣпить въ подвигѣ семъ и дочь твою; при чемъ, для подкрѣпленія духа ея, привелъ ей также многіе примѣры о подвигахъ Св. мучениковъ и мученицъ, и наконецъ сказалъ: „теперь поди дочь моя въ церковь и принеси Господу теплыя твои молитвы, да благодать Его пребудетъ съ тобою, содѣйствуя тебѣ и укрѣпляя тебя въ опасностяхъ.

Получивъ таковыя наставленія, мать моя была на другой день въ церкви, и опслушавъ обѣдню, пришла къ намъ въ домъ, съ просительнымъ письмомъ Сафаръ-Беку, написаннымъ по Персидски.

Сафаръ-Бекъ, мой хозяинъ, какъ человѣкъ весьма милостивый, то отъ него дано было приказаніе служащимъ въ домѣ, никому изъ приходящихъ къ нему съ просьбами, для изпрошенія какой-либо по-

мощи, не отказывать и допускать. По сему мать моя безъ всякаго запрудненія могла войпи въ его покои. Упавъ къ ногамъ его, подала ему свою просьбу, въ которой изобразивъ свои бѣдствія, мое похищеніе и труды, употребленные ею къ опысканію меня, просила его со слезами допустить ее видѣть меня, такъ какъ слышала она, что у него находится на воспитаніи одна дѣвица изъ Армянской націи, и что можетъ быть не узнаетъ ли она во мнѣ потерянной ея дочери. — Письмо написано было коротко и трогательно; но хозяинъ мой прочитавъ оное, сказалъ моей матери смѣяся: ахъ, ты безумная Армянская старуха! Какъ можно чтобъ ты дочь твою, которую, какъ ты говоришь, потеряла четырехъ-лѣтнюю, могла узнать по прошествіи семи лѣтъ; видно, что у васъ у женщинъ нѣтъ ни какого разсудка. Мать моя не дослушивая далѣе его рѣчей, и заливаясь слезами, упала опять къ его ногамъ, и просила, чтобъ позволилъ ей только взглянуть на меня, и что естьли я дочь ея, которую

она ищетъ, то надѣется тотчасъ узнать меня и докажетъ ему по признаками. Сафаръ-Бекъ на конецъ склонился на неотступныя ея просьбы и самъ пошелъ съ нею въ харамъ. Съ начала показывали ей всѣхъ дѣвицъ, какія только были у насъ въ домѣ по одиначкѣ, и самъ спрашивалъ со смѣхомъ: ну, не эта ли твоя дочь? — Мать моя отвѣчала: нѣтъ! — Напослѣдокъ показали и меня: остановясь на одно мгновеніе и устремивши на меня быстрый взглядъ, какъ бы въ первый еще разъ меня видитъ, тотчасъ бросилась было ко мнѣ, чтобъ обнять, но ее удержали и Сафаръ-Бекъ велѣлъ пересказать ему, какія я имѣю знаки, чтобъ удостовѣриться, справедливо ли она признаетъ меня своею дочерью. — Мать моя немедленно пересказала ему все, что могло служить примѣтами на моемъ тѣлѣ. — Тотчасъ меня освидѣтельствовали чрезъ женщинъ при матери, и сказали хозяину, что она говорила правду. — Не смотря на сіе Сафаръ-Бекъ при всей добротѣ своей не хотѣлъ со мною разстаться, раздражил-

ся тѣмъ до крайности и разбранивъ мою мать, называя ее дерзкою, обманщицею и прочее, приказалъ ее выгнать изъ дома. — Послѣ перваго свиданія моего съ нею, я съ несказаннымъ нетерпѣніемъ ожидала ея прибытія, дабы узнать, что она предприметъ къ моему избавленію. — Для сего я велѣла, чтобъ о приходящихъ къ хозяину просить мылостыню, сказывали бы и мнѣ, и сама безпрестанно за тѣмъ присматривала, а между мѣмъ приготовляя себя ко всему, чтобы изъ того ни вышло, съ сокрушеннымъ сердцемъ молилась Господу и святымъ мученикамъ. — Я видѣла, какъ мать моя пришла, и частію слышала разговоръ ея и просьбы къ Сафаръ-Беку. — Тутъ я призвавши Божію помощь, рѣшилась на все, и только что по приказанію Сафаръ-Бека мать мою стали выгонять, я пришедши внѣ себя, выбѣжала изъ моей горницы и съ отчаяніемъ закричала Сафаръ-Беку: „Хозяинъ! Это истинная моя мать! — Я узнала ее, помню законъ мой, въ которомъ ею рождена, — и вѣрую во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа; — дѣлайте со мною что хотите, но я не отрѣкусь отъ истиннаго Бога моего, не отступлю отъ моей матери, и готова съ нею за Спасителя нашего Іисуса Христа на всѣ мученія и на смерть; вы нарекли меня быть женою вашему сыну; но я таковою не буду — что вы намѣрены со мною дѣлать — дѣлайте скорѣе и я готова умереть.“ — Сафаръ-Бекъ пришедши отъ сего во все неожидаемаго вызова въ большее еще раздраженіе, обратился къ моей матери и кричалъ на нее: „какъ ты осмѣлилась негодная дерзкая женщина съ твоимъ морщиннымъ гнуснымъ лицемъ, придти въ палаты мои, и обольстить эту невинную дѣвушку? — Вотъ тебѣ какое я сдѣлаю рѣшеніе: ты будешъ наказана публично и брошена въ мрачную тюрьму, гдѣ не увидишь ты дневнаго свѣта и изтаешь отъ голода и жажды.“ — Онъ тотчасъ приказалъ служителямъ своимъ связать ей руки, вести чрезъ главныя улицы въ ханскую тюрьму, и тамъ посадить ее въ самое мрачное мѣсто, по-

ка онъ увидится съ Ханомъ, а по дорогѣ бить палками. Я пришла въ ужасъ отъ сего варварскаго повелѣнія, кричала хозяину, чтобъ меня не разлучалъ съ матерью, и что я хочу съ нею вмѣстѣ претерпѣвать мученія за Господа Бога моего — и повторяла съ воплемъ, что ни служанкою его, ни женою сына его не буду, и не хочу остаться заблужденною во мракахъ закона его; но желаю принять мученія и смерть за вѣру Христіанскую. Видя мать мою связанную и влекомую по безчеловѣчному его повелѣнію въ темницу, я рвалась за нею — но Сафаръ-Бекъ тотчасъ приказалъ взять меня, бросить въ погребъ, и не давать мнѣ ни пить, ни ѣсть, пока не разкаюсь въ моей дерзости, не откажусь отъ матери моей и отъ намѣренія послѣдовать за нею.

Между тѣмъ болѣзнь сына его день отъ дня усиливалась — такъ, что онъ находился при смерти. — Сафаръ-Бекъ занятъ будучи всѣми попеченіями объ

немъ, не имѣлъ времени думать ни объ матери моей, ни обо мнѣ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я находилась въ ямѣ или подвалѣ, брошенная на голой землѣ, куда однако приносили мнѣ каждый день нѣсколько пищи и воды, а иногда брали и въ покои. — Собственное положеніе мое, сколько ни было тягостно, но я думала единственно объ моей матери; ея мученія раздирали душу мою и я, конечно не перенесла бы столь долго сего тѣлеснаго и душевнаго мученія; но святыя примѣры, приведенные мнѣ матерью, подкрѣпляли мой духъ, и увѣренность, что страданія сіи принимаемъ мы съ нею за Спасителя нашего и за Святую вѣру Его, наполняли сердце мое утѣшительными чувствованіями. Я молилась Богу только подкрѣпить меня въ таковомъ подвигѣ, за который должна буду получить вѣчное блаженство, и со всемъ не внимала тѣмъ увѣщаніямъ, утѣшеніямъ и даже была нечувствительною къ нѣкоторымъ облегченіямъ въ положеніи моемъ, кои по приказанію Сафаръ-Бека, иногда мнѣ дѣ-

лали его люди. — На конецъ пришли взять меня изъ моего заключенія. — Я введена была къ Сафаръ-Беку, у котораго тогда находилось нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ ближнихъ его пріятелей. Мнѣ наперед сказано было отъ нѣкоторыхъ служителей, любившихъ меня, что сіи друзья его совѣтовали Сафаръ-Беку оставить мученіе и употребить ласку и всевозможныя милости, которыми, какъ надѣялись они, лучше можно убѣдить меня и обратить къ прежнему моему расположенію. — „Она ужасно измѣнилась“ сказалъ Сафаръ-Бекъ взглянувъ на меня; посмотри въ зеркало: ты не узнаешь самое себя. — Неуже ли тебѣ лучше валяться въ ямѣ, считаться дочерью бѣдной Армянки, и быть въ числѣ Армянъ, подданныхъ нашихъ, съ которыми мы можемъ дѣлать все, что хотимъ: нежели жить въ полномъ удовольствіи, пользоваться моею отеческою любовію и быть госпожею? — Послушай, любезная дочь моя! Ты можетъ быть не забыла, что я купилъ Тебя у разбойниковъ, какъ неволь-

ницу, содержалъ тебя какъ собственное мое дитя; лелѣялъ тебя на груди моей со всею горячностію отца; — прилагалъ все стараніе о твоемъ воспитаніи, просвѣтилъ тебя православною нашею вѣрою; ты одѣвалась всегда въ золотыя одежды и наслаждалась у меня всемъ благомъ, какое только можетъ доставить человѣкъ такъ знатный и богатый, какъ я. Многіе искали щастія, чтобъ дочерей своихъ отдать за моего единственнаго сына, но это щастіе опредѣлилъ я тебѣ. — Онъ теперь при послѣднемъ концѣ — и на одрѣ своемъ лежитъ почти безчувственъ; при сихъ словахъ хозяинъ мой разтрогался и продолжалъ почти сквозь слезы. Можетъ быть скоро уже я потеряю его на вѣки; но ты заступишь его мѣсто; я самъ старъ и также близокъ къ смерти, — ты будешь единственною наслѣдницею всего моего богатства, имени и славы моей. — Женщина, тебя обольстившая, которую ты называешь матерью, въ продолженіи сего времени, можетъ быть уже изтаяла въ темницѣ; а естьли жива, то

я велю ее освободить; дамъ ей пропитаніе и сдѣлаю щастливою; только ты обратись къ повиновенію, и прими съ признательностію благо, мною тебѣ предлагаемое. Обѣщаніе же мое, которое тебѣ дѣлаю при сихъ друзьяхъ моихъ, я подтверждю присягою и клятвою вотъ предъ симъ священнымъ Алкораномъ. — Выбирай теперь любое.“ Я ни мало не думая, отвѣчала ему, что помню всѣ благодѣянія его и благодарю за нихъ; но теперь не хочу болѣе ими пользоваться; не желаю ни богатства его, ни славы, но желаю остаться вѣрною Господу Богу моему и умереть за него; все по что онъ даетъ мнѣ, есть временное, какъ трава изсохнетъ на другой же день и можетъ погибнуть; а то, что надѣюсь получить отъ Господа Іисуса Христа, есть вѣчное, что я не перестану исповѣдывать Святую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа, и ни за что не отрѣкусь отъ матери моей Христіанки. — Сафаръ-Бекъ, раздраженный отвѣтомъ моимъ, обратился къ друзьямъ своимъ: видите ли, что ни

какое милосердіе не дѣйствуетъ на этихъ безчувственныхъ и неблагодарныхъ шварей. И тотчасъ приказалъ снять съ меня платье, въ которомъ я была, и надѣть на меня самый полстный мишкаль, въ которомъ обыкновенно погребаютъ мертвыхъ; голову мою покрыли рубцомъ, связали руки крѣпко и босую повели въ тюрьму къ матери. Мальчишки по улицамъ, можетъ быть нарочно къ тому приготовленные, кричали идучи за мною: это дочь старой Армянки; она отрекается отъ нашей святой вѣры и хочетъ быть Армянкою. Такимъ образомъ на дорогѣ дѣлали мнѣ всякія ругательства и сопровождали побоями. Приведя меня на тюремный дворъ въ ханскую конюшню, привязали къ столбу; потомъ вывели ко мнѣ изъ темницы мать мою и привязали къ другому столбу, а меня начали бить одни по лицу, другіе по головѣ, иные плевали на меня, произнося по повелѣнію своего господина ругательства, словомъ дѣлали все, что было имъ угодно. Ожидая, что мать моя сжалясь на мои му-

ченія будетъ уговаривать меня покориться волѣ нашего мучителя. Но она напротивъ того подкрѣпляла меня переносить оныя для имени Христова и вѣчнаго блаженства, говоря: потерпи, любезная дочь моя, Богъ съ нами, онъ намъ дастъ терпѣніе и силы перенести всѣ муки. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всю мою молодость, я такъ была тверда, какъ камень, и нечувствовала ни посрамленія, какое дѣлалось мнѣ посреди народа, ни побой, и, словомъ сказать, я въ разсужденіи всего того была совершенно мертвая; душа моя занята была единственно любовію ко Христу и святой вѣрѣ его. Я спокойно отвѣчала матери моей: небойся матушка, я не отстану отъ тебя; тиранства ихъ я не чувствую, и они ничего изъ меня не вымучатъ. Матери моей оказаны были сугубыя жестокости; и такимъ образомъ провели мы трои сутки: привязанныя къ столбамъ и принимая отъ служителей хозяина моего различныя ругательства и побои. Намъ пищу приносили такую, какой не даютъ и соба-

камъ. Однако мы были неголодны; нѣкоторые чувствительные люди тихонько приносили намъ хлѣба, пшена и сыру.

Приключенія наши съ матерью уже извѣстны были въ городѣ всѣмъ отъ малаго до большаго. Сынъ Сафаръ-Бека между тѣмъ по удивительному промыслу Божію ни выздоравливалъ, ни умиралъ; болѣзнь его не могла уже быть сильнѣе; онъ во все то время, болѣе мѣсяца, лежалъ безъ всякаго движенія, помясь между смертію и жизнію. — Отецъ потерявши надежду увидѣть его выздоровѣвшимъ, желалъ уже одного конца. Друзья его будучи благоразумнѣе, собрались къ нему и совѣтовали чтобъ насъ освободить, говоря: эта дивная болѣзнь съ твоимъ сыномъ, конечно есть Божіе наказаніе, и, можетъ быть, за мученія, какія ты дѣлаешъ старухѣ Арминкѣ и ея дочери; лучше освободи ихъ и принеси эту жертву для облегченія сына твоего. Можетъ быть Богъ за это помилуетъ его и не лишитъ тебя единороднаго твоего

наслѣдника котораго ты смертію и мученіями сихъ нещастныхъ воскресить не можешъ. Естьли уже эта дѣвка отказывается отъ всего благополучія и рѣшилась терпѣливо переносить твои мученія за свою вѣру, то оставь ихъ съ покоемъ. Подумай хорошенько объ этомъ: весь городъ знаетъ, что ты напрасно мучишъ двухъ невинныхъ; ты потеряешъ доброе твое имя; твои благодѣянія, какія ты до сего дѣлалъ нещастнымъ, забудутся въ памяти людей; тебя будутъ называть мучителемъ, ты лишисся и сына, и будешъ разкаяваться въ напрасной и несправедливой твоей жестокости. По крайней мѣрѣ испытай наши совѣты, которые дѣлаемъ тебѣ отъ усердія и искренней къ тебѣ дружбы. Ты всегда можешь ихъ убить, и теперь и послѣ, но нестыдно ли будетъ тебѣ, почтеннѣйшему и первому въ нашей области человѣку, оказывать власть и мщеніе надъ слабыми женщинами. Сафаръ-Бекъ склонился на ихъ совѣты, и тогда же послалъ насъ

освободить, но съ тѣмъ, чтобъ привести къ нему публично связанныхъ. — На семъ обратномъ пути мы сопровождаемы были отъ ребятъ тѣми же ругательствами, но едва ихъ слышали и не внимали ничему. — Насъ ввели къ Сафаръ-Беку въ собраніи всѣхъ бывшихъ у него друзей. — Онъ съ начала уговаривалъ мать мою, чтобъ оставила на меня свои требованія и совѣтовала бы мнѣ признать его моимъ отцомъ и остаться въ его законѣ, что онъ за сіе оставитъ ее у себя и будетъ беречь ее старость. Мать моя съ твердостію отреклась отъ всего и сказала рѣшительно, что ни благодѣянія его, ни мученія непобѣдятъ любви ея къ Богу и Святой вѣрѣ Христіанской. Сафаръ-Бекъ обратился ко мнѣ, и съ возможною ласкою уговаривая меня, повторялъ всѣ свои обѣщанія, а я повторяла ему свои отрѣченія, и тоже отвѣчала, что мать моя. Видя упорность нашу, онъ приказалъ насъ бить: мать мою и меня хлестали служители его большими масровыми прутьями

*), а Сафаръ-Бекъ, казалось, съ яростію утѣшался нашимъ глухимъ стономъ. Друзья его вновь пронутые мученіями нашими убѣдительно просили его оставить свою жестокость, говоря: неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ихъ замучить и умертвить? ты видишь, что они готовы перенести все и даже умереть; они побѣдятъ тебя — и ты послѣ будешъ мучиться совѣстію больше, нежели какое теперь дѣлаешъ имъ мученіе; прослывешь варваромъ, а кровь ихъ будетъ вопіять на тебя къ Богу. — Убѣжденія сихъ великодушныхъ людей, и наше терпѣніе болѣе устыдили его, нежели пронули его чувствительность. Онъ прошивъ воли своей приказалъ перестать насъ бить, а друзья его въ тужъ минуту настояли, чтобъ онъ далъ намъ о свободѣ нашей бумагу и отпустилъ бы съ милостію, дабы тѣмъ сколько можно загладить свою несправедливость, и чтобы мы не проклинали его. Сафаръ-Бекъ склонялся уже

*) Масиръ, или Масро-ое дерево, имѣетъ алыя ягоды, и спицы какъ у шиповника.

на все, тотчасъ написалъ бумагу, приказавъ принести все мое платье и отдавая его мнѣ, прибавилъ къ тому на пропитаніе наше сто піастровъ. — Мать моя и я упали къ ногамъ его и благодарили за его милости. Равнымъ образомъ отдали нѣсколько поклоновъ его друзьямъ, которымъ единственно обязаны были за наше избавленіе. При всей жестокости, съ какою поступалъ со мною Сафаръ-Бекъ, ему горестно было разстаться со мною. Онъ самъ началъ уже просить у насъ милости, чтобъ мы остались у него въ домѣ и управляли бы въ немъ всѣмъ, или по крайней мѣрѣ не выѣзжали изъ города, говоря мнѣ: я тебя воспиталъ какъ дочь мою и не могу съ тобою разстаться; по крайней мѣрѣ, доколѣ я живъ, будь здѣсь въ городѣ, чтобъ я могъ тебя всегда видѣть и имѣть о тебѣ попеченіе Въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ въ эшу минуту отъ чистаго сердца, мы повторили ему со слезами благодарность нашу и обѣщали остаться въ городѣ.

Вышедъ отъ него, пошли мы съ матерью къ старому священнику, который давалъ ей предъ тѣмъ спасительныя наставленія, чтобъ сохранить вѣру свою. Священникъ сей, когда мать моя пошла отъ него къ Сафаръ-Беку просить объ освобожденіи меня, подкупилъ одного извѣстнаго ему Персіанина, чтобъ онъ наблюдалъ и увѣдомлялъ его обо всемъ, что будетъ происходить съ нами, дабы могъ донести о томъ Патріарху, и потому зналъ все, что мы претерпѣли. Онъ встрѣтилъ насъ съ радостнымъ лицемъ прославляя имя Божіе. — Къ приключенію нашему нужно было разсказать ему только самое послѣднее обстоятельство. — Онъ совѣтовалъ намъ, что хотя Сафаръ-Бекъ и разстался съ нами хорошо и обѣщалъ оказывать покровительство, но это доброе его разположеніе скоро пройдетъ; природная мстительность возстанетъ въ душѣ его, и онъ подобно уязвленному змію будетъ преслѣдовать насъ со всею злобою. — Мы, говорилъ онъ, подъ ихъ властію — они могутъ дѣлать съ нами все;

на васъ выдумаютъ какое нибудь преступленіе — и подвергнутъ можетъ быть большему бѣдствію, нежели какое претерпѣли; а чтобъ избѣгнуть сего, надобно вамъ какъ можно скорѣе отсюда удалиться въ Вагаршапатъ, гдѣ вы будете безопасны; тамъ Патріархъ можетъ защитить васъ отъ всего. Онъ велѣлъ намъ тотчасъ пристать къ какому нибудь Армянину и ни куда не выходить изъ его квартиры, пока онъ между тѣмъ пріищетъ надежнаго человѣка, проводить насъ до назначеннаго мѣста благополучно. По прошествіи нѣсколькихъ дней, доброй сей священникъ привелъ къ намъ тайно двухъ Армянъ, наятыхъ имъ для нашего провожденія. — Дождавшись ночи, мы помолились Господу Богу усердно вмѣстѣ съ священникомъ, и отправились въ путь пѣшкомъ, будучи сопровождаемы его благословеніями. Армяне сіи зная хорошо тамошнія мѣста, гдѣ и какъ беречься отъ опасностей, дабы непопастся снова Лезгинцамъ, или другимъ разбойникамъ, повели насъ окольными дорогами, удаляясь

отъ обыкновенной. Ночью прятались въ каменьяхъ или оврагахъ, а утромъ, начинная продолжать путь, осматривались на передъ, не ѣдетъ ли, или нейдетъ ли кто. —

Идучи такимъ образомъ, дошли мы до озера Кегамъ, или Севанъ, на которомъ отъ берега верстахъ въ двухъ увидѣли на островѣ большой старинной Армянской Монастырь. — Провожатые наши показали намъ тутъ развалины древняго города Кег-Аркуни (что значитъ Царское Село), построенный въ древности Кегамомъ, Царемъ Армянскимъ и разоренный до основанія Шахъ-Абасомъ. — Мѣстоположеніе тутъ пріятнѣйшее и особливо весною, въ которое время мы проходили. Отдыхая на берегу озера, мы любовались окружающими насъ видами, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ горестію взирали на опустошеніе столь прекрасныхъ мѣстъ, гдѣ Армяне подъ властей законныхъ своихъ Государей жили благополучно. Провожатые разсказали намъ, что въ оном

озерѣ вода сладка; рыбы великое множество, и чудесно то, что каждый мѣсяцъ раждается новая рыба, со всѣмъ другаго вида, такъ, что рыбы прошедшаго мѣсяца весьма рѣдко уже бываютъ видимы. Чрезъ 12 дней прибыли мы чрезъ Герхъ-Булахъ, (что значитъ 40 изпочниковъ) въ Ериванъ, а оттуда въ Вагаршапатъ. Только что вступили въ предѣлы сего города, то въ первые почувствовали въ груди нашей свободу и могли дышать безъ страха.

Бывшій въ то время Патріархъ Симеонъ, чрезъ Ганджинскаго Священника зналъ уже все, съ нами тамъ случившееся. — Онъ самъ позвалъ къ себѣ матъ мою, принялъ насъ съ благоволеніемъ и обнадежилъ всегдашнимъ покровительствомъ. — На пожалованные отъ Сафаръ-Бека 100 піастровъ, за уплатою провожавшимъ насъ Армянамъ договоренной цѣны, мы могли жить безъ всякой нужды довольное время. Между тѣмъ мать моя забопилась, какъ бы выдать меня за мужъ

за добраго человѣка и чрезъ то устроить мнѣ постоянную жизнь. По процесшвіи нѣкотораго времени, въ томъ же году пріѣхалъ въ Эчміацынской монастырь одинъ молодой человѣкъ, для поклоненія изъ области Мущь *). Родомъ онъ былъ Хачикіянецъ, который жилъ издавна такъ какъ и онъ въ селеніи Варпенисъ. Аствацатуръ, какъ звали сего молодаго человѣка, былъ Мастеръ каменнаго дѣла. По сему Патріархъ Симеонъ, какъ былъ любитель Художествъ, желая удержать его у себя для пользы монастыря, убѣдительнымъ образомъ просилъ его остаться въ Ечміацинѣ, съ тѣмъ, что онъ по временамъ можетъ ѣздить на свою родину для свиданія съ родителями, о чемъ писалъ и къ нимъ. Какъ скоро онъ на сіе согласился, то Патріархъ, чтобъ удержать его у себя на всегда, вознамѣрился его женить. — Обѣщавшись намъ

*) Провинція Мущъ, Курдустанской области, состоитъ подъ Турецкимъ владѣніемъ въ Малой Арменіи. — Главный городъ Мушѣ стоитъ на самомъ берегу Евфрата. Владѣютъ сею провинціею преемственно Ики-Туглу-Паши (т. е. двухъ-бунчужные) изъ рода Куртъ.

покровительствовать, онъ въ награду за претерпѣніе наше, предложилъ ему въ невѣсты меня, и такимъ образомъ я выдана была за мужъ въ томъ же году. Мужъ мой, а твой отецъ, построилъ для себя домъ и два года жили мы спокойно и благополучно. Мы имѣли одну только печаль о смерти моей матери, которая умерла на другой годъ. Но по прошествіи двухъ лѣтъ сдѣлалась у насъ тревога; разбойники стали опять дѣлать набѣги, а притомъ начались и междоусобныя безпокойствія. По сей причинѣ Ериванскій Ханъ велѣлъ жителямъ, для избѣжанія опасности, удалиться изъ селенія въ Синакскія горы на Южную сторону. Забравши наши пожитки, выѣхали и мы изъ дому въ Синакъ и прожили тамъ съ годъ. Здѣсь вскорѣ родился старшій твой братъ. Въ теченіи года мятежи успокоились совершенно и мы возвратились въ селенія; но нашли такое раззореніе, что жители едва могли распознать мѣста своихъ домовъ. Все было разломано разбросано, сожено, и едва только въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ стояли стѣны. Отецъ твой принужденъ былъ вновь спроиться и сдѣлать маленькой домъ. Но чрезъ два года съ небольшимъ, нѣкоторые изъ монашествующихъ причинили намъ новое безпокойствіе. Близость селенія отъ монастыря давала имъ способъ дѣлать непозволенные поступки. Патріархъ для отвращенія сего изпросилъ у Ериванскаго Хана позволеніе свести селеніе далѣе на 5 верстъ. Нѣкоторымъ бѣднымъ Патріархъ сдѣлалъ пособіе деньгами. Здѣсь на новомъ поселѣніи, по прошествіи также двухъ лѣтъ безъ мала, родилась Гирикнасъ, твоя сестра. Между тѣмъ отецъ, незнавши въ дому родителей своихъ никакихъ недостатковъ и заботъ, перенося со мною всѣ безпокойства и нужды, сталъ скучать своею жизнію и задумываться. Отецъ его писалъ къ нему неоднократно и убѣдительно просилъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ нимъ и со мною, дабы они могли имѣть утѣшеніе его видѣть и въ его глазахъ умереть, обѣщаясь исправить всѣ его нужды и оплатить долги, какіе бы онъ ни

надѣлалъ. Но какъ по опасности дороги отъ насилій и грабежей, никакъ нельзя было ѣхать со мною, а оставить меня онъ не хотѣлъ, то сіе и было препятствіемъ удовлетворить желанію его родителей и желанію собственно нашему, чтобъ удалиться къ нимъ, какъ въ спокойное убѣжище и гдѣ могли бы мы жить въ полномъ удовольствіи; ибо отецъ его, а твой дѣдъ, былъ человѣкъ богатой. Между тѣмъ печали и заботы сокрушали его здоровье. Онъ сдѣлался боленъ и напослѣдокъ не могъ уже совершенно поправиться. Мы не имѣли ни отъ кого никакой помощи; не было у насъ никакого пріятеля, и никто даже не утѣшилъ насъ хотя бы однимъ словомъ. Вся надежда наша была обращена къ одному Богу трудами моими доставала я дневное пропитаніе, а отецъ твой въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ съ великою нуждою, да и то рѣдко, могъ заниматься своею работою. На 10 году моего замужства, 1774 Апрѣля 20, въ самую страстную Субботу вечеромъ родился ты. — Ста-

рики и старухи наши таковое время твоего рожденія сочли чудеснымъ и чрезвычайнымъ. — По стариннымъ примѣтамъ и сказкамъ присудили, чтобъ я непремѣнно взяла отъ жертвенной перваго дня Пасхи скотины кость лопатку, и положила бы къ тебѣ подъ головы до 7-ми лѣтняго возраста, отъ чего по предсказанію ихъ, долженъ ты быть весьма мудрымъ и славнымъ человѣкомъ. Хотя я была уже 22 лѣтъ, но такъ лестное и утвердительное о твоемъ рожденіи мнѣніе стариковъ, заставило меня вѣрить имъ; со всею простотою ребенка по крайней мѣрѣ я боялась, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не упустить твоего счастія и легко приняла суевѣрное ихъ наставленіе, которое дѣлали они мнѣ проницательнымъ голосомъ, и, даже повелительно. Лопатка была взята и положена тебѣ въ головы; но послѣ, по прошествіи трехъ годовъ, я думала о дѣйствіи сей кости пропивное предсказанному, и изтолча бросила ее въ рѣку. Крещеніе твое надлежало совершить на другой день, т. е. въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, но

какъ мы съ отцомъ твоимъ находились уже въ крайней бѣдности, то и немогли для того справиться такъ скоро. При томъ же онъ въ болѣзни своей уже такъ былъ слабъ, что едва могъ ходить по горницѣ, а я послѣ родовъ не могла скоро собраться съ силами *) Нѣкоторые уже изъ сосѣдей, видя наше положеніе, помогли намъ въ томъ, и, какъ я замѣтила, по усердіе ихъ на сей разъ происходило отъ почтенія къ чрезвычайному, по мнѣнію ихъ, рожденію твоему; и такъ окрестили тебя въ слѣдующее Фомино Воскресеніе *); при семъ случаѣ и самъ даже священникъ непреминулъ поздравить меня съ твоимъ рожденіемъ и вмѣстѣ съ другими пророчилъ о твоей премудрости и знатности. Между тѣмъ отецъ твой въ продолженіи послѣднихъ 4хъ мѣсяцовъ отъ рожденія твоего будучи уже тяжко

*) Женщина родильница, по нашему обычаю, прежде шести недѣль не можетъ ходить со двора днемъ, кромѣ вечера, когда скроется солнце; и ни кто во все то время не будетъ ѣсть изъ ея рукъ или приготовленной ею пищи.

*) Я собственно для себя замѣтилъ, что въ Фомино Воскресеніе избавилась мать моя отъ Сафаръ-Бека.

болѣнъ, Іюля 24 умеръ, оставя меня съ вами одну переносить всѣ бѣдствія ужасной бѣдности. Горесть моя тѣмъ была сильнѣе, что въ немъ имѣла я единственнаго друга; лишившись его, мнѣ не съ кѣмъ уже было раздѣлять печалей. Мы утѣшали одинъ другаго и чрезъ то доставляли сами себѣ нѣкоторыя минутныя отрады. Старшій братъ твой былъ въ это время близь 7 ми, а сестра 3хъ лѣтъ. Предавши землѣ тѣло покойнаго отца твоего, я должна была думать о способахъ къ продолженію моей жизни и къ вашему воспитанію. — Второе замужство могло бы поправить мое состояніе и мнѣ еще можно было очень надѣяться выйти замужъ за какого нибудь пожилаго достаточнаго вдовца, естьли бы была я легкомысленнѣе и менѣе бы любила васъ, но я въ разсужденіи сего не обольщала себя никакими надеждами и думала, что я согрѣшу предъ Богомъ, естьли посягну быть женою другаго мужа, проживъ съ первымъ девять лѣтъ и имѣя уже отъ него трехъ дѣтей. Богъ далъ мнѣ мужа,

я любила его и онъ меня любилъ; Богъ его взялъ, но любовь мою къ нему должна я сохранить въ сердцѣ моемъ на всегда и только для васъ. Вотчимъ не можетъ васъ любить, какъ родной отецъ; а когда будутъ другіе дѣти, то и возненавидитъ васъ. Женятся на вдовѣ для богатства, но я кромѣ нищеты неимѣю ничего; для красоты — но лучшая красота моя прошла; она увяла, отъ труда и печали, какъ цвѣтокъ отъ морозовъ; — для любви, моя любовь въ могилѣ — для дѣтей, но я имѣю уже троихъ. Такъ разсуждая сама съ собою, я вспомнила о птицѣ Керункъ и привела себѣ ее въ примѣръ: потерявъ свою пару, она не токмо не ищетъ другой, но и удаляется отъ стада; уединенна изнуряетъ себя около береговъ и наконецъ умираетъ. Такое постоянство и терпѣніе въ тварн, неодаренной разумною и безсмертною душею, не должны ли наиболѣе составлять качествъ человѣка, — превосходнѣйшаго творенія Божія, — нежели противною тому слабостію унижаться паче безсловѣсныхъ.

И такъ я избрала единственное средство, чтобъ тягость состоянія моего сносить терпѣливо, рѣшилась собрать къ тому всѣ душевныя мои силы, просить всегда Бога о подкрѣпленіи моего терпѣнія и снискивать пропитаніе для себя и для васъ трудами. Днемъ ткала ковры, вечеромъ пряла бумагу, — и съ помощію домашняго хозяйства, цѣлые пять лѣтъ по милости Божіей я жила съ вами безъ всякой нужды и даже порядочнѣе нѣкоторыхъ достаточныхъ нашихъ людей. — Но по прошествіи сихъ пяти лѣтъ, (въ 1779 году) разрушено было опять спокойствіе жителей. Грузинскій Царь Ираклій, попребовалъ опъ Ериванскаго Хана дани; но онъ въ томъ эму отказалъ. Ираклій собралъ войско и пошелъ на Ериванъ войною. При вступленіи его въ область Араратскую, Патріархъ Симеонъ вышелъ ему на встрѣченіе въ деревню Аштаракъ, *) и употреблялъ всевозможныя убѣжденія отклонить его отъ сего предпріятія,

*) Аштаракъ отъ Вагаршапата примѣрно вёрстахъ въ сорока.

представляя ему, что требуемая имъ дань и отказъ Хана во вся не стоитъ того, чтобъ вести за то войну, требующую великихъ издержекъ, и крови многихъ тысячь людей; что онъ постарается употребить посредство свое склонить Хана къ удовлетворенію его требованія и надѣется въ томъ успѣть; но Ираклій не внималъ ничему; восемь самыхъ богатыхъ Армянскихъ селеній удалились къ Балзиту на Турецкую границу, а прочіе по Христіанству приняли сторону Ираклія. Патріархъ паки употребилъ свое посредство при деревнѣ Паракаръ; но и на сей разъ оно осталось безъ всякаго успѣха. Ираклій началъ непріятельскія дѣйствія стрѣляніемъ изъ пушекъ противу крѣпости; но сіе не произвело въ Персіанахъ ни малѣйшаго страха: они отвѣчали ему со стѣнъ одними насмѣшками. Ираклій отвергнувши совѣты Патріарха, принужденъ былъ отстать отъ своего намѣренія и противъ воли. Наступающая зима грозила ему погибелью всего его войска отъ стужи и голода. Неудача сія раздражила

его до жестокости; онъ оказалъ ее особливо надъ Армянами, которые хотя и полагали на него всю надежду, что онъ избавитъ ихъ отъ ига Персидскаго, и для сего оказывали ему всякое при семъ случаѣ усердіе и сдѣлались бунтовщиками противу своихъ властелиновъ. Ираклію казалось мало раззорить только цѣхъ, которые остались при своихъ селеніяхъ; но разослалъ своихъ чиновниковъ уговорить удалившихся къ Базиту возвратиться къ своимъ мѣстамъ, и поставляя порукою Патріарха, увѣрялъ, что онъ пришелъ въ область ихъ единственно для ихъ освобожденія; что ни о чемъ такъ не думаетъ, какъ о ихъ благосостояніи и будетъ прилагать о томъ всевозможныя попеченія; и на конецъ, чтобы они отложа всякой страхъ, возвратились въ свои домы. Нещастные, убѣжденные поручительствомъ Патріарха, къ коему имѣли полную довѣренность и любовь, прибыли къ своимъ мѣстамъ, только для того, чтобъ содѣлаться жертвами самыхъ ужасныхъ насилій. Кромѣ нашего селенія

Вагаршапата и еще нѣсколькихъ ближайшихъ къ Эчміацыну деревень, заключившихся для безопасности въ крѣпость монастыря *), всѣ прочіе были раззорены, или сожжены; имѣніе разграблено; бѣдные и богатые отведены плѣнными въ Тифлисъ и раздѣлены Ираклiемъ между его Князьями. — Но этого еще не довольно: не смотря на то, что и Персіане при всѣхъ грабительствахъ своихъ ни когда не касались мѣстъ священныхъ и уважали храмы, — воинство Ираклія раззорило и ограбило всѣ монастыри и церкви на Аракатской горѣ и въ другихъ мѣстахъ находившіеся, такъ, что кромѣ пустыхъ стѣнъ ничего въ нихъ не осталось. Патріархъ Симеонъ, заключивъ Вагаршапатскихъ жителей въ Монастырскія стѣны, просилъ Ираклія не раззорять нашего селенія, обѣщаясь удовлетворить всякому его требованію, что имъ и было исполнено. Между многими другими его требованіями, даны ему отъ Патріарха знат-

*) Крѣпости сей прежде не было, а построена попеченіемъ Патріарха Симеона.

ныя денежныя суммы, и такимъ образомъ Патріархъ спасъ насъ отъ того бѣдствія которому подверглись всѣ прочіе Армяна, и каковаго не претерпѣли еще ни при какихъ безпокойствахъ и грабежахъ со стороны вторженія Лезгинцовъ, и прочихъ горскихъ разбойниковъ. Изъ числа плѣнныхъ, взятыхъ Ираклiемъ, большая часть слѣдовала за нимъ въ самомъ ужасномъ состояніи; они не имѣли ни одежды, ни обуви, все у нихъ было отнято и ограблено, многіе погибли на дорогѣ отъ голода, а многіе спаслись бѣгствомъ приведенные же въ Тифлисъ, одни разсѣлены были по разнымъ самымъ опаснымъ мѣстамъ отъ разбойниковъ, а другіе розданы Князьямъ и прочимъ Грузинскимъ дворянамъ, коихъ они называютъ нынѣ своими крѣпостными *), и стараясь ли-

*) Армяне были и есть всегда всѣ свободные, и присвоютъ ихъ нѣкоторые въ крѣпость со всѣмъ неправильно, не имѣя на то ни какихъ документовъ, да и быть оныхъ никогда не можетъ. Турки никогда Армянъ не покупаютъ, что строго у нихъ запрещено, а Грузинцовъ покупаютъ обыкновенно какъ и прочихъ невольниковъ.

шить свободы, угнѣтали ихъ всякими притѣсненіями и не рѣдко до крайности.

Сіе произшествіе уподоблялось нѣкоторымъ образомъ преселенію Вавилонскому и естьли не превосходило, то и ни чѣмъ неуступало раззореніямъ, учиненнымъ Шахъ Аббасомъ потому, что при плѣненіи Вавилонскомъ пощажено было человѣчество, и плѣнные Іудеи можетъ быть не претерпѣли того, что претерпѣли Армяне, отъ глада, нагопы и проч. а въ послѣднемъ случаѣ и святость храмовъ осталась неприкосновенною и уваженною *). Слѣдствія сего раззоренія были не менѣе плачевны поля остались въ запустѣніи и отъ того цѣлые два года продолжалась такая дороговизна, что

*) Персіане храмъ всякой религіи, не смотря на разность закона, уважаютъ столько, сколько должно уважить мѣсто, посвященное богу и молитвамъ. Шахъ Аббасъ, при своемъ нашествіи, повѣсилъ въ Эчміацынѣ богатую лампу которая и до нынѣ тамъ находится. Нынѣшній Шахъ (или Шахъ-Зада) бывъ въ Эчміацынскомъ Монастырѣ, вошелъ въ храмъ не иначе, какъ входятъ и въ свои мечети, скинувъ въ предверіи туфли, и повелѣвъ напередъ полъ храма устлать драгоцѣнными коврами.

Лидеръ (10 фунтовъ) хлѣба, продавался 15 піастровъ на Турецкія деньги, да и того взять было негдѣ. По сему бѣдные и богатые приведенные въ бѣдность, должны были питаться быліями и умирать съ голода.

Патріархъ Симеонъ носилъ въ душѣ своей сіи язвы народа. Всеобщее бѣдствіе людей, изтаявавшихъ въ глазахъ его отъ глада; разхищеніе имѣній и раззореніе храмовъ Божіихъ повергло его въ жестокую скорбь. Казалось, что неусыпныя его попеченія и благоразуміе, полагали твердыя основанія благосостоянію народа Армянскаго: онъ употреблялъ къ тому всѣ средства и усилія, и народъ ощущаль уже въ довольной мѣрѣ благодѣтельные плоды по истинѣ пастырскаго его управленія; но Царь Ираклій, такъ сказать, въ одинъ часъ и однимъ ударомъ разрушилъ все. — Повсюду видны были слѣды запустѣнія, нищеты и губительства; а оставшаяся часть народа представляла не людей, но образъ изтомленныхъ скитающихся тѣней. — Всѣмъ примѣтны были внутрен-

нія мученія Патріарха, что онъ не въ силахъ былъ удовлетворить нуждамъ цѣлаго народа и облегчить бѣдственный ихъ жребій. — Впрочемъ онъ дѣлалъ все, что только было въ его возможности, и явно изливалъ изъ сердца своего прискорбныя чувствованія, кои сколь были сильны, что онъ, какъ добрый пастырь, напередъ отдавъ Господу отчотъ въ дѣлахъ своихъ и въ управленіи ввѣреннаго ему спада, просилъ о прекращеніи жизни его. Часто съ горькими слезами представлялъ онъ, что стараясь тщательно соблюсти, устроить и сдѣлать благополучнымъ сколько возможно малое стадо свое, не можетъ перенести настигшаго насъ жребія и при семъ возклицалъ къ Богу, что онъ не виненъ въ крови овецъ, отъ Него ему врученныхъ; что онъ полагалъ за нихъ душу свою, но не въ силахъ былъ спасти отъ волковъ, кои ихъ разхитили и разтерзали. Къ сему нещастію присовокупилось еще другое для Патріарха чувствительное обстоятельство, что нѣкоторые изъ націи нашей, отдалившись

отъ вѣры отцовъ своихъ, утвержденной на Никійскомъ Соборѣ, и сдѣлавшись Папистами, или Езуитами, старались развращать слабыхъ, и ложными своими умствованіями, коихъ цѣлію единственно былъ обманъ и корысть, совращать простосердечныхъ деревенскихъ жителей съ истиннаго пути.

На конецъ печали сіи, изнурившія душевныя и тѣлесныя его силы, по прошествіи 8 мѣсяцовъ прекратили его жизнь. Тѣло сего достойнѣйшаго пастыря погребено съ прочими Патріархами въ Монастырѣ Св. Мученицы Каіаны и сопровождаемо было всеобщими рыданіями. Сею потерею нещастіе наше усугубилось несравненно. Народъ лишился въ немъ единственной подпоры, защитника и самаго ревностнаго попечителя нашей вѣры *).

*) Патріарха Симеона по справедливости можно почесть четвертымъ по Просвѣтителѣ Григоріѣ. — Онъ возобновилъ и устроилъ въ совершенномъ порядкѣ церковное служеніе, которое до того по разнымъ упущеніямъ въ рукописяхъ приведено было въ большое неустройство; усовершенствованъ типографіею своею прежнія ошибки и святцы имъ

Послѣ него вступилъ на Патріаршій престолъ Архіепископъ Лука изъ города Каринъ, (по Турецки Арзрумъ), въ это время уже ты былъ на 8мъ году. Я намѣрена была употребить всѣ силы, обучить тебя грамотѣ и ввести въ духовное званіе, чтобъ ты содѣлавшись наконецъ служителемъ церкви, молился Богу объ отпущеніи грѣховъ твоихъ родителей, надѣясь при томъ, что ты будешъ мнѣ подпорою въ старости моей и спанешъ поддерживать брата твоего и сестру. — Я прибѣгла къ монастырскому переплетчику, нашему сосѣду, и просила его со слезами, чтобъ онъ взялся тебя выучить грамотѣ. Онъ охотно на это согласился, но съ великимъ трудомъ могла я для ученья твоего сыскать доску *).

написанные сохранятъ вѣчной порядокъ и будутъ свидѣтельствомъ какъ великихъ его дарованій, такъ и приверженности къ службѣ божіей и церквѣ. — Равнымъ образомъ прилагалъ онъ неусыпное стараніе о благосостояніи народа, выписывалъ нужныхъ художниковъ, ободрялъ всякія полезныя мастерства и дѣлалъ всѣ нужныя пособія.

*) Азбуку учатъ у насъ на доскѣ изъ дерева грецкихъ орѣховъ, на которой учитель пишетъ буквы тушью. За ученье

Ты учился весьма прилѣжно и въ продолженіи одного года могъ уже читать очень хорошо и отвѣчать на многіе вопросы о вѣрѣ на память. Ты сталъ славиться въ нашемъ селеніи; всѣ тебѣ завидовали, потому больше что ты былъ сынъ самой бѣдной вдовы, между тѣмъ какъ дѣти нашихъ богатыхъ людей незнали грамотѣ и неучились. Староста нашей деревни Карапетъ былъ человѣкъ очень доброй и одинъ почти онъ принималъ въ тебѣ участіе, одобрялъ мое стараніе и по добротѣ души своей радуяся успѣхамъ твоимъ въ ученіи, оказывалъ намъ покровительство. Но не смотря на то, по прошествіи нѣкотораго времени, одинъ изъ десятниковъ, у котораго сынъ былъ совершенно безсмысленной и ни къ чему неспособный, кромѣ простой полевой работы, изъ зависти сталъ не рѣдко отвлекать те-

платы нѣтъ; а по праздникамъ родители дарятъ того человѣка чѣмъ могутъ. Сверхъ того ученикъ дѣлаетъ у него въ домѣ все, какъ крѣпостной работникъ. Вообще учители поступаютъ съ своими учениками самовластно и часто наказываютъ ихъ самымъ тиранскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ.

бя отъ ученья и посылать на работы. Тогда я принуждена была сравняться съ ребятами, и вмѣсто тебя исправляла все то, что тебя дѣлать заставляли, давая тебѣ способъ продолжать свое ученье. Но когда, къ нещастію нашему, покровитель нашъ Карапетъ померъ, то управлявшій въ то время деревнею, одинъ изъ духовнаго званія, по имяни Калустъ, изъ деревни Аштаракъ, человѣкъ жестокосердой, котораго душа исполнена была злобы и ненавиденія, опредѣлилъ на мѣсто Карапета старостою Сагака, человѣка совершенно глупаго, который безпрестанно говорилъ самъ незная что. — Никогда и ни кто кромѣ безтолковаго и глупаго вздора, ничего отъ него неслыхалъ. Онъ каждое утро, вставая рано, ходилъ на сборное мѣсто только за тѣмъ, что бы споя, или ходя, молоть что только на языкъ ему попадется и ругать тѣхъ, кого могъ онъ обижать. Спрашивая изъ бѣдныхъ по того, по другаго, поставлялъ за удовольствіе поносить безчестными словами ихъ самихъ, или родственниковъ ихъ

кого ему вздумается; прочіе старшины и богатые люди деревни нашей были неумнѣе его, или очень мало, словомъ сказать, что ни добраго нрава, ни здраваго разсудка почти со всѣмъ не имѣли. — Въ одно время, когда я исправляла за тебя работы и была за то отъ десятника очень обижена, пришла къ Сагаку съ жалобою, и объясняя ему мою обиду, просила его оказать мнѣ съ сиротами отъ притѣснѣній защиту, но онъ вмѣсто того закричалъ на меня съ бранью, для чего я нейду за мужъ, и выгналъ меня вонъ.

Съ тѣхъ поръ перенося на себѣ всѣ трудности и обиды съ терпѣніемъ, я избавляла чрезъ то тебя отъ всѣхъ огорченій; собирала съ поля остатки пожинаемаго хлѣба; трудилась день и ночь, чтобъ достать вамъ пищу, и нѣсколько разъ принимала побои, публичныя ругательства и насмѣшки, ожидая только того, что когда ты въ состояніи будешъ читать въ церкви, тогда уповала я найти въ людяхъ нашихъ честь и видѣть

тебя въ покоѣ и уваженіи. — Но изверги отняли у меня и сію послѣднюю надежду злоба и зависть ихъ, какъ ты видишь, еще болѣе умножилась. Они вздумали погубить тебя, приготовляя тебѣ ядъ и изощряя на тебя кинжалы свои. Ахъ! любезный сынъ мой! Тебѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ положившись на покровительство Божіе, удалиться отсюда. Возьми крестъ, одѣнься въ волосяную одежду пустынниковъ и ищи себѣ убѣжища, гдѣ найти можешь. Я ничего больше не могу для тебя сдѣлать, какъ только молиться, чтобъ Богъ далъ тебѣ терпѣніе и помогъ войти въ какой нибудь монастырь съ твоею бѣдностію *) Неослабѣвай въ упованіи на Бога, и иди въ слѣдъ Христа Спасителя нашего. Онъ сказалъ, кто не оставитъ отца и мать свою ради Его, тотъ не достоинъ Его. — Я разсказала тебѣ произшествія жизни

*) Бѣдному почти невозможно, или весьма трудно попасть у насъ въ Монастырь. Туда принимаютъ только достаточныхъ, или по покровительству какого нибудь богатаго человѣка что со мною и случилось.

моей для того, чтобъ мои страданія, претерпѣнныя мною съ матерью моею для любви Божіей, и помощь Его, оказанная въ избавленіи насъ отъ разныхъ бѣдствій, послужили тебѣ примѣромъ и утвердили тебя въ томъ упованіи что Богъ всегда силенъ; можетъ возвѣсти падшаго, воскресить умершаго, и отъ камени воздвигнуть семя Авраама. Мы взяты отъ земли и обратимся въ землю. Вѣкъ нашъ пройдетъ подобно тѣни и какъ мимо текущая вода, а съ нею и всѣ печали наши. Настоящая жизнь наша есть странствованіе и путь, на которомъ сѣющіе слезами пожнутъ радостію въ будущей вѣчной жизни. — Не желай ничего, кромѣ терпѣнія и нейди отъ вѣры другихъ упѣшеній, кромѣ любви и упованія на Бога, будь вѣренъ до смерти и ожидай награды только въ будущемъ вѣкѣ. — Неогорчайся давишнимъ приключеніемъ. Богъ накажетъ обидѣвшихъ и наградитъ тебя за твою невинность. Помни сіи мои наставленія, и мои произшествія и страданія поставляй себѣ примѣромъ; утверди

ихъ въ твоей памяти и сердцѣ. Сохраняй Христіанскую вѣру, которой обучаютъ тебя; я даю тебѣ сіе завѣщаніе и естьли ты сохранишъ его, то будешь благословенъ отъ Бога.

Послѣ сей исторіи мать моя осыпала меня жарчайшими поцѣлуями и прижимая къ сердцу своему, продолжала упѣшать меня и совѣповать чтобъ надѣялся на помощь Божію. — Въ продолженіи разговора ея, я, такъ сказать, пилъ мои слезы; старшій мой братъ и сестра плакали не меньше меня. — Такимъ образомъ провели мы весь вечеръ за полночь. На слѣдующее утро весьма рано, когда еще не разсвѣтало, мать моя услышала стукъ у воротъ и по голосу узнала того десятника, кому приказано было отъ старшаны смотрѣть за мною. — Не предвидя изъ прихода его ничего добраго, мать моя не прежде его впустила, какъ по тихоньку выведя меня на дворъ и скрывши въ сухомъ коровьемъ навозѣ, который обыкновенно запасается у насъ на зиму для

топки печей. Взошедъ въ горницу, тотчасъ спросилъ меня. Она отвѣчала ему, что я пошелъ учиться. Не за долго предъ тѣмъ временемъ, мать моя тайно отдала меня для ученья къ другому доброму человѣку, для того, что у прежняго моего учителя всегда за мной караулили, чтобъ утащить на работу, коль скоро меня увидятъ. Десятникъ не зная о перемѣнѣ моего учителя пошелъ къ сосѣду, но ненашедъ и тамъ, возвратился къ старостѣ съ отвѣтомъ, что нигдѣ меня не нашолъ. Только, что онъ вышелъ отъ насъ, то мать моя потчасъ послала меня къ новому моему учителю. Сей доброй человѣкъ, будучи свидѣтелемъ сдѣланнаго со мною на канунѣ поступка, весьма объ ономъ соболѣзновалъ; зная же и прежде зависть и не доброжелательство нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ, при малѣйшемъ сомнѣніи, что меня ищутъ, или караулятъ, прятялъ такъ же въ коровій навозъ, или въ хлѣву въ сѣно. Но на сей разъ сдѣлалъ большую неосторожность, отпустивъ въ полдень домой обѣдать,

полагая, что тогда всякой сидитъ съ своимъ семействомъ за столомъ и я могу итти и возвратиться безопасно. Но вышло на противъ. Староста будучи огорченъ отвѣтомъ десятника, и угрожая ему самому наказаніемъ, приказалъ, чтобъ непремѣнно меня отыскалъ и привелъ къ нему. — Собственная опасность подвергнуться наказанію, заставила его подумать о семъ хорошенько. — Дождавшись обѣденнаго времени, онъ пришелъ къ намъ на угадъ, и къ нещастію нашему не ошибся. Я неуспѣлъ еще окончить обѣда, какъ онъ вдругъ прямо взошелъ въ горницу и съ злобною радостію закричалъ на меня: а! попался: — вотъ мы выучимъ тебя по своему! и съ бранью укоряя, что онъ долженъ бы былъ терпѣть за меня наказаніе; билъ меня по щекамъ и палкою по плечамъ, угрожая при томъ: сколько еще я долженъ буду терпѣть наказаній отъ его рукъ. — Бѣдная мать моя не могла въ защищеніе мое ничего другаго сдѣлать, какъ только говорила ему съ рыданіемъ, что она желаетъ и проситъ Бога уви-

дѣтъ, чтобъ и съ его дѣтьми было поступлено такимъ же образомъ, и чтобъ они остались сиротами безъ покровительства и въ такомъ же угнѣтеніи, какъ и нещастной меньшой сынъ ея Артемій. Десятникъ на сіи слова оставя меня, обратился къ ней, и ударивъ нѣсколько разъ по лицу, схватилъ ее за волосы и таскалъ, приговаривая, что какъ она осмѣлилась ему противиться и говорить такъ дерзко; а естьли хочетъ защищать своего сына и сдѣлать его ученымъ: то сама бы за него работала все, что онъ ее заставитъ и приказывалъ ей взявъ Тагучакъ *) идти за нимъ вмѣстѣ со мною къ старостѣ. Мать моя просила его убѣдительно пощадить насъ и чтобъ онъ не трогалъ ее хотя тотъ день, говоря, что ей не на кого оставить малолѣтныхъ дѣтей и дому своего, что естьли она не будетъ имѣть времяни дѣлать на себя, то намъ ни кто ничего не дастъ и не

*) Железо на подобіе каменщичьяго кирка, насаженное на длинной палкѣ, аршина въ полтора, чѣмъ полютъ у насъ траву, растущую между хлопчатой бумаги.

принесетъ; что мы по малолѣтству не въ состоянiи еще сами себѣ доставать пропитанiе, и что она исполнивши тѣмъ днемъ свои нужды, пойдетъ на работу завтра; но ни слезы, ни вопли брата и сестры моей ни мало не пронули сего изверга. Онъ принудилъ мать мою слѣдовать за собою, таща ее за волосы. Будучи ожесточена до крайности и вышедъ изъ терпѣнiя, ударила она десятника гучакомъ въ голову и прошибла до крови. Десятникъ и безъ того будучи человѣкъ жестокой, таковымъ поступкомъ матери моей приведенъ былъ въ совершенную ярость; прибилъ ее до полусмерти и бросилъ на улицѣ почти въ безпамятствѣ; но неудовольствуясь симъ, пошелъ уже не къ старостѣ, а къ самому управляющему деревнею Калусту, и жалуясь на поступокъ матери, представлялъ ему о ее неповиновенiи; что она ни сама не хочетъ ходить на работы, ни дѣтей своихъ не посылаетъ, а думаетъ только о томъ, что бы насъ сдѣлать учеными, отдавши одного сына учиться башмачному

мастерству, а другаго грамотѣ. Калустъ въ это время былъ въ Кали, (родъ овина, гдѣ у насъ очищаютъ пшеницу.) По повелѣнію его, человѣкъ шесть изъ его служителей, тотчасъ пошли и притащили къ нему мать мою за волосы. Калустъ лишь увидѣлъ ее, то съ звѣрскимъ ожесточеніемъ закричалъ на нее: какъ осмѣлилась она неслушаться десятника и оказать неповиновеніе къ повелѣніямъ его, какъ главнаго начальника и управляющаго всѣмъ селеніемъ, и кто далъ ей право неисправлять съ прочими работъ, какія ей приказываютъ, и стараться только о томъ, чтобъ дѣти ея были ученые. — Мать моя избитая и почти изувѣченная, едва уже могла говорить; однако отвѣчала ему съ подобострастіемъ слѣдующимъ образомъ: милостивѣйшій господинъ! (тогда, какъ онъ немилосердѣе былъ тигра,) я бѣдная вдова, ничего не имѣю, кромѣ того, что доспану моими прудами; нѣтъ у меня ни какой помощи и покровителя, и не отъ кого мнѣ получить даже добраго совѣта; дѣти мои малолѣтны, сами

ничего доставать себѣ еще не могутъ. Я должна ихъ воспитывать; а естьли я буду всякой день ходить на ваши работы, то получая за цѣлой день только двѣ пары, по нынѣшней дороговизнѣ не токмо для дѣтей, но и для себя не могу доспать столько хлѣба, чтобъ быть сытою. Я одна, и не токмо ни кто не принесетъ имъ хлѣба, но и присмотрѣть за ними и за домомъ не кому. Окажите вашу милость мнѣ и несчастнымъ моимъ сиротамъ: дайте мнѣ облегченіе, пока они придутъ въ возрастъ, тогда мы общими силами вознаградимъ то, чего я не могу теперь дѣлать для васъ одна, — и сію просьбу свою заключила жалобою на десятника. — Калустъ смотря на нее съ адскимъ осклабленіемъ, вмѣсто того, чтобъ убѣдиться справедливою ея жалобою на десятника и оказать ей защиту въ которой неотказали бы въ подобномъ случаѣ и самые лютые звѣри, естьли бы разумѣли голосъ человѣческій; осыпавъ ее ругательствами, неприличными ни званію его, ни полу матери моей, за то, что

осмѣлилась она отвѣчать предъ нимъ, приказалъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ привесши сильнаго человѣка и принесши кярмасы *). Приказаніе его тотчасъ было исполнено. Привели дюжаго мужика, который взявъ мать мою за руки, держалъ ее крѣпко на своихъ плечахъ, а другіе били ее до тѣхъ поръ, пока у ней во все уже не стало голоса и все платье на ней было смочено кровью. Я слѣдовалъ все за нею и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ надъ нею жесточайшихъ тиранствъ Читатели мои, естьли могутъ, пусть представятъ, каково при томъ было мое положеніе, и можно ли во всей подсолнечной указать на народъ большой люотости.— Не больше ли это значитъ того, что дикіе, которые по образу и жизни своей походятъ болѣе на звѣрей, ѣдятъ своихъ непріятелей?

Такимъ образомъ насытившись кровію матери моей, спащили ее въ домъ также

*) Дерево гибкое и не толще какъ въ палецъ изъ которыхъ дѣлаютъ чубуки; естьли намазать ихъ масломъ, то они будутъ мягки какъ плѣти и не ломаются.

за волосы. — Она столь сдѣлалась опасна въ жизни, что въ тотъ же день пріобщили ее святыхъ таинъ. Въ семъ трудномъ положеніи находилась она съ мѣсяцъ, а съ постели могла встать не прежде, какъ по прошествіи трехъ мѣсяцовъ. Между тѣмъ я, мой братъ и сестра, каждый день были гоняемы на работы, и нѣкоторые уже изъ сосѣдей, такъ какъ мать моя имѣла у себя скотину и домъ, сжалившись надъ ея страданіями и нашимъ безпомощнымъ сиротствомъ, приходили исправлять домашнія наши нужды, когда мы сами всего исправить неуспѣвали. Не смотря на малолѣтство и труды, какія я долженъ былъ переносить въ будничныя дни недѣли, по воскресеньямъ тайно уходилъ къ моему учителю и продолжалъ ученье. — Въ это время я почти одинъ поддерживалъ наше семейство. Бывая въ церквѣ по праздничнымъ днямъ, и съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать, я съ величайшимъ вниманіемъ примѣчалъ порядокъ церковнаго служенія; имѣя же хорошую память, многое изъ онаго зналъ на изустъ.

Священники меня любили за мою расторопность. Ходя на работу и съ работы, я каждый день заходилъ то къ тому, то къ другому, и доставалъ отъ нихъ: хлѣба, сыру а иногда и деньги. Они брали меня съ собою на похороны, крестины и на другія требы; при чемъ я исправлялъ должность дьячка и получалъ отъ того нѣкоторой доходъ. — Впрочемъ случалось со мною не одинъ разъ и то, что полученныя за полевые работы деньги, иногда дней за десять, были у меня отнимаемы, по приказанію нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ. Напримѣръ: узнавъ кто идетъ съ деньгами, прикажутъ десятнику его остановить, и подъ предлогомъ, что будто бы корова, или другая скотина его вошла въ ихъ поле, и потравила пшено, потребуютъ заплатить за убытокъ; и такимъ образомъ поступали они со многими бѣдными людьми.

Въ продолженіи помянутыхъ трехъ мѣсяцовъ, какъ мать моя съ трудомъ еще только могла бродить по горницѣ, умеръ

торговавшій въ нашей деревнѣ наѣздомъ Армянскій купецъ Айвасъ, изъ города Астабапа, что въ Нахичеванской провинціи Персидскаго владѣнія. Такъ какъ онъ не имѣлъ тутъ наслѣдниковъ: то по праву монастыря посланъ былъ отъ Патріарха Луки Архимандритъ Карапетъ, для взятія на монастырь находившагося при немъ имѣнія послѣ его погребенія. — Я тотчасъ воспользовался симъ случаемъ и выбравъ время, когда въ церкви кромѣ священнослужителей никого изъ посторонннихъ не было; пришелъ въ церковь; читалъ по усопшемъ псалтырь, и что слѣдуетъ пѣлъ при служеніи Архимандритомъ панихиды. Замѣтя мою способность спросилъ онъ: кто я и какихъ родителей хочу ли быть принятъ въ монастырь и находиться у него въ услуженіи. Удовлетворивъ его вопросамъ о моемъ состояніи, я съ радостію принялъ его предложеніе идти въ монастырь и цѣловалъ его руку. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я совершенно былъ въ томъ надеженъ. Пришедъ домой, я разсказалъ сіе обстоятельство

матери. Она обрадовалась до несказанности и со слезами благодарила Бога за низпосланіе любезному ея сыну такого благополучія. По погребеніи умершаго, Карапетъ объяснивъ Патріарху обо мнѣ и способностяхъ моихъ, просилъ его, чтобъ принять меня въ монастырь. Патріархъ на сіе согласился, и я чрезъ нѣсколько дней былъ туда взятъ получивъ отъ матери благословленіе и подтвержденіе ея наставленій. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ.

Карапетъ родомъ былъ изъ города Араткеръ, Турецкаго владѣнія. Хотя онъ оказалъ мнѣ по моему положенію величайшее благодѣніе, но я считаю необходимымъ сказать объ немъ справедливо, не нарушая впрочемъ должнаго уваженія къ его памяти, и благодарности, которою ему обязанъ, и которою до днесь его поминаю. Онъ былъ человѣкъ очень доброй; или по крайней мѣрѣ въ семъ смыслѣ лучій многихъ другихъ. Онъ, сколько могъ я замѣтить, во все не былъ прилеплень

къ суетамъ мира; ни какія страсти не возмущали спокойствія души его: онъ только любилъ изобильно и по вкуснѣе наполнять себя пищею. — Я также не имѣлъ въ ней недостатка; всегда былъ сытъ въ полной мѣрѣ; но только объ ученіи моемъ совсѣмъ было забыто. Я ни чего другаго не дѣлалъ собственно для Карапета и ничему неучился, кромѣ того, какъ приготовлять для него кушанье; занимался иногда чтеніемъ священнаго писанія, и имѣя много свободнаго время, записывалъ для памяти исторію моей матери, и предшествовавшія ей обстоятельства. — Жители города Арапкера, мѣста рожденія Карапета, говорятъ отличнымъ и нѣсколько смѣшнымъ нарѣчіемъ, противу чистаго Армянскаго языка, и въ пищѣ имѣютъ господствующимъ странной и жестокой вкусъ. У нихъ не бываетъ ни одного почти блюда безъ дикаго перца. Арапкерцы приготовляютъ изъ него даже особенный соусъ и употребляютъ его иногда такъ, какъ употребляютъ другіе салатъ или огурцы, обмакивая только въ

соль. Словомъ сказать, что ни одинъ народъ не можетъ вкушать такъ сильной или лучше сказать палящей горечи и въ такомъ большомъ количествѣ, какъ Арапкерцы. Карапетъ говорилъ тѣмъ же нарѣчіемъ, имѣлъ вкусъ къ перцу, и кушаньи его въ изобиліи онымъ были приправляемы. Я удивлялся, какъ такія ястивы не съѣдали его внутренности, когда отъ одного къ нимъ прикосновенія слезала у меня съ губъ кожа, а запахъ поражалъ обоняніе.— Прочіе Архимандриты и монашествующіе въ разсужденіи кушанья его и нарѣчія смѣялись надъ нимъ; а вспрѣчаясь со мною, никогда не пропускали говорить указывая съ насмѣшкою: вотъ служитель такого-то. — Какъ бы то ни было: а я два года провелъ съ нимъ совершенно спокойно и въ довольствіи. — Но по прошествіи двухъ лѣтъ, Карапетъ, по надобностямъ монастырскимъ былъ посланъ въ Баязитъ, что въ Курдустанской области. Онъ не хотѣлъ оставить меня въ монастырѣ ни у кого; и по дозволенію Патріарха отдалъ въ наше село къ старшему Прото-

попу Гавріилу, съ шѣмъ, чтобъ онъ содержалъ меня, продолжалъ мое ученіе и берегъ, за что обѣщалъ ему по возвращеніи заплатить за все съ благодарностію. — Но Протопопъ удовлетворилъ его довѣренности весьма худо. Онъ былъ изъ числа тѣхъ же людей, кои не имѣютъ никакой чувствительности, кромѣ жестокосердія. Вмѣсто ученія, по большой части употреблялъ меня въ работахъ по обыкновенію прочихъ учителей; а когда давалъ уроки, то при чтеніи онаго на изустъ, естьли случалось ошибиться хоть въ одномъ словѣ, наказывалъ, или справедливѣе сказать, мучилъ меня, такъ какъ и прочихъ учениковъ своихъ безъ милосердія. Кромѣ жестокихъ побоевъ, какихъ доброй хозяинъ не сдѣлаетъ никогда и скотинѣ, запиралъ въ курятникъ, или въ конюшню, сутки на двои безъ пищи. — Такимъ образомъ до возвращенія Архимандрита, моего благодѣтеля, терпѣлъ я отъ Священника различныя неистовства безъ мала два года.

Между тѣмъ въ продолженіи сего времени, отъ возвращенія Ираклія изъ подъ Еривана, чрезъ три года и именно въ 1785 году, Омаръ, Ханъ Лезгинскій, собравъ войска своего до 30000 человѣкъ, пошелъ на Грузію. Проходя многія области и селенія, прибылъ въ мѣстечко Маданъ, гдѣ находились золотые и серебреные рудники. Царь Ираклій укрѣпивъ нѣкоторыя свои мѣста, пошелъ противъ Лезгинцовъ имѣя при своемъ войскѣ до трехъ сотъ Рускихъ самыхъ лучшихъ людей, и прибылъ въ мѣстечко Садахлу, разстояніемъ отъ Маданы на полтора часа. Армяне, Грузинцы и Греки ближайшихъ селеній, со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействами вошли въ укрѣпленныя мѣста Мадана, чтобъ защищаться соединенно отъ Лезгинцовъ. Жившіе собственно въ Маданѣ при рудникахъ, большею частію Греки, платившіе Ираклію дань золотомъ, серебромъ, мѣдью и свинцомъ, просили его, чтобы поспѣшилъ освободить ихъ отъ нашествія злодѣевъ; но Ираклій сдѣлалъ только то, что приближился къ Мадану

еще на полчаса, намѣреваясь отправить къ Омару своего воина, именемъ Офтандила, для заключенія съ нимъ мира; а начальникъ помянутаго Рускаго войска противъ его, чтобъ позволилъ ему съ своими прежде тѣми дать Лезгинцамъ сраженіе и разбить ихъ; но Ираклій на сіе не согласился, говоря, что еще не время. Лезгинцы между тѣмъ взяли Маданъ приступомъ, побили множество людей, а остальныхъ со всѣмъ имуществомъ и богатствомъ увели въ Турецкой городъ Ахельцега; послѣ чего обратились паки къ крѣпости Вахамъ. Ираклій, узнавъ о сихъ произшествіяхъ, хотѣлъ воспрепятствовать Омару и разположился не далеко отъ осажденной крѣпости, но такъ же ничего не сдѣлалъ; а Лезгинцы взяли и сію крѣпость, побили не мало людей а другихъ увели въ плѣнъ. Послѣ сего Омаръ Ханъ, пробывъ въ Ахелцега всю зиму, взялъ обратный путь чрезъ Ериванскую область. Проходя чрезъ тамошнюю деревню Аштаракъ, поймалъ нѣсколько человѣкъ садовниковъ изъ Армянъ; однихъ убилъ, а

другихъ повелъ съ собою къ городу Шуши, откуда возвратился уже въ свои мѣста. — Во время сихъ безпокойствъ селеніе наше Аштаракъ, въ томъ числѣ и наше семейство около двухъ мѣсяцовъ находились въ Ериванской крѣпости.

По возвращеніи Карапета, я былъ взятъ обратно въ монастырь. Жаловаться на протопопа Гавріила было дѣло безполезное; я зналъ, что Карапетъ не можетъ, слѣдственно и не будетъ мстить ему за меня, и потому радовался только его возвращенію освободившему меня отъ злодея. Въ сіе время въ монастырѣ приложено было обо мнѣ стараніе. — Меня учили прилѣжно церковному пѣнію по нотамъ восьми гласовъ. Я читалъ уже Апостольскія дѣянія наизустъ, и по оказываемымъ мною успѣхамъ, которыми я обязанъ особенно хорошей моей памяти, многіе изъ духовныхъ досадовали на то, что я нахожусь у Карапета, и что онъ кромѣ стряпни, по его горькому вкусу, ни чему не въ состояніи меня учить. Про-

шло около года, какъ не встрѣчалось со мною никакой непріятности. Но въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 въ Субботу на канунѣ праздника воздвиженія креста Господня, постигло меня самое болѣзненное приключеніе.

Во время служенія всенощной, не справясь по Церковному уставу, что въ праздникъ сей пѣніе стиховъ должно быть другое, сдѣлалъ ошибку, начавъ пѣть обыкновенные стихи, и поправился уже тогда, когда пропѣли на другомъ крылосѣ. Архимандритъ Карапетъ хотя самъ смыслилъ весьма не много и безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы тоже, однако ошибку мою принялъ очень къ сердцу. По выходѣ изъ церкви, онъ догнавъ меня, схватилъ съ остервененіемъ за руки и ударилъ чрезъ плечо о плиты, устланныя по дорожкамъ такъ сильно, что я лишился всѣхъ чувствъ, и лежалъ, какъ сказывали мнѣ, около часа, пока узнавъ о семъ другіе, пришли и на рукахъ отнесли къ нему въ келью. Глаза мои наполнились кровью, такъ, что

чрезъ трои сутки я совершенно былъ слѣпъ, пальцы на рукахъ всѣ были разшибены и я весь былъ окровавленъ. Мать моя узнавъ о семъ нещастномъ со мною приключеніи, не смотря на уставъ, запрещающій женщинамъ входить въ монастырь, кромѣ двухъ разъ въ году въ опредѣленное время, ворвалась туда и взошедъ въ нашу келью, пришла въ совершенное отчаяніе, увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, что и узнать почти было не можно. Она кричала на Карапета, называя его и всѣхъ монаховъ тиграми и безчеловѣчными; что она воспитала сына своего и терпѣла для него всѣ нужды и мученіи не на тотъ конецъ чтобъ они убили его, и требовала, возвратить меня ей также здоровымъ, какимъ взяли: словомъ сказать что она надѣлала въ монастырѣ множество шуму. Обстоятельство сіе тотчасъ дошло до Патріарха, и мать мою безъ дальняго слѣдствія приказали выгнать вонъ изъ монастырской крѣпости, съ тѣмъ чтобы впредь туда ее не впущать, а Карапету сдѣланъ былъ выго-

воръ. Боля обо мнѣ всею душою, обливаясь горькими слезами и наполняя воздухъ воплемъ, ходила она около стѣнъ монастыря, доколѣ не пришла отъ того въ совершенное изнеможеніе, что послѣ пересказывала она мнѣ сама; я же — въ то время, находился въ безпамятствѣ, и около двухъ мѣсяцовъ невставалъ съ постели. — Меня лѣчили прилѣжно: глаза мои поправились скоро; на руки прикладывали пластырь и пальцы со всѣмъ зажили, кромѣ одного. — Для испытанія оному причины, приложили на него мясо рыбы Кармирахайпъ, которая будучи въ пищѣ превкусная, имѣетъ въ наружныхъ средствахъ такое дѣйствіе, что безъ всякаго нагноенія и почти безъ боли, съѣдаетъ мясо, такъ, что обнажитъ кости и жилы. Посредствомъ чего увидѣли, что составъ указательнаго пальца на лѣвой рукѣ былъ раздробленъ и повреждена жила. Надобно было сыскать костоправа. Меня отправили съ монастырскимъ служителемъ въ Ериванъ къ одному Армянину по имяни Ревазу, жившему въ Арман-

ской слободѣ Кондъ, т. е. высокой холмъ. Ревасъ считался тамъ повѣреннымъ монастыря; онъ былъ хорошій масперъ мѣднаго и серебренаго дѣла, зналъ также другіе художества и былъ человѣкъ весьма не глупой и основательной. — По прибытіи въ Ериванъ къ Ревазу, я былъ столь еще слабъ, что не иначе могъ стоять на ногахъ, какъ опершись на что нибудь. — Надобно было ѣхать въ Герхъ-Булахъ, отъ Еривана верстахъ въ 40, о которомъ помянуто выше, и гдѣ находился извѣстный въ то время костоправъ. Дорога была вся почти чрезъ горы и весьма затруднительна. Ревазъ принимая во мнѣ участіе, не хотѣлъ подвергнуть меня трудностямъ сего пути и писалъ къ костоправу, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Ериванъ; но онъ будучи человѣкъ старой, не согласился принять безпокойства, тѣмъ болѣе, что дорога кромѣ трудностей сдѣлалась еще и опасною отъ разныхъ разбойниковъ. По сей причинѣ я прожилъ въ Ериванѣ слишкомъ мѣсяцъ. На другой же день по прибытіи моемъ къ

Ревазу, случилось у него много гостей, между коими находилось человѣка три священниковъ. — Ревазъ узналъ отъ монастырскаго служителя, что я хорошо учился и какія имѣлъ способности. По сему священники захотѣли меня видѣть. Послѣ обѣда, когда всѣ гости собрались въ садъ, позвали и меня. Они сдѣлали мнѣ вопросъ о Христіанской вѣрѣ. Стоя прислонившись къ дереву, я въ отвѣтъ прочиталъ имъ все то, что только было мною выучено наизустъ. Сей отвѣтъ мой продолжался очень долго, ибо я, по болѣзненному состоянію моему, скоро пришелъ въ такое разслабленіе, что перечиталъ имъ, такъ сказать по одной только привычкѣ языка, всѣ слѣдующія за тѣмъ вопросы и отвѣты, не чувствуя и непонимая не токмо того что я говорилъ, но и самаго себя. Гости замѣтивъ наконецъ мою слабость, остановили меня, обласкали и велѣли отвести въ покои. По весьма ограниченному просвѣщенію тамошняго народа, я показался имъ больше, нежели ребенкомъ, и даже необыкновен-

нымъ. Во все время, бытности моей у Ревaза, я пользовался благосклонностями и ласками какъ хозяина такъ и гостей его, часто посѣщавшихъ его домъ. — На послѣдокъ, когда я довольно оправился въ моемъ здоровьѣ, а дорога сдѣлалась опъ разбойникова нѣсколько безопаснѣе, Ревазъ опправилъ меня въ Герхъ-Булагъ съ собственнымъ своимъ служителемъ. Палецъ мой былъ уже заросши, но костоправу показалось не хорошо; онъ положилъ, что для исправленія надобно его снова сломать, что и сдѣлалъ онъ во время моего сна. Почувствовавъ вдругъ ужасную боль, я испугался до того, что одному только провидѣнію Божію должно приписать, что я со всѣмъ не помѣшался въ умѣ. Сей костоправъ былъ въ самомъ дѣлѣ чезовѣкъ довольно искусной и показалъ въ томъ многіе опыты; но съ моимъ пальцомъ поступилъ неудачно, и вмѣсто исправленія сдѣлалъ еще хуже, нежели какъ онъ былъ. — Какъ бы то нибыло, я выздоровѣлъ, возвратился къ Ревазу и желалъ тамъ остаться; но по

повелѣнію Патріарха прислали меня взять я отказался туда ѣхать, объявя, что послѣ учиненнаго со мною тиранскаго поступка, не могу болѣе быть въ монастырѣ. За мною прислали въ другой разъ и взяли меня противъ воли. Въ обратной путь поѣхали мы чрезъ деревню Паракаръ, гдѣ въ близь лежащей горѣ находится мыльная глина, которую бѣдные люди употребляютъ вмѣсто мыла. По прибытіи въ монастырь, на вопросъ: хочу ли остаться въ монастырѣ, я отвѣчалъ то же. Преподобные отцы вздумали изторгнуть мое согласіе насиліемъ. Они приказали меня бить по слѣдамъ жидкими и гибкими палками. Это обыкновеное у насъ наказаніе; которое производится большою частію такъ жестоко, что наказываемый лишится и голосу и памяти Оно называется Фалаха, и дѣлается такимъ образомъ: на длинную палку привязывается по срединѣ веревка обѣими концами и составляетъ петлю, въ которую вложа ноги того, кого хотятъ наказывать, завернутъ палку такъ крутo, что

никакъ уже ногами пошевелить не можно, и что причиняетъ также жестокую боль, палку держатъ двое поднявши почти въ грудь; между тѣмъ наказываемый лежитъ на полу или на землѣ на взничь, а третій сечетъ ноги. — Въ продолженіе моего наказанія повторяли спрашивать меня, хочу ли остаться въ монастырѣ; но я рѣшился вытерпѣть все и отрекался отъ монаховъ. Такимъ образомъ отдѣлавшись отъ ихъ преподобій, я благодарилъ Бога, что не былъ убитъ и замученъ до смерти. Меня выполкали изъ монастыря съ безчестіемъ, и я возвратился въ Вагаршапатъ къ своей матери, что произходило въ 788 году весною, около Маія мѣсяца, когда у насъ стоитъ прекраснѣйшее время. Я былъ тогда 14 лѣтъ.

Управляющій сотскій, десятникъ и прочіе злые люди весьма обрадовались, что я по прежнему попался въ ихъ когти. На другой же день по приходѣ моемъ къ матери, весьма рано, когда мы еще спали, десятникъ пришелъ за мной

и повелъ на работы, изъ коихъ между прочимъ занимался и канканною работою *), въ которыхъ и упражнялся я два года почти всякой день, кромѣ воскресныхъ при сѣяніи пшена ходилъ *мутить воду*; гонялъ птицъ при хлѣбномъ посѣвѣ; работалъ при сѣяніи хлопчатой бумаги; обрѣзывалъ виноградныя сучья; жалъ хлѣбъ, рѣзалъ солому, и словомъ: исправлялъ всякія сельскія работы по моимъ силамъ. Сверхъ того въ рабочее время лѣтомъ, послѣ полудня, обыкновенно посылаемъ былъ съ быками и буйволами на поле, для кормленія ихъ; при чемъ должно было за ними смотрѣть; чтобъ не ѣли травы, такъ называемой юнжа, которая сѣется нарочито *). По воскреснымъ же днямъ,

*) Кликанъ работа, есть изкопаніе колодцовъ, посредствомъ коихъ отъ высокихъ, или холмовыхъ мѣстъ, проводятъ на поля подъ землею воду. Таковые колодцы и проводимыя ими сообщенія до желаемаго мѣста, по чрезвычайной вяскости и плотности вообще тамошняго глинянаго грунта земли никогда не осыпаются, и могутъ назваться вѣчными.

*) Трава сія косится въ лѣто по три раза, и употребляется въ кормъ только сухая, ибо скотина наѣвшись ее сырой съ корня, раздуется и лопнетъ менѣе нежели чрезъ

а иногда и послѣ работы, когда только могъ, тайно ходилъ ко второму моему учителю продолжать ученіе, и къ священникамъ, съ коими бывая при исправленіи ими разныхъ по духовенству требъ, доставалъ за то по нѣсколько денегъ. По прошествіи такимъ образомъ двухъ годовъ, учитель мой сталъ стараться, чтобъ опредѣлить меня опять въ монастырь учиться переплетать книги. Похваляя мои способности, онъ представлялъ необходимую въ томъ нужду, ибо кромѣ его и перваго моего учителя другихъ мастеровъ не было. — По уваженію представленія его и по повелѣнію Патріарха, принятъ я былъ въ монастырь и назначенъ въ ученики. — Такая перемѣна весьма много обрадовала бѣдную мать мою, брата и сестру, а непріятелямъ нашимъ испортила много крови. — Я ходилъ съ масте-

часъ. Въ такихъ случаяхъ помогаютъ только тѣмъ, что насыпавъ объѣвшейся скотинѣ въ проходъ толченаго перегоняютъ безпрестанно до тѣхъ поръ, пока ее очиститъ Іонжа первоначально имѣетъ довольно пріятной вкусъ, и молодые люди ѣдятъ ее стебель, очищая отъ листьевъ, которые довольно велики.

ромъ каждый день въ монастырь и учился переплетному мастерству. Кромѣ весьма изрядной и довольной пищи, которую я имѣлъ за общимъ столомъ съ мастерами и служащими при нихъ мастеровыми и рабочими людьми, получалъ жалованья въ мѣсяцъ по 50 паръ. Столъ раздѣлялся на двѣ части, за одинъ садились всѣ духовные, а за другимъ мастера и мастеровые люди, всего человѣкъ до трехъ сотъ, а въ другое время, при случаѣ пріѣзжающихъ на поклоненіе, бывало и до пяти сотъ кромѣ еще тѣхъ, кои занимаются полевыми монастырскими работами, которымъ столъ давался особо. — Цѣлое лѣто провелъ я очень хорошо; а въ зимнее время никакой работы не производилось. Въ продолженіе же хожденія моего въ монастырь лѣтомъ, случилось увидѣть мнѣ тамъ весьма странное произшествіе. — Одинъ изъ пріѣхавшихъ поклонниковъ, богатый Армянскій купецъ, давалъ монашествующимъ обѣдъ, за которымъ находился и я. По тамошнему обыкновенію, въ продолженіе трапезы,

ни кто не смѣетъ говорить ниже одного слова, и всѣ должны внимать по ученію, или разсужденію на священное писаніе, чипаемымъ съ кафедры однимъ изъ духовныхъ. Подобнымъ образомъ и въ топъ разъ была читана особая рѣчь, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ похвалъ означенному купцу за его усердіе и ревность Но одинъ изъ Архимандритовъ, возвратившійся предъ тѣмъ временемъ въ монастырь изъ другаго Государства, гдѣ онъ находился по духовной своей должности при чтеніи означенной рѣчи, во время стола, завелъ разговоръ съ сидѣвшимъ подлѣ него товарищемъ. Главный Архіепископъ съ кротостію замѣтилъ ему, что онъ будетъ имѣть время наговориться и послѣ; но Архимандритъ изъ гордости пренебрегъ его запрещеніемъ и продолжалъ свой разговоръ. Послѣ стола Архіепископъ до несъ о томъ Патріарху и съ бѣднымъ Архимандритомъ сдѣлали фалаха- приговаривая въ продолженіе онаго: вотъ ты теперь имѣешь свободу не только разговаривать, но и кричать какъ

тебѣ угодно. По обыкновенію фалаха продолжалось довольно долго и окончилось тѣмъ, что Архіепископъ сказалъ почти безчувственному Архимандриту: ну, что жъ ты замолчалъ и не говоришъ? — Въ тотъ самой день возвращаясъ домой и будучи возмущенъ симъ приключеніемъ, шелъ я въ задумчивости. — На дорогѣ встрѣтился мнѣ незнакомый человѣкъ, ѣхавшій верхомъ. Примѣтя мое смущеніе и печальное лицо, спросилъ меня съ участіемъ человѣка чувствительнаго, кто я такой, куда и откуда иду, и отъ чего такъ задумался. Причину примѣченной имъ во мнѣ печали, отнесъ я собственно къ своему состоянію. Узнавъ, что я бѣдной сирота и учусь въ монастырѣ переплетать книги, онъ просилъ меня доспать ему церковной часовникъ, сочиненный покойнымъ Симеономъ, обѣщаясь за сіе, вмѣсто денегъ, подарить мнѣ овецъ и лошадь. Изъ столь щедраго и знатнаго обѣщанія заключилъ я, что онъ человѣкъ богатой и доброй; и что требуетъ отъ меня часовника единственно для того, что хо-

четъ оказать мнѣ благодѣяніе. Я охотно обѣщалъ ему выполнить его желаніе. Онъ слѣдовалъ за мною къ селенію, и узнавъ нашъ домъ, сказалъ мнѣ, что за часовникомъ пріѣдетъ чрезъ нѣсколько дней. Мать моя была объ немъ одинакаго со мною мнѣнія, по тому болѣе, что ничего подозрительнаго въ немъ не представлялось. Неизвѣстный человѣкъ не получивъ еще отъ меня ничего, на другой же день вечеромъ, какъ уже стало довольно темно, привелъ къ намъ пару овецъ, сказавъ что имѣя надобность быть не далеко отъ насъ, вздумалъ исполнить частію свое обѣщаніе и напомнилъ мнѣ объ моемъ. Я сообщилъ ему тутъ же нѣсколько тетрадей, кои нашелъ я въ типографіи брошенными за не чистою отпечаткою; а другія оставлены были за излишествомъ, увѣривъ его, что непремѣнно соберу и весь Экземпляръ. Оставалось больше еще половины, но взять было негдѣ, а обѣщаніе надобно было непремѣнно исполнить. И такъ другаго средства не было, какъ остальное число тетрадей отнять отъ

нѣкоторыхъ полныхъ Экземпляровъ, которые продавались каждый по шести рублей; а чтобъ достать сію сумму честнымъ образомъ, такъ надобно бы было мнѣ служить въ монастырѣ два лѣта. И такъ я рѣшился на похищеніе, тѣмъ съ меньшимъ затрудненіемъ, что оно для типографіи ничего почти не значило; а я между тѣмъ былъ бѣденъ; имѣть же овецъ и лошадь значило весьма много. Мысль, что тогда буду я не то что былъ прежде, восхищала меня. Какъ скоро неизвѣстный человѣкъ пріѣхалъ, то я съ радостію вручилъ ему остальныя тетради. Онъ также былъ сему радъ и той же ночи принесъ претью овцу въ мѣшкѣ. На сей разъ, поступокъ его, или благодѣяніе показалось матери моей сомнительнымъ. Она осмѣлилась спросить его: для чего онъ овцу принесъ въ мѣшкѣ. Для того, отвѣчалъ онъ, что такой хорошій мѣшокъ можетъ тебѣ быть весьма пригоденъ и нуженъ по домашнему употребленію, и я нарочно взялъ его отъ моего народа. — Слова: *отъ моего народа*, да-

ли намъ знать, что онъ конечно былъ священникъ; послѣ чего мать моя осталась спокойною. Но на другой же день, по дошедшему свѣденію, стали у насъ въ селеніи говорить что *Меркъ-кулапской* священникъ отлучился изъ своего мѣста, и чтобы опасались его, естьли гдѣ онъ покажется: извѣстно было, что сей священникъ дѣлаетъ разбои. Мать моя взяла на неизвѣстнаго человѣка сильныя подозрѣнія и была на этотъ разъ столько неосторожна, что разсказала все между нами случившееся, изключая часовника, ибо она о семъ ничего не знала. Ее очень бранили, для чего она объ немъ необъявила; но слава богу, что обстоятельство сіе прошло безъ дальнѣйшихъ для насъ непріятностей. Между тѣмъ неизвѣстный сдержалъ свое слово и прислалъ ко мнѣ весьма скоро очень хорошую лошадь съ человѣкомъ, отъ котораго мы узнали что онъ тотъ самой, по слуху уже извѣстный намъ священникъ, изъ деревни Мерке-кулапъ *) прозванный Мзрахъ, что

*) Деревня Мерке-Кулапъ лежитъ въ Курдустанской обла-

значитъ копье, съ которымъ онъ всегда ѣздилъ. Мать моя по сомнѣнію отрѣкалась было принять оную лошадь; но приведшій ее человѣкъ уговорилъ, чтобъ она была спокойна, и что священникъ дѣлаетъ этотъ подарокъ отъ добродушія. Я съ своей стороны также настоялъ, что лошадь прислана ко мнѣ, и я имѣю полное право взять ее, какъ доброволь-ное благодѣяніе человѣка добродѣтельнаго Для сего щедраго священника, такъ какъ и для всякаго другаго, означенный часовникъ былъ вещію драгоцѣнною и совершенно необходимою; но не всякому легко было заплатить за него шесть руб. — Мэрахъ дѣйствительно занимался иногда грабежами; но съ тою только отъ другихъ разницею, что будучи человѣкъ не-

сти, не подалеку отъ Когпъ, весьма хорошаго селенія, гдѣ находится большая гора; содержащая такъ называемую каменную соль, которою снабжается вся тамошняя страна, Грузія, Арменія и многія другія области подъ Турецкимъ и Персидскимъ владѣніемъ состоящія. Соль сія мѣстами такъ бываетъ прозрачна, что какъ бы нибыла велика толщина вырубленной глыбы, видно сквозь ея какъ чрезъ обыкновенное стекло.

сказанно горячаго, запальчиваго и въ нѣкоторомъ смыслѣ мстительнаго нрава, онъ посредствомъ разбоя мстилъ богатымъ за бѣдныхъ, и отнимая отъ первыхъ, сколько удавалось, помогалъ послѣднимъ такъ, какъ будто бы отдавалъ имъ принадлежащую часть, богатыми присвоенную. Жители деревни Мерке-Кулапъ будучи весьма скуднаго состоянія, получали отъ него одного всѣ возможныя пособія. Встрѣчаясь иногда надорогѣ съ бѣднымъ человѣкомъ, онъ провожалъ его самъ до безопаснаго мѣста, и естьли узнавалъ отъ него въ чемъ либо самыя крайнія нужды, то помогалъ, какъ позволялъ случай и возможность. Самъ же изъ добычи своей не пользовался почти ничѣмъ и ничего не имѣлъ у себя лишняго; но все раздавалъ другимъ, только бы попался ему какой нещастной. Весьма по многимъ селеніямъ таковые бѣдные люди благословляли его за оказанныя отъ него благодѣянія. По уставу Армянскія церкви, когда должно служить обѣдню, то священикъ долженъ всякой разъ исповѣдывать грѣхи

свои другому священнику: но случалось, что когда, такъ прозванный Мзрахъ, пребовалъ себѣ исповѣди, то нѣкоторые священники отъ того отказывались, укоряя его поступками; а онъ принуждалъ ихъ къ тому страхомъ и заставлялъ себя разрѣшать, угрожая мщеніемъ. Но при всей странности таковыхъ поступковъ, Мзрахъ приносилъ предъ Богомъ разкаяніе и сознаніе грѣховъ своихъ съ столь по виду искреннимъ и почти необыкновеннымъ сокрушеніемъ, что вся душа его, такъ сказать, изливалась съ горькими его слезами, которыя при семъ проливалъ онъ обильно. О семъ увѣряли единогласно всѣ тѣ священники, у коихъ только онъ исповѣдывался, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были крайне не довольны суровыми и самоуправными его поступками.

Въ тоже лѣто, около Августа мѣсяца, когда начинаютъ у насъ снимать виноградъ, случилось еще одно обстоятельство, которое вновь подвергло меня вла-

сти моихъ тирановъ и новому злоключенію.

Выше сказалъ я, что Калустъ управлялъ нашимъ сёленіемъ. — Подъ нимъ былъ изъ духовнаго же званія другой управляющій, или смотритель, которому поручалось собирать отъ селенія подлежащія монастырскія повинности, и надсматривать за работами монастырскими; для исправленія коихъ, какъ изъ приведеннаго выше видно, назначались всегда бѣдные люди. — Сія духовная особа, или смотритель, былъ человѣкъ жестокой, такъ что и родной племянникъ его, сынъ умершаго брата его, претерпѣвалъ отъ него немалыя тиранства, каково на примѣръ, между прочимъ, грызеніе зубами головы сего нещастнаго сироты. Онъ былъ изъ Грузинъ, Тифлисской уроженецъ, и низкаго произхожденія. Около означеннаго времяни, то есть въ послѣднихъ числахъ Іюля, обозрѣвая виноградные воды, съ бывшими при немъ молодыми людьми нашего селенія, увидѣлъ онъ одного Персі-

анина, который, можетъ быть, будучи упружденъ далекою дорогою, и утомленъ зноемъ, отъ жажды, для прохлажденія засохшей гортани, взлезши на стѣну одного сада, сорвалъ кисть, или двѣ, винограда. За сію ничего незначущую бездѣлицу, приказалъ онъ бывшимъ съ нимъ молодымъ людямъ Персіанина бить; но сіи опъ того отозвались, представляя ему, что убить человѣка за такую бездѣлицу они не могутъ, что имъ самимъ и ему можетъ встрѣтиться такая же нужда, чтобъ для утоленія жажды взять изъ чужаго сада нѣсколько ягодъ, и что сіе хозяину не дѣлаетъ никакого убытка. Но смотритель будучи приведенъ въ большее ожесточеніе ихъ отвѣтомъ, взявши толстую палку, или просто сказать дубину, побѣжалъ къ Персіанину и ударилъ его по виску такъ мѣпко, что онъ тутъ же испустилъ духъ. Родственники убитаго принесли жалобу Ериванскому Хану, а сей потребовалъ отъ Патріарха, чтобъ выдали виновнаго. Надобно было: или удовлетворить сему требованію; или

подвергнуть мщенію Персіанъ все селеніе и всѣхъ монашествующихъ. И такъ убійцу выдали родственникамъ убитаго, которые выведя его изъ стѣнъ монастырскихъ и связавъ ему руки, били безъ милосердія. По тамошнему обычаю смертоубійца или за него его ближніе, отдѣлываются платою родственникамъ убитаго, смотря по состоянію и возможности отвѣтчиковъ, и по согласію претендателей. — Но какъ въ монастырѣ, по нещастію убійцы, не скоро о томъ догадались; ибо Патріахъ Лука небылъ расположенъ за него вступаться и платить, то Персіане получивши его довольно на мѣстѣ, привели въ селеніе, сопровождая церемонію шествія его ударами; по томъ водили въ крѣпость Ериванскую и тамъ также довольно мучили; а на послѣдокъ привели обратно въ селеніе и дѣлали надъ нимъ всякія не истовыя ругательства. Между тѣмъ духовные, чтобъ избавить цѣлое общество отъ незаслуженнаго поношенія, причиненнаго однимъ злымъ человѣкомъ, рѣшились предложить

обиженнымъ цѣну за искупленіе виновнаго, переувѣривъ, что родственникъ ихъ убитъ нѣкоторыми молодыми людьми изъ селенія. Принявши хорошую плату, они остались довольными, а Смотритель освободился отъ рукъ ихъ едва дышущимъ. Такимъ образомъ преподобные отцы оказавъ защиту преступнику, дабы сохранить честь своего общества; а болѣе монастыря, по неосторожности подвергли бѣдныхъ людей селенія новому затруднительному положенію: ибо, какъ скоро Ханъ узналъ, что Персіанинъ убитъ нѣкоторыми людьми изъ нашего селенія: то въ заслуженіе вины приказалъ, чтобъ на *Аракатской* горѣ, въ показанномъ мѣстѣ, построить для защищенія отъ набѣговъ разбойниковъ крѣпость. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, работы должны были начаться съ весны слѣдующаго лѣта, и для производства оныхъ положено избирать въ нарядъ изъ бѣдныхъ семействъ всякаго возраста 35 человѣкъ и для надсматриванія за ними изъ богатыхъ пять человѣкъ. Сверхъ того приставлены были два

Персіанина и одинъ Армянинъ главными смотрителями. Дѣтямъ богатыхъ людей назначено было смѣняться чрезъ недѣлю, а возвращатся опять на работу чрезъ 6 и 7 недѣль; бѣднымъ же чрезъ недѣлю же и двѣ, а другимъ и чрезъ три, смотря по тому, кто бѣднѣе. При самомъ началѣ, какъ надобно было назначать людей къ строенію повелѣнной крѣпости, управляющій селеніемъ Калустъ, отдавая старостѣ о томъ приказъ, какихъ долженъ онъ избирать къ работѣ, и поставляя въ примѣръ перваго меня, говорилъ: у насъ есть такіе изъ бѣдныхъ мальчиковъ, которые живутъ спокойно и только о томъ думаютъ, чтобъ учится грамотѣ, напримѣръ: какъ сынъ такой-то вдовы, то есть я. По сему наставленію однимъ утромъ въ субботній день, весьма рано, десятникъ пришелъ ко мнѣ къ первому, взялъ меня и силою отнялъ у матери осла, который долженъ былъ раздѣлять со мною одинаковую участь. Я приведенъ былъ на площадь, гдѣ у насъ бывалъ сходъ. Мнѣ одному только связали

руки и ноги, а для сугубой предосторожноспи, чпобъ я не ушолъ, сверхъ того привязали еще къ дереву и бросили на землю подлѣ моего осла. Между тѣмъ собрались наши спаршины, и съ злобною усмѣшкою говорили мнѣ: вотъ тамъ ты будешь имѣть время учиться грамотѣ и переплетать книги, и для того мы назначили, чтобъ до окончанія строенія находился при ономъ безсмѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ моихъ соповарищей, мнѣ одному опредѣлено было невозвращаться домой до тѣхъ поръ, пока неопстроится крѣпость.

Сколь нибыло тягостно и горестно мое положеніе; сколь ни пѣснила грудь мою тиранская несправедливость моихъ мучителей; но при всемъ томъ, не могъ пропустить безъ вниманія похвальбы пришедшаго старосты, говорившаго прочимъ старшинамъ и богатымъ нашимъ людямъ о чрезвычайной къ нему милости управляющаго. Эпотъ злой безумецъ прибѣжавъ въ толпу подобныхъ ему дураковъ,

говорилъ съ восклицаніемъ: ахъ! какъ милостивъ до меня управляющій и какъ меня любитъ: цѣлые два часа разговаривалъ онъ со мною!

Послѣ сего пересказывалъ со всею подробностію, въ которомъ управляющій называя его самыми скверными и непотребными мѣстоимѣніями, указывалъ ему: вотъ ты того-то еще не сдѣлалъ; поди скорѣй сдѣлай вотъ то-то, я тебѣ приказывалъ, поди исполни и проч. и проч. прилагая къ каждому слову брань самую низкую. Въ сіе время я былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что могъ правильно различать худое отъ хорошаго; но казалось, что кто бы какъ нибылъ простъ, изъ пересказу старосты замѣтилъ бы, что въ каждомъ словѣ къ нему управляющаго заключалось въ самой сильной степени презрѣніе, какъ къ человѣку низкому, подвластному до неограниченности, и глупому. Однако онъ былъ доволенъ собою и принималъ то за благоволеніе, въ чемъ соглашались съ нимъ и прочіе съ не-

малымъ къ нему уваженіемъ и удивленіемъ говоря: ахъ! подлинно какъ онъ къ тебѣ милостивъ, какъ тебя любитъ и прочее.

Не легко было собрать 35 человѣкъ; ибо бѣдные зная свою участь, укрывались Ихъ набирали безъ всякаго личнаго назначенія, а кого только могли поймать. Мнѣ досталось бы пролежать связаннымъ до слѣдующихъ супокъ, естьли бы не былъ взятъ на поруки. Набравши насъ опредѣленное число, на другой же день отправили весьма рано. Навьюченные проваіанцомъ на недѣлю, прибыли мы къ Аракатской горѣ и взяли кратчайшій путь по лѣвой ея сторонѣ; но за то претерпѣли чрезвычайныя трудности, ибо очень часто доставалось карабкаться на черепренкахъ; сверхъ того мы лишены были почти со всемъ возможности отдохнуть отъ усталости, ибо страхъ быть уязвленными отъ змѣй и другихъ вредныхъ гадовъ и особенно отъ морма *), непо-

*) Мормъ по фигурѣ походитъ на скорпіона, но мякокъ, какъ мышь и покрытъ шерстью, которая бываетъ рыжеватая,

зволялъ намъ присѣсть, и мы на каждомъ шагу проклинали монаха, за котораго страдали. Поднявшись отъ подошвы горы на нѣкоторое разстоянiе и перейдя въ бродъ вытекающую изъ нее рѣку *Аперъ*, вошли мы въ разоренное мѣсто называемое Аванъ. Здѣсь увидѣлъ я въ горѣ пещеру подъ натуральнымъ каменнымъ видомъ и полюбопытствовалъ въ нее войти но сдѣлавъ не болѣе пяти шаговъ, неосмѣлился по темнотѣ идти далѣе. При самомъ входѣ примѣтны еще нѣкоторыя старинныя надписи; а отголосокъ, отдающiйся въ пространствѣ сего жилища усопшихъ въ древности, далъ мнѣ знать что оное было довольно велико По разсужденiю о мѣстѣ и по надписямъ догадывался я, что тутъ конечно должны быть погребены владыки и знатныя древняго Царства Армянскаго. Заключенiе мое думалъ я безъ сомнѣнiя, справедливо: ибо Аванъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ, былъ большимъ городомъ. Любопытство меня

чорная и другихъ цвѣтовъ. Морозъ отъ земли прямо бросается въ лицо. Ласы его смертоносны.

мучило; я желалъ узнать сіе мѣсто, и досадовалъ, что никто кромѣ меня не обращаетъ на него вниманія. По счастію, между попутчиками нашими, случился одинъ престарѣлой Армянинъ, который примѣтилъ мое безпокойство, и самъ вызвался сообщить мнѣ свои свѣденія. Онъ разсказалъ мнѣ, что по разрушеніи Армянскаго нашего Царства, жители столичнаго города *Анни*, по уваженію и любви къ памяти умершихъ царей своихъ, чтобъ прахъ ихъ не былъ попираемъ нечестивыми прищельцами, перенесли гробницы ихъ и скрыли въ сей пещерѣ.

Отъ сего мѣста дорога наша стала еще запруднительнѣе: ибо надлежало всходить на такія крутизны, которыя стояли предъ нами на подобіе каменныхъ стѣнъ, а сверхъ того дорога столько была узка, что не льзя было идти въ рядъ двоимъ и безпрестанно надлежало опасаться, чтобъ не свалиться въ пропасть глубины, которой мѣстами можно полагать

около 100 сажень. Рѣка, упадающая съ вершинъ на дно сей пропасти, поражала насъ глухимъ шумомъ. По преодолѣніи всѣхъ трудностей, въ полночь прибыли мы на назначенное мѣсто Тегеръ (что собственно значитъ *мѣсто*). Между тѣмъ ослы отправлены были другимъ путемъ гораздо спокойнѣйшимъ и удобнѣйшимъ; мы не пошли онымъ за дальностію: ибо въ сей дорогѣ надобно бы было пробыть четверо сутки. Здѣсь ненашли мы никакого мѣста для нашего пристанища, кромѣ одной довольно большой церкви, въ которой и провели остальное время ночи. На другой день увидѣли мы путъ остатки развалинъ большаго селенія, со всѣмъ почти изглаженныхъ. Помянутая церковь стояла надъ самою дорогою, которою мы слѣдовали, и съ сей стороны была неприступна. Она построена изъ дикаго камня съ колоннами, весьма правильной Архитектуры и очень сходной съ виденнымъ мною рисункомъ одной Италіянской церкви. Свѣтъ входилъ только изъ купола. Не смотря на древность сей церкви,

по догадкамъ, болѣе 1000 лѣтъ воздвигнутой, она казалась такъ нова, какъ бы не давно построена. Надписи, высѣченныя на гробницахъ имѣющихся внутри церкви и около ея, по старинному Армянскому письму, котораго не возможно уже разбирать; также по Греческому и Латинскому, даютъ поводъ полагать ей толикое число лѣтъ: ибо Месропъ, который первый исправилъ и сочинилъ Армянскую азбуку и письмо, существующія по нынѣ, жилъ до сего времени за 1200 лѣтъ; а до того письмена употреблялись другихъ націй, кто гдѣ жилъ. Лѣсу по всей горѣ, въ лощинахъ и низьменныхъ мѣстахъ было весьма много. Въ тамошней сторонѣ деревья почти всѣ фруктовыя, изключая нѣкоторыхъ кустарниковъ, распущихъ въ одичалыхъ мѣстахъ, или между камнями и въ разсѣлинахъ. Не смотря на слѣды запустѣнія и чрезвычайную дикость сихъ мѣстъ, они были еще весьма пріятны, только что со всемъ не было возможно-сти входить въ середину пустынныхъ ихъ садовъ, какъ потому, что дикій ви-

ноградъ перепуталъ всѣ деревья, что не льзя было сквозь него продраться, такъ и по опасности отъ звѣрей и змѣй.

Благодаря глупости управляющаго старосты и прочихъ старшинъ, мы имѣли время отдохнуть отъ нашего похода и погулять нѣсколько дней безъ дѣла: ибо отправляя насъ строить крѣпость, они не догадались, что съ нами не было мастера, за которымъ послано въ Ериванъ по прибытіи нашемъ уже на мѣсто и тамъ наняли его за большую плату на щотъ нашего селенія. По прибытіи мастера начали строить крѣпость около помянутой церкви съ трехъ сторонъ, а четвертая, какъ выше сказано, прилегая къ чрезвычайно глубокой пропасти, усѣянной почти непроницаемымъ лѣсомъ различныхъ деревъ, была неприступна. На мою долю достались три осла, на коихъ я возилъ камень для кладки стѣнъ. Но какъ мы взяли хлѣбнаго запаса только на одну недѣлю, который къ вечеру Пят-

ницы весь у насъ и вышелъ, то въ суббопу уже нечего было намъ ѣсть. Въ воскресеніе ожидали смѣны, но она не пришла. Мы хотѣли собраться въ обратный путь и оставя работу возвратиться въ селеніе; но Персіане смотрители, родственники убитаго, будучи противу насъ ожесточены, уничтожили наше намѣреніе принудивъ ругательствами и побоями дожидаться смѣны, которая пришла въ другое уже воскресеніе. За неимѣніемъ хлѣба мы питались около восьми дней одними травами, какъ по: шушаномъ пертенжукомъ, или щавелемъ, и Неукомъ. Стебли сей послѣдней травы довольно питательны и вкусны, но собирать ее споило намъ великаго труда: ибо змѣи отмѣнно любятъ сію траву и всегда около ее находятся, по чему на всякомъ шагу должно было подвергаться отъ нихъ опасности; чтожъ касается до плодовъ древесныхъ, то по причинѣ сказанной ихъ дикости, они со всѣмъ были негодны къ употребленію. Отъ таковой пищи мы всѣ: и бѣдные и богатые обезсилѣли и

сдѣлались тощи, подобно тѣнямъ, кромѣ приспавниковъ, или Смотрителей, которые ни въ чемъ не имѣли недостатка. По приходѣ смѣны возвратились мы въ селеніе съ пустыми и заморенными желудками. Но какъ обо мнѣ было уже сдѣлано опредѣленіе, чтобъ не возвращаться до окончанія работы, то на другой же день весьма рано явился ко мнѣ десятникъ и повелъ къ старостѣ, которой напомнивъ мнѣ съ неистовымъ крикомъ во первыхъ то, что онъ есть большой властелинъ и повѣлитель въ селеніи, по томъ вопрошалъ: какое я имѣлъ право своевольничать и какъ осмѣлился прійти домой, когда онъ далъ повеленіе, чтобъ я не возвращался въ селеніе до тѣхъ поръ, пока уже все будетъ кончено; и присовокупивъ къ сему обыкновенное и необходимое заключеніе, что я хочу равняться съ ихъ дѣтьми, приказалъ десятнику связать мнѣ руки и на другой день отвести на работу; при чемъ наказалъ разпорядиться со мною такъ, чтобъ онъ ѣхалъ, а я бы шелъ пѣшій, и чтобъ отъ его имяни сказать

смотрителямъ Персіанамъ, дабы они посшупали и смотрѣли за мною со всею спрогостію, неотпуская домой до тѣхъ поръ, какъ окончится строеніе. Такимъ образомъ, во вторникъ по утру, поведенъ я былъ десятникомъ связанный; но дошедъ до горы, онъ сдалъ меня другому, тамошней деревни жителю, которымъ я доведенъ до мѣста на веревкѣ. Сдѣланное старостою порученіе также было пересказано. Персіане по сему хотя оказывали надо мною свою жестокость въ особенности, но не щадили и другихъ моихъ товарищей. Посредствомъ такого угнѣтенія хотѣли они вывести насъ изъ терпѣнія и чтобъ мы взбунтовались, дабы подъ симъ предлогомъ могли они возвратиться въ свои мѣста: ибо непривыкши къ такому роду жизни, какую вели на горѣ, и бывъ отлучены отъ домовъ и семействъ своихъ, крайне скучали. Но мы догадались объ ихъ намѣреніи и единодушно рѣшились сносить все терпѣливо до окончанія дѣла. Мнѣ было всѣхъ тяжелѣе по тому, что оставался въ ра-

ботѣ безсмѣннымъ; между тѣмъ какъ другимъ доставалось страдать только по недѣльно. Все, что облегчало мое бѣдствіе, состояло только въ томъ, что масперъ, или каменщикъ, будучи человѣкъ весьма добрый и чувствительный, принималъ во мнѣ участіе. Узнавъ отъ меня подробно о моемъ состояніи и нещастіяхъ, оказывалъ къ участи моей самое нѣжное состраданіе, и не менѣе уважалъ мою ученость, будучи самъ безграмотенъ. Онъ требовалъ даже отъ меня однажды, чтобъ я что нибудь сказалъ ему въ собственное его утѣшеніе о томъ, чѣмъ укрѣпляюсь я въ моемъ терпѣніи. Я говорилъ ему о примѣрахъ святыхъ мучениковъ, кои переносили всѣ труды и скорби безъ роптанія съ вѣрою и любовію къ Богу; что и я почитаю здѣшній свѣтъ суетнымъ, а жизнь нашу скоро преходящею, тѣмъ легче переношу мои страданія, надѣясь въ будущей жизни получить за то въ награду безконечное блаженство. Я приводилъ еще къ сему сдѣланное предопредѣленіе Адаму: *въ потѣ лица твоего*

снѣси хлѣбъ твой; что таковое изрѣченіе долженствуетъ пребыть на роду человѣческомъ до скончанія сего міра, и которое обязаны мы носить съ благоговѣніемъ, дабы не сдѣлаться большими противниками всемогущей и святой волѣ нашего Создателя; также Евангельское утѣшеніе: *пріидите ко мнѣ вси трудящіеся и обремененіи, и азъ успокою вы*, и прочее. Но какъ онъ во все человѣкъ былъ несвѣдущій въ священномъ писаніи, то весьма мало понималъ изъ таковаго моего разговора; по чему я принужденъ былъ прибѣгнуть къ легчайшему для него примѣру, напомнивъ одну пѣсню, писанную нѣкоторымъ, старикомъ Армянином на Персидскомъ языкѣ.

Содержаніе пѣсни сей заключаетъ въ себѣ утѣшительную увѣренность о преимуществѣ Христіанина предъ Магометаниномъ: я приведу здѣсь нѣкоторые главные стихи сей пѣсни изъ слова въ слово:

„Проживъ до глубокой старости, я „училъ и читалъ Христіанскія книги, ко- „торыя велятъ намъ защищать честь „святой вѣры и истинны ея: сіе намъ „принадлежитъ. “

„Мы всегда и все даемъ, но неоску- „дѣваемъ: сіе намъ принадлежитъ. “

„Терпимъ мученія и платимъ дани; „но неистощаемся; — сіе только намъ „принадлежитъ. “

„Ханы и Шахи отъ насъ бываютъ „сыты; слава тебѣ Господи! Это намъ „принадлежитъ. “

„Сохраняя законъ и обѣтованія Бо- „жіи, увѣряю васъ, что и рай намъ при- „надлежитъ. “ и прочее.

Ну! ну! съ возхищеніемъ возкликнулъ мой масперъ, вотъ давно бы ты это сказалъ; теперь я все понимаю, и на что говорить столько примѣровъ изъ писаній! Онъ весьма былъ радъ моей бесѣдѣ, и я также доволенъ былъ собою, что вездѣ находилъ себѣ какого либо почитателя

и чрезъ то въ крайностяхъ снискивалъ хлѣбъ и покровительство; однако радость сія продолжалась одну только минуту, и тогда же обратилась мнѣ въ жестокое спраданіе. Разговоръ нашъ имѣли мы за стѣною, которую клали, а вблизи одинъ изъ Персіанъ непримѣтнымъ образомъ подслушалъ мои рѣчи, и особенно то, что рай намъ принадлежитъ. Будучи тѣмъ приведенъ въ ярость, онъ въ тужъ минуту подалъ свой голосъ и подозвавъ меня къ себѣ, спросилъ что я говорилъ съ мастеромъ. Испугавшись отъ одной перемѣны лица его, я отпирался, что неговорилъ ничего, однако на послѣдокъ принужденъ былъ прочитать ему мою пѣснію. Тотчасъ позвалъ онъ своего товарища и пересказавъ ему мои слова, принялись оба бить меня палками, приговаривая: „ну, ступай же въ рай, вотъ тебѣ рай.“ — Они мучили меня до тѣхъ поръ, пока ни на головѣ, ни на тѣлѣ не осталось цѣлаго мѣста, и я весь былъ уже въ крови. Тогда сіи изверги спащили меня безчувственнаго къ церкви и бросили въ тем-

ное мѣсто, которое прежде было ризни
цею. Пришедши тамъ въ память, я почув
ствовалъ всѣ мои язвы, мое положеніе, и
обливаясь горькими слезами, молился Богу
сжалиться надъ моею бѣдностію и стра-
даніями, что избавя трехъ Вавилонскихъ
отроковъ отъ огненной пещи, и творя
велія и дивныя чудеса, избавилъ бы и ме-
ня отъ моего мученія, изцѣлилъ бы раны
мои, призрилъ бы меня подъ сѣнію крылъ
своихъ, послалъ бы помощника и упѣши-
теля, котораго я не имѣю, или же: есть-
ли въ здѣшнемъ вѣкѣ неопредѣлено мнѣ
быть когда либо въ спокойной жизни, то
явилъ бы надо мною благость свою ско-
рымъ прекращеніемъ дней моихъ, испол-
ненныхъ болѣзней и скорби. Въ тако-
вомъ плачѣ и сѣтованіи безпрерывно нѣ-
сколько часовъ, находившаяся при Пер-
сіанахъ женщина, для приготовленія
имъ пищи и мытья бѣлья, узнавъ о моемъ
приключеніи, тайнымъ образомъ отъ всѣхъ
пришла ко мнѣ. Она принесла съ собою
молока и напитала меня; разбитую голо-
ву мою, покрытую загустѣвшею кровью,

обвязала лошаковымъ навозомъ. Находясь въ холодномъ мѣстѣ и лежа на каменномъ полу, я сдѣлался очень прудень. Въ семъ положеніи, безъ пищи, кромѣ одного молока, безъ всякихъ помогающихъ средствъ, безъ присмотра, въ объятіяхъ хладной сыроспи, обыкновенныя силы человѣческія не могли бы устоять, естьлибы перстъ Божій не поддержалъ слабой жизни моей. — Я пролежалъ цѣлые два мѣсяца; никто не далъ знать о томъ моей мапери и нѣкому было помочь мнѣ, чтобы поворотиться на другой бокъ, кромѣ той доброй Персіанки, которая не могла приходить ко мнѣ болѣе одного раза въ день, да и то тайно подъ великимъ страхомъ. Товарищи мои, равномѣрно утомленые работою, а не менѣе и недостаткомъ пищи, или и самымъ голодомъ, со всѣмъ не имѣли досугу думать обо мнѣ. Въ продолженіи болѣзни моей, мучители мои и претій смотритель изъ Армянъ были смѣнены, а на мѣсто ихъ присланы другіе два Персіанина и одинъ Армянинъ. Между тѣмъ я сталъ поправляться и выходить,

или лучше сказать, выпалзывать на воздухъ. Товарищи мои въ облегченіе себя опъ работы, опъ копорой прежнія приставники не давали опдыха въ день почти ни на минуту, выдумали хипрость и вновь присланнымъ предсставляли, что они по опдаленности опъ селенія не могупъ теперь отправлять должной по нашему закону молитвы въ церквѣ, и что для того общество отправило съ ними одного ученаго, т. е. меня, чтобы я каждый день всему ихъ собранію читалъ молитвы и нѣкопорое служеніе церковное; то для сего давали бы они имъ по нѣсколъку часовъ въ день свободы; въ противномъ же случаѣ грозили принести на нихъ жалобы и оставить работы. Новые приставники безъ труда на сіе согласились, потому, что были добрѣе прежнихъ, и нехотѣли подать повода къ безпокойству, за которое можетъ быть надлежало бы имъ отвѣтствовать, какъ людямъ, неумѣющимъ править порученнымъ имъ начальствомъ. Какъ бы то нибыло, но только что я поправился, то раза по

три въ день сталъ отправлять наши молитвы, къ которыя мы довольно отдыхали отъ трудовъ, что было единственною цѣлію нашего моленія. При чемъ товарищи мои всегда приговаривали мнѣ, чтобъ я читалъ долѣе. Въ таковыхъ молитвахъ между прочимъ не забывали мы никогда Архимандрита за котораго здѣсь работали и просили Бога заплатить ему за наше бѣдствіе. Равнымъ образомъ поминали управляющаго старосту и прочихъ имъ подобныхъ. Персіане видя меня читающаго и поющаго безъ книги, особливо въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ, возъимѣли ко мнѣ нѣкоторое уваженіе.

Въ продолженіе работы сей, многіе изъ моихъ товарищей, только не помню сколько именно, померли отъ разныхъ причинъ; нѣкоторые бывъ ушибены каменьями, умирали отъ того, что нѣкому было помочь имъ и лѣчить; другіе отъ змѣинаго уязвленія, иные оставаясь безъ смѣны недѣли по двѣ, по три и болѣе, умирали отъ голода и отъ другихъ болѣзней. Я

же въ разсужденіи пищи не имѣлъ уже недостатка, какъ пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе нашего мастера, который по выздоровленіи моемъ удостоивалъ меня своей трапезы, съ наступленіемъ же зимы кончилось и страданіе наше. Всѣмъ обществомъ возблагодаривъ Бога за ниспосланную стужу и снѣгъ, оставили мы гору, пробывъ на ней шесть мѣсяцовъ, и возвратились въ селеніе: ибо продолжать работу болѣе было уже не можно.

На возвратномъ пути взяли мы другую дорогу, хотя самую дальную, но изъ прочихъ спокойнѣйшую. Не съ большимъ чрезъ четыре часа спустились мы къ подошвѣ горы, къ той сторонѣ, гдѣ течетъ рѣка Амперть. *) Рѣка сія въ осеннее время бываетъ глубже, однако не выше груди; а въ другихъ мѣстахъ въ поясъ и по колено, изключая нѣкоторыхъ ямистыхъ мѣстъ; вообще же весь-

*) Амперть значитъ мѣсто, *натурою укрѣпленное*; ближайшій же переводъ сего слова: *безъ крѣпости крѣпкое*, по которому и рѣка названіе свое имѣетъ.

ма быстра, и по причинѣ пороговъ производитъ столь чрезвычайный шумъ, что и въ довольномъ отъ нее разстоянiи со всѣмъ почти не льзя слышать разговора. *Алпертъ*, имѣющая самую чистѣйшую и пріятнѣйшую воду, составляется изъ ключей горы Аракацъ, кои соединяясь у высунувшейся изъ горы скалы, того самаго мѣста которое называется *Алпертъ* имѣющей ровную и довольно пространную поверхность, упадаютъ въ пропасть двумя каскадами съ обѣихъ сторонъ скалы и тамъ производятъ рѣку. Поля, около лежащихъ селенiй, напояются ея водами, ибо въ тамошнихъ мѣстахъ вообще нѣтъ такихъ ни дождей, ни снѣговъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, кои для того были бы доспаточны, и всѣ поля наводняются отъ рѣкъ источниковъ и проводимыми отъ нихъ каналами, или подземными колодцами. При переходѣ чрезъ *Алпертъ*, товарищи не сказали мнѣ, что должно смотрѣть на сухой берегъ и отнюдь не глядѣть на воду, отъ чего въ ту же минуту помутятся глаза и дѣлается родъ

обморока. Поднявши платье наше на головы, пошли мы въ бродъ. Но я только что вступилъ въ воду, имѣя у себя отъ побой больное еще тѣло, то почувствовалъ нестерпимой холодъ въ ногахъ и отъ смотрѣнія на воду лишь только что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, голова моя закружилась и потемнѣло въ глазахъ. — Стремленіемъ воды тотчасъ меня опрокинуло и понесло по теченію, перекатывая съ собою чрезъ камни. Товарищи мои съ начала непримѣтили моего паденія, а послѣ можетъ быть и не рѣшились мнѣ помогать по собственной опасности. Въ семъ случаѣ также дивная десница Божія сохранила мою жизнь. При паденіи, я не во все лишился памяти, и нѣсколько переводя дыханіе отражалъ ліющуюся въ меня воду. Меня отнесло уже такъ какъ сажень на 70, и къ щастію приваливъ къ одному довольно высокому камню, чрезъ которой вода не могла уже меня перекатить, прижало къ оному почти споймя. Опасность привела меня въ полную память и придала силы.

Открывъ глаза, я старался удержать себя у сего спасительнаго камня. — Но можетъ быть силы мои, по причинѣ замертвенія членовъ отъ холодной воды, скоро бы меня со всѣмъ оставили, есть-ли бы не случилось одному Персіанину идти берегомъ. Онъ искалъ мѣлчайшаго и удобнѣйшаго мѣста для перехода съ своимъ осломъ: ибо сія скотина, какъ извѣстно, плавать не умѣетъ, а потому боится воды, и отнюдь не ступитъ въ нее въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ вязко или мутно, и гдѣ не видно мѣлкаго и совершенно чистаго дна. Увидѣвъ сего Персіанина, я закричалъ ему: Божій человѣкъ! помоги мнѣ и спаси меня! — Онъ раздѣвшись въ одну минуту, бросился ко мнѣ и взявъ меня подъ мышки, вывелъ на берегъ. Такъ какъ платье мое было все унесено водою, то онъ, для прикрытія наготы моей, далъ мнѣ свою епанчу и посадивъ на своего осла, проводилъ въ деревню *Акаракъ*, отъ рѣки не болѣе версты разстоянія. Деревня сія была прежде Армянская, а теперь занята одними Персіана-

ми. Избавитель мой сдѣлалъ мнѣ еще одно изъ величайшихъ благодѣяній; онъ отвелъ меня въ домъ своего знакомаго и просилъ до совершеннаго моего исправленія смотрѣть за мною и оказывать всю возможную въ моей слабости помощь, обѣщавъ ему за сіе возблагодарить. Меня тотчасъ отвели въ конюшню и тамъ положили, такъ какъ мѣсто сіе у насъ есть самое теплое и удобнѣйшее для согрѣнія отъ стужи. Какъ скоро я отдохнулъ и обогрѣлся, то принесли мнѣ нужное платье и пищу; послѣ чего я довольно оправился отъ моей омертвелости. Великодушный Персіанинъ, взявъ плащь свой и увѣривъ меня что оставилъ въ добрыхъ рукахъ, простился со мною. Я благодарилъ его со слезами за спасеніе меня и за благодѣяніе, которое мнѣ дѣлаетъ. Пробывъ тутъ двѣ недѣли, я довольно пришелъ въ силы и укрѣпился въ здоровьѣ. Здѣсь ходилъ я осматривать тамошнюю старинную крѣпость и развалины монастыря, называемаго Парби, который есть первый изъ построенныхъ въ Змъ вѣкѣ

просвѣтителемъ Арменіи Святымъ Великомучеником Григоріемъ *). — По прошествіи двухъ недѣль, отблагодаривъ моихъ хозяевъ съ чувствительностію за попеченіе и милости, мнѣ оказанныя, собрался идти въ свое селеніе. Они и другіе Персіане собрали еще мнѣ на дорогу денегъ около рубля. Дорога моя была на деревню Ушаканъ, отстоящую отъ нашего селенія примѣрно верстахъ въ 15 ти Не доходя до сей деревни, при подошвѣ одного каменистаго холма, увидѣлъ я памятникъ, воздвигнутый изъ дикаго камня, величиною около двухъ сажень съ половиною. Остановясь и разсматривая его,

*) Подверженные бешенству отъ укушенія бѣшеной собаки, приводятся и по нынѣ къ сему мѣсту и получаютъ изцѣленіе, или же берутъ нѣсколько земли изъ средины церкви и кладутъ въ воду, которую даютъ пить бѣснующемуся. Первая причина таковому дѣйствію слѣдующая: во время отправленія Св. Григоріемъ литургіи, нѣкоторые язычники бросили въ церковь бѣшеную собаку, (незнаю мертвую или живую) сказавъ Григорію въ смѣхъ: естьли твой Богъ силенъ, то вылѣчи эту собаку. Св. Григорій принесъ Богу моленія и испросилъ помянутое чудесное дѣйствіе, чтобъ бѣснующіяся получили на семъ мѣстѣ изцѣленіе, а собака тогда же выбѣжала изъ церкви здоровою.

сожалѣлъ, что не могъ прочитать надписи, которая сдѣлана была на древнемъ Еллинскомъ языкѣ. Въ это время подошелъ ко мнѣ Ушаканскій обыватель и сказалъ мнѣ, что ты смотришъ съ такимъ вниманіемъ, не хочешъ ли ты быть осьмымъ? При сихъ словахъ любопытство мое умножилось, я просилъ его убѣдительно, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ, кто такой погребенъ подъ симъ камнемъ. — Онъ увѣдомилъ меня, что на семъ мѣстѣ были прежде виноградные сады, и что путъ, гдѣ стоитъ памятникъ, погребены семь братьевъ, убитые разбойниками по одиначкѣ тогда, какъ отецъ сихъ семи братьевъ во время дѣланія винограда посылалъ ихъ одного за другимъ для провѣдыванія перваго, остававшагося на мѣстѣ для стереженія; но не дождавшись и послѣдне имъ посланнаго, пошелъ туда самъ и также убитъ, какъ его дѣти, и брошены злодѣями въ яму, въ которую обыкновенно при давленіи винограда собираютъ его сокъ; по чему и называется сіе мѣсто могилою семи братьевъ. Поблагодаривъ

его за свѣдѣніе, я продолжалъ мой путь къ деревнѣ Ушаканъ, въ которой живутъ все Армяне. Пришедъ туда уже въ сумерки, опыскалъ домъ нашего знакомаго, по имяни Саркиса (Сергѣй), который во время помянутаго нашествія Царя Ираклія, для спасенія своего удалившись въ селеніе Вагаршапатъ, проживалъ въ нашемъ семействѣ. При входѣ моемъ въ его домъ, онъ только что увидѣлъ лицо мое, какъ въ чрезвычайномъ страхѣ бросился вонъ и творя молитву, побѣжалъ къ сосѣдамъ, оставивъ меня одного. Я удивился такому странному его поступку, и отъ того испугавшись, можетъ быть не менѣе его вышелъ на улицу, думая, что Саркисъ конечно считаетъ меня за мертвеца или привидѣніе. Догадка моя была основательна. Въ тужъ минуту нѣсколько человѣкъ выбѣжало изъ домовъ, а Саркисъ задыхаясь, кричалъ: „вотъ, посмотрите, посмотрите! — Всѣ товарищи его сказали, что онъ утонулъ въ *Алпертѣ*; мать служила по немъ панихиды и дѣлала поминки, а теперь онъ показался здѣсь: это пьянь

его, это мертвецъ; вѣрно на немъ лежитъ проклятіе, и онъ не можетъ найти себѣ спокойствія, — и между тѣмъ прикладывался выстрѣлить по мнѣ изъ ружья. Слыша таковыя обо мнѣ заключенія и видя храброе намѣреніе Саркиса меня убить, я взаимно въ отвѣтъ съ возможною скоростію кричалъ имъ, что я неумиралъ, что спасся такимъ и такимъ образомъ, и гдѣ былъ и при семъ случаѣ въ большее увѣреніе крестился и читалъ молитвы, самъ трепеща отъ страха, чтобы Саркисъ не выстрѣлилъ. Сосѣды будучи въ меньшемъ страхѣ, нежели онъ, могли видѣть и судить основательнѣе; они говорили ему, хотя впрочемъ и сами можетъ быть еще нѣсколько сомнѣвались, что я не мертвецъ, по тому, что читаю молитвы, и дѣлаю крестное знаменіе, чего мертвецъ, обладаемый діаволомъ, дѣлать не можетъ; а при томъ никогда не говоритъ и конечно бы его схватилъ; посмотри, продолжали они, и ноги у него такъ какъ быть должно *). Я старался по ма-

*) У насъ вѣрятъ мертвецамъ, и полагаютъ между прочимъ

лу къ нимъ приближаться, чтобъ они по сумеркамъ могли меня лучше разсмотрѣть и повторяя увѣренія мои, въ подкрѣпленіе оныхъ возобновлялъ чтеніе молитвъ. Между тѣмъ пришелъ и священникъ. Приближаясь ко мнѣ для испытанія, подлинно ли я мертвецъ или живой, дѣлалъ на меня крестное знаменіе; я самъ также крестился и подошедъ къ нему, поцѣловалъ у него руку. Послѣ сего Саркисъ увѣрившись, что я пришелъ не съ того свѣта, обрадовался и поцѣловавъ меня повелъ въ домъ. Прочіе также вошли за нами; но все еще сомнѣваясь, желали посмотрѣть буду ли я ѣсть, и не прежде увѣрились совершенно, пока не увидѣли, что я ужиналъ, какъ надобно живому, уставшему отъ дороги и проголодавшемуся человѣку.

За ужиномъ Саркисъ пересказалъ мнѣ о томъ, какъ товарищи мои увѣрили селеніе и мою мать о смерти моей, что отъ живаго человѣка ту разницу, что у него слѣды ногъ должны быть оборочены пятками въ передъ.

мать моя сдѣлала уже въ память могилу и находится о поперѣ меня въ величайшемъ отчаяніи. Между тѣмъ въ продолженіи ужина онъ и прочіе сосѣды, съ искреннею радостію пили за здоровье мое вино, и пошли опъ насъ очень веселы. Какъ скоро остались мы съ Саркисомъ одни, то онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобъ по утру какъ можно ранѣе поспѣшить домой и утѣшить мою мать, говоря, что иначе она отъ великой своей горести и отчаянія можетъ скоро умереть. Вставши поутру весьма рано, пошелъ я напередъ въ церьковь къ заутрени помолиться Богу и святому Месропу, который, какъ выше сказано, сочинилъ Армянскія и Грузинскія письмена, и тѣмъ просвѣтилъ обѣ сіи націи; а по томъ перевелъ на нашъ языкъ по своему новому письму Библію и другія священныя книги, церковное служеніе и весь обрядъ. Оба тамошніе священники были уже въ церкви и сидѣли одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ крилосѣ въ безмолвіи, и иногда покашливая. Я полагалъ, что они кого ни-

будь ожидаютъ и для того не начинаюпъ заупрени, но вышло на пропивъ. Прошло около 3 часовъ, естьли не болѣе, когда уже взошло солнце, какъ они посидѣвъ такимъ образомъ, по одиначкѣ вышли изъ церкви, ни сказавъ одинъ другому ни слова. Видя чпо пѣмъ кончилась ихъ заупреня, сошелъ я въ погребъ, гдѣ подъ олпаремъ погребенъ Св. Месропъ. Помолясь и опдавъ должное поклоненіе Свяпому, возвратился къ Саркису и съ удивленіемъ пересказавъ ему виденное мною, спрашивалъ тому причину. Священники сіи, опвѣчалъ Саркисъ, сбирая пошлины съ живыхъ и мерпвыхъ, и сверхъ пого десяпины, по жадноспи стали недовольны симъ обильнымъ доходомъ и для умноженія онаго, вь самомъ ли дѣлѣ, или притворно выдумавъ новый проектъ для своихъ доходовъ, ссорятся между собою на топъ конецъ, чпобы обыватели, кто котораго изъ нихъ любитъ, приходили бы къ нимъ просить о примиреніи между собою, и при семъ случаѣ всякой къ любимому имъ священнику несепъ какой

нибудь подарокъ; и то что они не служили теперь, по буднямъ случается весьма часто; одинъ заставляетъ другаго, чтобъ началъ службу; и такимъ образомъ перекоряясь, оставляютъ церковь безъ отправленія Божіей службы. Теперь по видимому они опять ожидаютъ, чтобъ шли къ нимъ съ подарками. — Послѣ сего разговора, простясь съ Саркисомъ, отправился я въ путь съ однимъ попутчикомъ шедшимъ въ наше селеніе.

Домы деревни Ушаканъ *) построе-

*) Въ деревнѣ Ушаканъ растутъ два примѣчательные корня, одинъ называется *Торонъ*, изъ котораго дѣлается красная краска, которая употребляется сдѣсь въ Россіи и называется мореною, а другой Лошпакъ или Манракоръ, имѣющій по своей фигурѣ совершенное подобіе человѣка и употребляется у насъ въ лѣкарства. Онъ довольно великъ и его вытаскиваютъ обыкновенно собакою, такимъ образомъ, что окопавъ около его землю, привязываютъ къ нему веревкою собаку, и понуждаютъ ее тянуть, пока корень не выйдетъ со всѣмъ изъ корня. Причина сему, какъ во всѣхъ нашихъ мѣстахъ говорятъ, та, что естьли оной корень вытащитъ человѣкъ, то онъ не минуемо отъ того умретъ тутъ же, или весьма скоро, и что при вытаскиваніи его всегда бываетъ слышимъ стонающій человѣческій голосъ; но я сего не утверждаю, и какъ самъ не видалъ, то и неочень вѣрю.

ны всѣ изъ нозреватаго камня, которымъ наполнены всѣ тамошнія холмы и горы, называемаго Чечотъ, что значитъ рябой Онъ имѣетъ двоякой цвѣтъ; красноватой и черной; легокъ, какъ морская пенка и на водѣ не тонетъ, еспьли нѣтъ въ немъ посторонняго вросшаго камня; въ баняхъ оскабливаютъ имъ съ ногъ наростающую кожу. Деревня Ушаканъ съ прехъ сторонъ укрѣплена стѣнами изъ того же камня, а четверпая сторона неприступна, по натурѣ; ибо тутъ около 50 сажень и болѣе чрезвычайная каменная крупизна, при подошвѣ которой течетъ рѣка Карпи, проходящая также и около нашего селенія. Она не очень широка, имѣетъ по большой части мѣлкія мѣста и вообще нѣтъ большой глубины; выпекаетъ какъ и Ампертъ изъ ключей Аракатской горы подъ находящимся тамъ селеніемъ, Карпи называемымъ. Спускаясь прямо опъ деревни помянутою крупизною по проложеннымъ пропинкамъ, посѣтилъ я имѣющіяся въ ней пещеры обитавшихъ нѣкогда тамъ пустынниковъ. На послѣдокъ

перепли рѣку, по построенному покой-
нымъ Патріархомъ Симеономъ каменному
мосту. Въ сей рѣкѣ находится та самая
рыба, называемая Кармрахайтъ, которую
въ бытность мою въ монастырѣ, какъ
выше я сказалъ, прикладывали къ больно-
му моему пальцу. Перейдя мостъ, тот-
часъ надобно всходить на каменистую
гору, посредственной высоты. Подни-
мался, примѣтилъ я почти повсюду
разной величины камни, накладенные одинъ
на другой въ родѣ маленькихъ пирамидъ.
Спутникъ мой велѣлъ мнѣ, чтобъ я взявъ
камень, положилъ также сверхъ од-
ной кучи, и самъ сдѣлавъ тоже, ука-
залъ мнѣ въ правой рукѣ возвышенное на
горѣ мѣсто, гдѣ хотѣлъ объяснить при-
чину таковой накладки камней, дѣлаемой
всѣми по сей горѣ проходящими. Взошедъ
на показанное возвышеніе, привелъ онъ
меня къ пещерѣ, выкладенной изъ камней
и довольно просторной для одного чело-
вѣка. Въ боку сей пещеры показалъ онъ
мнѣ яму, которой глубина натуральная
была еще вырыта, и я полагалъ ее ар-

шинъ до 15. Въ сей ямѣ видны были во множествѣ наваленныя человѣческія кости. Спутникъ мой дорогою разсказалъ, что предъ тѣмъ лѣтъ болѣе 150, жилъ въ сей пещерѣ подъ видомъ пустынника, нѣкто по имени Давыдъ, котораго всѣ называли Аргаръ (т. е. истинный или праведный, и подъ симъ названіемъ собственно разумѣется такой человѣкъ, который долженъ быть непремѣнно въ раю). Въ то время, около трехъ лѣтъ продолжался здѣсь самой ужасной голодъ, такъ, что нѣкоторые жители ѣли всякихъ животныхъ. Давыдъ между тѣмъ удивлялъ всѣхъ образомъ своей жизни, и каждый день ходилъ въ монастырь къ обѣднѣ; но наконецъ случилось, что отъ монастыря по обыкновенію, около святой недѣли, посланъ былъ одинъ изъ церковныхъ служителей по селеніямъ, для собиранія яицъ. Когда онъ проходилъ мимо той пещеры, Давыдъ пригласилъ его къ себѣ, какъ прохожаго для отдохновенія. Дьячокъ только что взошелъ въ пещеру, то пустынникъ, посадивъ его, неизвѣстно за чѣмъ вы-

шелъ вонъ. Онъ же между тѣмъ желая осмотрѣть пещеру, увидѣлъ сію яму, а въ ней человѣческія кости, и по тому взялъ на пустынника подозрѣніе. — Но какъ избавиться отъ него не находилъ никакого средства, то на оставленномъ имъ при выходѣ верхнемъ кафтанѣ назади успѣлъ написать углемъ: „спасите меня изъ ямы, онъ ѣстъ людей и меня съѣстъ.“ — Пустынникъ выходилъ только для предосторожности посмотрѣть, нейдетъ ли кто вблизи отъ его пещеры, и тотчасъ возвратясь назадъ, схватилъ бѣднаго дѣячка, связалъ ему руки и ноги и завязавъ ротъ, опустилъ въ яму. Время было еще утромъ рано такъ, что по щастію дѣячка пустынникъ въ тотъ же день пошелъ въ монастырь къ обѣднѣ. Онъ могъ оставлять свою пещеру безъ всякаго сомнѣнія, потому, что изъ уваженія къ нему по всей нашей землѣ ни кто не смѣлъ входить въ нее безъ его приглашенія; но какъ скоро въ церквѣ замѣтили, что у него было написано на спинѣ, то, прочитавъ надпись, въ тужъ

минуту объявили монашествующимъ. Его задержали подъ карауломъ, а между тѣмъ послали нѣсколько человѣкъ осмотрѣть пещеру. Посланные выпащивъ изъ ямы нещастнаго дьячка, привели въ монастырь, а при томъ донесли и о видѣнныхъ человѣческихъ костяхъ. Въ продолженіи голода весьма много людей пропало безъ вѣсти, и догадывались, что они кѣмъ либо были убиты въ пищу. Теперь все подозрѣніе упало на сего пустынника и онъ при первомъ допросѣ признался, что найденныя въ его пещерѣ кости были точно съѣденныхъ имъ людей, которыхъ онъ къ себѣ заманивалъ, или въ ночное время ловилъ такимъ образомъ, что наставливалъ по ближайшимъ и болѣе непроходимымъ дорожкамъ камни, грудою одинъ на другой, и когда прохожія по темнотѣ находя на сіи камни, обрушивали ихъ, то онъ идя на стукъ отъ того производимый, примѣчалъ сколько людей проходило, и естьли случался одинъ, то онъ прибли-
жаясь къ нему, по своему обыкновенію, для страннопріимства заводилъ его въ

свою пещеру; а въ случаѣ несогласія убивалъ тутъ же на мѣстѣ. Послѣ такова-го допроса, привязали его къ лошадиному хвосту и размыкали, такъ, что какъ говорится у насъ, остались одни уши. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обыкновеніе, что всякой проходящій по сему мѣсту, ставитъ камень на камень. Въ продолженіи сей повѣсти стали мы подходить уже къ тому мѣсту, гдѣ должно было спускаться съ горы на Аракатскую степь. Немного недоходя до онаго, на одномъ изъ тамошнихъ каменистыхъ холмовъ нашелъ я родъ маленькаго озерка, или нѣкоторое количество воды, а около его цѣлыми грудами разбитыя каменные разные сосуды. Товарищъ мой сказалъ мнѣ о семъ то, что я по наслышкѣ давно уже зналъ, и имянно: по кончинѣ Св. Месропа, владѣтельный Князь Ушаканскій, откуда мы шли, Ваганъ Амапуни, будучи человѣкъ въ то время весьма сильный, потребовалъ, чтобъ Месропъ, какъ уроженецъ Ушаканскій, пренесенъ былъ для погрѣбенія тѣла его въ тамошнюю церковь, гдѣ

послѣ и онъ самъ погребенъ подлѣ Месро-
па. — Духовные Эчміацынскаго Монасты-
ря, несшіе святое тѣло Месропа, для
отдохновенія своего, и во множествѣ
слѣдовавшаго за ними народа, останови-
лися на семъ мѣстѣ, а по отдохновеніи,
когда они стали продолжать свой путь, то
вдругъ сдѣлался чрезвычайно сильной
дождь, продолжавшійся только нѣсколько
минутъ; послѣ чего дождевая вода соеди-
нилася вся на то мѣсто, гдѣ спояло тѣло
Месропово. Съ тѣхъ поръ болящіе чесот-
ками и другими наружными сыпями, при-
нося съ собою новые не держанные со-
суды, окачиваюпся сею водою, по томъ
разбиваюпъ сосуды, и получаюпъ послѣ
того весьма скорое изцѣленіе. Это есть
дѣйствительная правда; но только не
знаю я того, что показанная вода высы-
хаетъ ли въ лѣтнее время и собираетсл ли
опъ новыхъ дождей, или стоипъ все од-
на и также неиспощимою.

Попутчикъ мой шелъ весьма скоро,
торопясь возвратиться въ Ушаканъ, въ

тотъ же день. По слабости моей отъ болѣзни, я былъ уже не силахъ поспѣшать за нимъ и опасался остаться одинъ, ибо въ осеннее время бываютъ у насъ среди дня такія сильные туманы, что на разстояніи даже одной сажени нельзя видѣть лица человѣка, и чтобъ въ сіе время непопасть какому нибудь хищному звѣрю, изъ коихъ большею частію нападаютъ тогда волки, я убѣдительно просилъ моего спутника идти тише; но онъ на просьбу мою не согласился и оставилъ меня одного. — Объятый страхомъ шелъ я уже по тихоньку, плакалъ, или читалъ для ободренія себя молитвы. Сошедъ съ горы и пройдя Персидскую деревню Мулла-Дурсунъ (что значитъ для одного муллы), достигъ наконецъ монастырской мѣльницы, Юсъ-Баша называемой, отъ которой до монастыря оставалось не болѣе какъ часъ, или часа полтора ходьбы. Я рѣшился тутъ отдохнуть и узнать отъ мѣльника, нѣтъ ли у насъ въ селеніи, или монастырѣ чего новаго; но взошедъ въ нее, услышалъ я

въ низу мѣльницы голосъ спонающаго человѣка. Я осмѣлился туда спуспишся и нашелъ мельника, связаннаго и брошеннаго между колесами. Онъ былъ весь почпи въ крови и едва могъ проговоришь, чпобъ я его развязалъ. У него были въ госпяхъ разбойники, копорые ограбивь все пшено и муку, въ добавокъ избили его пакъ, чпо едва оставили живаго. При выходѣ опъ него, просилъ онъ дапь знапь объ его приключеніи въ монаспырѣ и въ селеніи, въ копорое дошелъ я уже предъ вечеромъ. Робяпишки увидѣвшіе меня первые, топчасъ начали кричапь: мерпвецъ! мерпвецъ! Всѣ сказали, чпо онъ упонулъ въ рѣкѣ, мапь давно уже служила по немъ панихиды и сдѣлала могилу; онъ изъ воды; мерпвецъ! мерпвецъ! — Такая вспрѣча и привѣпспавія при совершенномъ изнеможеніи моемъ, привели меня въ робоспь и я едва могъ дойпи до своего дома, будучи безпреспанно провождаемъ крикомъ глупыхъ ребяпъ. — Взойдя въ домъ, увидѣлъ я мою мапь, сидящую въ праурномъ

положеніи по нашему обычаю *) и въ глубочайшей задумчивости. Увидѣвши меня, она не вѣрила своимъ глазамъ, вспала и подходила ко мнѣ въ молчаніи; я потчасъ проговорилъ: матушка, я живъ! и бросился къ ней на шею. Бывъ отъ стѣсненнаго дыханія не въ состояніи ни слова промолвить, она прижала меня къ груди своей, и въ безмолвномъ рыданіи обливала меня своими слезами. Я также плакалъ, и отъ радости, смѣшенной съ горестію, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ сказать ни одного слова. Потомъ успокоясь мало по малу, я пересказалъ ей всѣ бывшія со мною приключенія съ того времени, какъ посланъ былъ въ работу. Она также разсказала мнѣ, какимъ образомъ увѣдомили ее о моей смерти; какія дѣлала по мнѣ поминки и на послѣдокъ что еще претерпѣла во время отлучки моей отъ притѣсненій и ненависти нашихъ злодѣевъ. — Какъ уже

*) По нашему обычаю трауръ означается такъ: мущина разстегиваетъ воротъ рубашки и грудь держитъ обнаженною, а женщина имѣетъ разпущенные волосы и покрываетъ голову чернымъ платкомъ.

со всѣмъ смѣрклось, пришелъ домой и спаршій мой братъ. — Общая наша съ нимъ радость также была велика. — Ему снова я пересказалъ о себѣ то, что говорилъ матери. На конецъ поужинавъ вмѣстѣ кислаго молока, которое состявляло всю пищу моей матери, разошлись спать. На другой день и нѣсколько дней съ ряду, всѣмъ селеніемъ удивлялись о моемъ возвращеніи, и многіе невѣрили тому, пока сами меня не увидѣли. — Между тѣмъ мы жили хотя скудно, но спокойно, такъ какъ по окончаніи полевыхъ работъ и въ зимнее время занимаются всѣ только собственными домашними работами и никуда не требуются. Въ продолженіи зимы мать моя по совѣту со мною, положила чтобъ женить старшаго брата, на что и онъ согласился, тѣмъ болѣе, что успѣлъ уже скопить у себя нѣсколько денегъ. Мы разсуждали, что съ умноженіемъ родственниковъ можемъ избавиться отъ притѣснителей и состоять подъ защитою, и для того, чтобы войти въ родство съ доспаточнымъ домомъ, или случайнымъ,

положили выбрать невѣсту не изъ самыхъ молодыхъ, но совершенныхъ лѣтъ. И такъ сдѣлали сватовство и вскорѣ сыграли свадьбу. Жена братнина принесла ему въ приданое половину того, что онъ по обыкновенію долженъ былъ дать ее родителямъ. Расходъ свадебный нѣсколько былъ наверспанъ пѣмъ, что всякой гость, пирующій на свадьбѣ, даетъ для жениха нѣсколько денегъ, коихъ и собралось у брата рублей до осмьнадцати.

По обычаю нашему вышедшая въ замужство не можетъ говорить въ домѣ ни съ кѣмъ, кромѣ своего мужа и дѣвушекъ. — Она объясняется одними только знаками, и потчасъ отворачивается когда на нее мущина, или женщина смотритъ; садится за столъ съ однимъ только мужемъ и не бываетъ за общимъ. Случается, что такое пиранское правило продолжается и послѣ рожденія молодою замужнею женщиною 3 и 4 дѣтей, и иногда до десяти лѣтъ житья своего съ мужемъ. Въ исходѣ четвертаго мѣся-

ца послѣ братниной женидьбы, мнѣ крайне наскучили нѣмые разговоры невѣстки. Я сожалѣлъ и объ ней, что такое обращеніе должно быть для нее очень и скучно и затруднительно. Поговоря о семъ съ манерою, я съ согласія ея предложилъ брату, чтобъ онъ позволилъ своей женѣ говорить съ нами языкомъ, а не руками и ногами; а при томъ изъявилъ ему мое усердіе учить ее грамотѣ. И такъ не смотря на жестокой и глупой нашъ обычай и на то, что въ селеніи будутъ надъ нами смѣяться и зазирать, такъ какъ утаить сего было бы не можно, невѣстка обращалась съ нами какъ должно. Вскорѣ послѣ сего, по просьбѣ моего брата, около Іюня мѣсяца, отправимъ я въ Баязитъ съ однимъ тамошнимъ жителемъ, который будучи въ нашей деревнѣ, сдѣлался боленъ. У насъ была лошадь, на которую посадивъ моего больнаго, самъ шелъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ караваномъ, шедшимъ въ Баязитъ же изъ Аштарака съ виномъ. Послѣ полудня дошли мы до рѣки Ерасхъ, или Аракъ. Самое большое

ея разлитіе уже миновало, однако все была еще очень широка и большею частію глубока. Во время разлитія ея переправляются по ней иногда на плотахъ а иногда на доскахъ, привязывая къ концамъ оныхъ надутые кожаные пузыри, или мѣха, въ коихъ обыкновенно въ Азіи возятъ въ дорогѣ вино, держатъ воду и молоко. Араксъ при разлитіи своемъ весьма быстръ и причиняетъ иногда много вреда сноситъ домы и изтребляетъ посѣвы. Съ пруломъ нашли мы мѣлкое мѣсто и переправилися въ бродъ; но при семъ случаѣ я едва не погибъ вмѣстѣ съ моимъ сѣдокомъ При переходѣ чрезъ рѣку, я сидѣлъ также на лошади позади больнаго. По слабости своей онъ не въ состояніи былъ долго правитъ лошадью и упустилъ узду, а лошадь, сбившись съ мѣли, вдругъ вступила въ глубь. Мнѣ закричали изъ каравана, чтобъ я, оставя Баязитца тонуть, спасалъ себя. Я ухватился за хвостъ моей лошади, а больной мой держался за меня. Къ счастію лошадь плыла весьма сильно, билась минутъ до десяти, искав-

ши выйти на мѣль, и наконецъ увидя стоящихъ на другой сторонѣ лошадей, кои успѣли уже переправиться, устремилась къ берегу. По берегамъ Аракса растетъ кустарникъ, называемой Елгонъ, имѣющій листья и вѣтьви на подобіе укропныхъ, вышиною около 5 аршинъ, а толщина самая большая около 3 вершковъ. Онъ горитъ чрезвычайно пылко и даетъ обширное пламя. Шедшія въ караванѣ люди, тотчасъ изъ сего растѣнія разложили огонь и обсушили мое платье. Предъ вечеромъ дошли мы до деревни Плуръ. Я пошолъ ко всенощной, пѣлъ и читалъ. Потомъ вступилъ я въ разговоръ съ священникомъ, чтобъ отъ него что нибудь узнать, дѣлалъ ему разные вопросы о значеніи нѣкоторыхъ Евангельскихъ текстовъ; но какъ большая часть сельскихъ священниковъ не только не разумѣютъ объяснить, но и не знаютъ сказать, въ какомъ мѣстѣ написано то, о чемъ спрашиваешъ, то бѣдной Плурской священникъ тихонько съ убѣдительнымъ видомъ шепнулъ мнѣ, чтобъ я оставилъ мои вопросы и при-

шелъ бы къ нему въ домъ. Онъ угостилъ меня весьма хорошимъ ужиномъ и виномъ. Ночь провелъ я вмѣстѣ съ караваномъ. Между тѣмъ какъ я пѣлъ въ церкви, то спутники мои прославляя мою ученость, какъ по наслышкѣ въ нашемъ селеніи, такъ и по разговорамъ моимъ съ ними на дорогѣ, выдумали разгласить, что я имѣю намѣреніе жениться. По чему тамошнія дѣвушки старались выглядывать изъ подъ своихъ покрывалъ, чтобы я ихъ замѣтилъ. Но мнѣ было не до того; я думалъ какъ бы только поужинать и попраздновать получше на счетъ священика.

На другой день продолжая путь, около полудня переходили мы большія высоты подошвы горы Арарата на южной ея сторонѣ, предъ которою оканчивается граница Араратской степи деревнею *Архачъ*, гдѣ родится изрядной мѣльничной камень и находится Персидская таможня. Здѣсь на одномъ особенно возвышенномъ холмѣ, называемомъ Хачь Гядукъ (крестная высота) увидѣлъ я воздвигнутый на

могилѣ большой надгробный памятникъ, и спрашивалъ объ немъ больнаго моего Базиліца. Онъ сказалъ мнѣ, что одинъ изъ Епископовъ Етміацынскаго монастыря, за нѣсколько сотъ лѣтъ, возвращался изъ своего вояжа въ монастырь, остановился въ Базилитѣ въ нѣкоторомъ домѣ, гдѣ во время стола, за которой только что сѣли, хозяинъ дома сказалъ ему, чтобъ онъ по примѣру прочихъ взялъ палку. Епископъ удивясь, спрашивалъ тому причину, ему отвѣчали, что въ городѣ появилось въ то время столь много змѣй, что и въ домахъ должно опасаться быть отъ нихъ уязвленными, и для того всякой имѣетъ палку, чтобъ въ случаѣ, естьли змѣя покажется, было чѣмъ оборонитьсяся. Епископъ услышавъ сіе, тотчасъ всталъ изъ за стола, повергнулся на колѣни, и молясь Богу, что-то про себя чипалъ. Потомъ вставъ, сказалъ всѣмъ бывшимъ въ томъ домѣ, что пока будутъ цѣлы у него зубы, до тѣхъ поръ въ семъ городѣ никто отъ змѣи уязвленъ не будетъ. По окончаніи обѣда Епископъ не мѣшкавъ

отправился въ свой путь, но только что выѣхалъ онъ за границу города, вдругъ поднялся въ немъ чрезвычайный шумъ отъ змѣй, кои изъ всѣхъ мѣстъ устремились вонъ изъ города. Жители приведены были симъ явленіемъ въ чрезвычайное смятеніе и удивленіе. Паша въ туже минуту чрезъ крикуновъ повелѣлъ донести ему, не было ли у кого въ городѣ какого нибудь особеннаго приключенія. Симъ способомъ узнавъ о дѣйствіи Епископа и о сдѣланномъ отъ него обѣщаніи послалъ гонцовъ, чтобъ привести къ нему его голову, которая отсѣчена у него на семъ мѣстѣ, на которомъ его догнали, и положена въ свинцовомъ ящикѣ при входѣ въ домъ Паши, для того, чтобъ по словамъ Епископа, сберечь зубы его въ цѣлости, а тѣло погребено здѣсь, и съ согласія тогдашняго Патріарха, Паша, въ знакъ памяти Епископа, соорудилъ сіе надгробіе, которое какъ ты видишь, говорилъ онъ, показываетъ само собою, что существуетъ нѣсколько уже вѣковъ. Онъ обѣщалъ мнѣ по прибытіи въ Халепъ пока-

запь и голову Епископа. Я за непремѣнное положилъ испытать справедливость пересказаннаго имъ. Пройдя еще нѣсколько часовъ, принужденъ я былъ отстать отъ каравана по просьбѣ одного Аштаракца, у котораго нагруженная виномъ лошадь отъ усталости не могла слѣдовать далѣе за караваномъ. Отпустивъ моего больнаго съ прочими, остались мы на мѣстѣ около 3хъ часовъ, не далеко отъ пустой деревни Карабазаръ, гдѣ въ прежнія времена стоялъ большой городъ *); къ ночи дошли мы до Баязитской деревни, называемой Гара Булахъ, что значитъ чорной ключь, который тамъ находится. Здѣсь догнали мы свой караванъ и ночевали вмѣстѣ. Деревня сія находится при самомъ окончаніи высотъ, кои мы переходили, и есть Баязитскаго владѣнія Курдустанской области. — Жители оной называемые Язиты, есть народъ кочующій. Лѣтомъ они уходятъ въ горы, но

*) Говорятъ, что здѣсь въ древности протекала рѣка, но послѣ сокрылась, что легко и быть можетъ; ибо я проходя симъ мѣстомъ, дѣйствительно слышалъ довольно чувствительный шумъ текущей воды подъ землею.

на зиму возвращаюпся на свое мѣсто, которое есіпь, такъ сказать, непремѣнное ихъ пребываніе, по причинѣ чрезвычайной пріятности воды Гаръ-Булаха, или чорнаго ключа. Язипцы не есть Магомепане, и со всѣмъ неизвѣстно какую исповѣдуюпъ вѣру. Они говорятъ по Турецки, но имѣюпъ особенный и собспвенный языкъ, пакже никому неизвѣспный. Письменъ у нихъ нѣпъ. Между ими находятся избранные родъ ученыхъ, кои помспвенно передаюпъ словесно какой по однимъ имъ извѣспный секретъ, каждый одному изъ своихъ сыновей, копораго признаепъ къ тому доспойнымъ. Должно удивляпься въ нихъ еще нѣкоторымъ особеннымъ дѣйспвіямъ. Въ клятвѣ и иныхъ случаяхъ, они какъ Христіане, дѣлаюпъ на себѣ крестное знаменіе, но только со всѣмъ отличнымъ образомъ, и имянно, сложивъ вмѣспѣ оба кулака, поднимаюпъ только большіе пальцы, и держа ихъ соединенно, крестятся ими. Красное вино пьюпъ, держа также обѣими руками и упверждаюпъ, что вино сіе есть Хри-

стова кровь; естьли же случится, упасть каплѣ того вина на землю, лижутъ то мѣсто языкомъ. Въ гостепріимствѣ привѣтливы и усердны безпримѣрно. Всякой Язитецъ готовъ пожертвовать всѣмъ своимъ семействомъ, но не выдастъ своего гостя и недопуститъ оскорбить его, пока онъ у него пребудетъ. Запрещаютъ бранить діавола и готовы за сіе убить, говоря, что діаволъ прежде былъ первый у Бога, и за грѣхъ свой предъ нимъ наказанъ сверженіемъ съ неба и лишеніемъ Ангельскаго вида, и можетъ быть что Богъ опять его проститъ и возведетъ въ прежнее его достоинство. Естли около Язитца, гдѣ онъ стоитъ или сидитъ, кто либо обведетъ кругъ, то онъ тутъ готовъ умереть и не выйдетъ пока не сотрутъ круга, о чемъ, буде кто такимъ образомъ надъ нимъ поступитъ, проситъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Но что странность сія значитъ, эта тайна извѣстна только имъ. Надъ умершими родственниками плачутъ и сѣтуютъ по сороку дней, сидя надъ кладбищемъ день и

ночь. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ, не употребляя долгое время пищи, совершенно отъ того изнемогали и даже умирали надъ могилою. Сказанное здѣсь о Язипцахъ извѣстно всѣмъ въ нашихъ странахъ, и я все то видѣлъ и испыталъ самъ; а сверхъ того слыхалъ, что Язипцы въ память того, что жители Ниневіи, по пророчеству Іоны, три дни молились Богу объ отпущеніи грѣховъ ихъ и о избавленіи отъ предопредѣленной имъ за разврапъ ихъ гибели, также однажды въ годъ три дни сидятъ въ домахъ, погруженные въ печаль, и не токмо сами неупотребляютъ пищи, но даже и младенцамъ ничего не даютъ и скота не кормятъ. Переночевавъ въ Гара Булахѣ, къ вечеру слѣдующаго дня дошли до Баязита. — Между Гара Булахъ и Баязитомъ, степное мѣсто все почти покрыто болотами и высокимъ камышомъ. Баязитъ стоитъ на горѣ и кажется намъ отъ сѣверной стороны, отъ которой мы шли, выстроеннымъ какъ бы домъ на домѣ, которые почти до самыхъ послѣднихъ въ городѣ строеній всѣ вид-

ны. Отъ таковаго мѣстоположенія города случается иногда то, что при дождяхъ, которые тамъ бываютъ весьма сильны, идущаго человѣка сноситъ на низъ стремленіемъ текущей по покатости воды. Солнце видимо бываетъ тамъ только въ полдень, потому, что съ восточной и западной стороны городъ окруженъ возвышеніями горы, содержащими его въ тѣни.

Больной мой имѣлъ въ Балзитѣ собственный свой домъ; но къ нещастію сего бѣднаго человѣка жена его размотала почти все, что было имъ въ домѣ оставлено; и сверхъ того, когда онъ сталъ о томъ ее спрашивать, то она въ отвѣтъ осыпавъ его ругательствами, ушла со двора и болѣе не возвращалась. Мы ночевали съ нимъ только двое; и нечего намъ было поужинать; добрая хозяйка не оставила послѣ себя и куска хлѣба. На другой день надобно было ему со мною разплатиться; но по разстроенному состоянію своему, вмѣсто условленныхъ имъ

съ братомъ моимъ за провозъ 90 паръ, заплатилъ мнѣ только 60, чѣмъ я безъ всякаго огорченія и удовольствовался, а достальныя, когда исправится, наказалъ отдать въ церковь. Баязитъ населенъ большею частію Армянами и имѣетъ четырѣ церкви, изъ коихъ одна весьма пространная. Въ тотъ же день упромъ водилъ онъ меня въ Сарай, или дворецъ Пашинской и показывалъ тотъ свинцовой ящикъ, въ коемъ заключена голова нашего Епископа, и надъ которымъ по ночамъ съ того самаго времени, какъ онъ убитъ, теплится лампада на иждивеніе Пашей. — Около полудня случилось мнѣ быть здѣсь свидѣтелемъ бѣдственной кончины одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ жителей изъ Армянъ Манукъ-Аги. Причина тому была слѣдующая: сынъ Паши торговалъ у одного Купца большой Фесъ, *) но недавалъ той цѣны, какую хотѣлъ взять

*) Родъ скуфьи, которыя обыкновенно Азіатскіе народы носятъ на головѣ подъ шапкою. Они дѣлаются двоякимъ образомъ: одни малыя круглыя, а другія съ длинною широкою лопастью, и сіи послѣднія продаются весьма дорогою цѣною.

Купецъ, а Манукъ Ага заплатилъ болѣе, и именно то, менѣе чего Купецъ не хотѣлъ отдать. Пашинской сынъ тѣмъ обидѣлся и жаловался отцу; а сей почелъ справедливымъ, велѣлъ Манукъ-Агу, за мнимое оскорбленіе чести сына своего, повѣсить, что и было исполнено при моихъ глазахъ. Пожалѣвъ объ участи сего человѣка, поторопился я выйти изъ Баязита; но прежде желалъ осмотрѣть строющійся на горѣ дворецъ Пашинской, который также видѣнъ былъ отъ дороги и представляетъ издали очень хорошій видъ. Онъ строился изъ чернаго и бѣлаго мрамора, обдѣланнаго въ небольшихъ камняхъ на подобіе здѣшнихъ кирпичей; а вмѣсто извести, для вязки камней, употреблялся свинецъ и сверхъ того укрѣпляли желѣзными скобками. Мраморъ, уже обдѣланный, также свинецъ и железо, доставляли изъ Эрзерума, отъ Баязита шесть дней ѣзды. Дворецъ сей строился на подобіе замка или крѣпости; ибо вокругъ его была выкладена стѣна изъ того же мрамора. Впрочемъ зданіе сіе вообще не очень велико-

Мнѣ однако сказывали, что оно началось строеніемъ до того за 16 лѣтъ.

Между тѣмъ, какъ день былъ уже близокъ къ вечеру, то я рѣшился провести еще ночь въ Баязитѣ, и для того приспалъ въ Караванъ-Сараѣ, какъ такомъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе могъ сыскать себѣ попутчика, а при томъ надѣялся провести время безъ скуки и услышать что нибудь новое. Хозяинъ накормилъ меня тамошнимъ отличнымъ и любимѣйшимъ въ городѣ кушаньемъ Кялла-Пача (т. е. голова ноги, горячая студень съ чесноком).

Сей ночлегъ доставилъ мнѣ случай узнать чрезвычайное приключеніе, бывшее только за сутки до прихода моего въ Баязитъ, и о которомъ къ удивленію моему не случилось мнѣ ни отъ кого услышать ни одного слова въ продолженіи цѣлаго дня. Хозяинъ постоялаго двора, на вопросъ мой: нѣтъ ли у нихъ чего новаго, разсказалъ мнѣ подробно о мученіи и

смерти, извѣстной по всей тамошней странѣ красавицы Манушакъ, (названіе одного самаго пріятнѣйшаго свѣтло-лазоревaго цвѣтка), которая жила въ нашемъ селеніи Вагаршапатѣ съ лишкомъ годъ и вышла изъ него не болѣе какъ съ мѣсяцъ до отъѣзда моего съ больнымъ въ Баязитъ. Приключенія сей красавицы, или, приличнѣе сказать, мученицы, были уже извѣстны, кромѣ послѣдняго ея мученія и кончины.

Манушакъ была жена сына Хнусскаго *) Армянскаго священника. По чрезвычайной ея красотѣ, Хнусской Паша отнялъ ее отъ мужа насильно и жилъ съ нею 6 лѣтъ. Въ продолженіи того времени, она тайно исповѣдывала Христіанскую вѣру и даже пріобщалась святыхъ таинъ въ собственныхъ своихъ покояхъ. Для исполненія сего, священникъ входилъ къ ней подъ видомъ купца, якобы для продажи какого либо товара, или вещей. Въ послѣдній годъ, Паша имѣлъ къ ней совер-

*) Хнусъ въ той же Курдустанской области.

шенную довѣренность; оставлялъ безъ надзору и позволялъ выѣзжать прогуливаться. На послѣдокъ случилось ему отлучиться изъ города сутки на трои, за охотою ли, или по какимъ надобностямъ, вѣрно сказать о семъ не могу. Въ сіе самое время написала она къ мужу своему письмо и послала оное съ разнощикомъ Армяниномъ, приходившимъ также для продажи вещей подъ видомъ Магометанина. Въ семъ письмѣ коротко писала она, что привлеченная силою подъ иго ложнаго закона, и отлученная отъ церкви Христовой уже 6 лѣтъ, стремится теперь воспользоваться удобнымъ случаемъ чтобъ повергнуться въ объятія святой вѣры; прося его согласиться къ побѣгу съ нею, и для любви Божіей рѣшиться на все, презирая всякую опасность; она назначила ему время и мѣсто, гдѣ ее ожидать. Сложивши съ себя всѣ драгоцѣнности, и одѣвшись въ простое платье, приготовленное напередъ можетъ быть собственно для сего намѣренія, или подъ предлогомъ подарка какой нибудь служащей при

ней невольницы, вышла она изъ палатъ и заперла свои комнаты.

Нещастный мужъ дожидался уже ее на назначенномъ мѣстѣ. Они рѣшились удалиться къ намъ въ Вагаршапатъ, какъ въ безопаснѣйшее отъ преслѣдованій Хана мѣсто, изъ котораго, естьли кто прибѣгнетъ подъ защиту монастыря, никто уже взять не можетъ; даже самъ Шахъ и Султанъ Турецкій не пожелаютъ изторгнуть покровительствуемаго Божіимъ храмомъ, изъ уваженія къ оному. Манушакъ жила у насъ въ селеніи съ своимъ мужемъ не съ большимъ годъ, точно же сказать времени не могу, а помню только, что за нѣсколько мѣсяцовъ до отправленія меня въ Баязитъ я ее видѣлъ и съ прочими удивлялся ея красотѣ. Она по справедливости превосходила ею всѣхъ прелѣстныхъ женщинъ не токмо у насъ, но и въ Баязитѣ, гдѣ женщины, можно сказать, чрезвычайно пріятныя и имѣютъ непосредственную бѣлизну, что болѣе относятъ къ водѣ тамошняго из-

точника, называемаго Агъ-Булахъ, что значитъ бѣлый изпочникъ или ключь. Старшины наши и всѣ тѣ, кои считаются у насъ по своему состоянію сильными, во все время бытности у насъ Манушакъ, на перерывъ старались удостоиться ея благосклонности. Отвѣтъ ея всѣмъ былъ одинаковой, что они дать ей того не могутъ, что она имѣла и оставила, чтобъ сохранить вѣру и законъ Христіанской, и, что она болѣе того могла давать другимъ, что они ей предлагаютъ. Преступныя ихъ домогательства можетъ быть наконецъ были бы ими оставлены, естьли бы не замѣшалась въ игру зависть молодыхъ нашихъ женщинъ. Надобно сказать справедливо, что участіе ихъ въ семъ дѣлѣ было причиною учиненнаго съ нею тиранскаго поступка. Господа наши старшины собравшись ночью, нѣсколько человѣкъ, пришли къ дому, гдѣ Манушакъ жила съ своимъ мужемъ. Выломавъ двери, и не требуя уже ея согласія, удовлетворили своему вожделѣнію насильнымъ образомъ. Нещастный мужъ ея, для сокры-

тія стыда своего, удалился изъ селенія тайно. Поступокъ злодѣевъ сдѣлался извѣстнымъ на другой же день. Они не думали скрывать его, находя въ немъ свою славу, а женщины поспарались о томъ разгласить. Манушакъ не могла выходить болѣе изъ дома; мальчишки, сколько же наглые, какъ и отцы ихъ, толпами слѣдовали за нею и поносили безчестнымъ названіемъ, что принудило несчастную Манушакъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, удалиться ночью изъ селенія. Хозяинъ постоялаго двора, къ симъ извѣстнымъ уже мнѣ обстоятельствамъ, дополнилъ, что Манушакъ пришла въ Баязитъ и жила тамъ около мѣсяца. Между тѣмъ Хиусской Паша, по побѣгѣ ея, разослалъ повсюду извѣстія, въ томъ числѣ просилъ и Баязитскаго Пашу, что если Манушакъ найдется въ его владѣніи, то приказалъ бы убить ее, или препроводить къ нему. Манушакъ, сколько ни скрывалась въ Баязитѣ, но нѣкоторые узнали ее и донесли Пашинскому сыну о красотѣ ея. Онъ приказалъ привесши ее предъ себя, дѣлалъ

самыя лѣстныя предложенія, и требовалъ, чтобъ она приняла Магометанскую вѣру, какъ самое важное вспупленіе для согласія на любовь Христіанки съ Магометаниномъ. Она отвергла все: богатства, любовь и лжепророка, и съ мужествомъ презирала всѣми угрозами. Ее отвели въ темницу и мученіями хотѣли изпоргнуть желаемое согласіе. Между прочимъ жгли ее разкаленымъ желѣзомъ; но она терпѣла все и рѣшительно отвѣчала, что ожидаетъ и желаетъ вкусить смерть для Іисуса Христа. Паша и сынъ его объявили всѣмъ подданнымъ Магометанамъ, что Манушакъ находясь прежде въ вѣрѣ Магометанской, оставила ее, и принявъ вѣру Христіанскую, отреклась съ презрѣніемъ обратиться къ ихъ закону. Они осудили ее на побіеніе камнями, и для сего назначили мѣсто за городомъ. Всѣ Магометане, жившіе въ городѣ и въ ближнихъ селеніяхъ собрались къ тому мѣсту; осужденную поставили въ яму и всякой бросилъ на нее свой камень.

Въ наступившую ночь Магомепане, жившіе въ ближайшихъ домахъ къ означенному мѣсту, гдѣ Манушакъ убитъ, первые увидѣли восходящій отъ того мѣста нѣкоторый свѣтъ. Любопытство заставило ихъ выдти изъ домовъ и приближится къ оному мѣсту, гдѣ почувствовали они пріятный и до селѣ неизвѣстный имъ ароматный запахъ. Будучи приведены симъ явленіемъ въ изумленіе, они тотъ же часъ о семъ чудѣ дали знать въ городѣ. Собравшіеся всѣ вообще Магомепане и Христіане равнымъ образомъ поражены были удивленіемъ, смотря на сіяніе и обоняя ароматы. На другой день Армяне согласясь единодушно, принесли Пашѣ нѣкоторую сумму денегъ, за то, чтобъ позволилъ взять тѣло убіенной, и похоронили оное въ подгорной церкви Цыранаворъ. Справедливость сего послѣдняго приключенія съ Манушакъ, пересказаннаго мнѣ хозяиномъ, я рѣшился непремѣнно изслѣдовать и по утру, пошедъ на мѣсто побіенія, нашелъ дѣйствительно въ помянутой ямѣ множество камней, кои всѣ ка-

зались обагренными кровію. Послѣ сего ходилъ по улицамъ почти цѣлый день и спрашивалъ о справедливости ночнаго явленія всякаго, кто только мнѣ попадался, особливо же изъ Магометанъ, на коихъ безпристрастіе въ семъ случаѣ могъ я болѣе положиться. Всѣ единогласно подтвердили истинну сего произшествія, а таковое свидѣтельство безъ всякаго сомнѣнія заставляетъ меня вѣрить, что Манушакъ принявъ мученическую кончину за вѣру Христіанскую и цѣломудріе, можетъ быть точно сдѣлалась угодною предъ Богомъ.

Не за долго предъ вечеромъ, поспѣшилъ уже я выѣхать изъ Баязита. На дорогѣ осмотрѣлъ означенную церковь Цыранаваръ, и отдалъ поклонъ Манушакъ на мѣстѣ ея погребенія. Сошедъ съ горы остановился на ночлегъ въ подгорной деревнѣ Арцабъ, гдѣ находится совершенной бѣлизны глина, каковой въ тамошнемъ краю ни гдѣ больше нѣтъ, кромѣ сей деревни, и изъ которой дѣлаютъ раз-

ные посуды. Здѣсь нашелъ я себѣ попутчика и на другой день подъ вечеръ благополучно возвратился въ Багаршапатъ.

Я разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ разсужденіи убіенной Манушакъ; но мнѣ никто не хотѣлъ вѣрить, судя по бытности ея у Хнусскаго Хана въ наложницахъ, и по преступленію учиненному съ нею нашими извергами. Но на другой день удостовѣрились въ томъ совершенно; ибо отъ Баязитскихъ священниковъ было уже прислано къ Патріарху донесеніе, коимъ подтверждалось мое извѣстіе, во всей подробности и отъ слова въ слово. Преступники, пораженные стыдомъ, имѣли еще духъ сказать: „слава Богу, что такъ случилось;“ то есть, что Манушакъ праведница.

Подати платятъ у насъ женатой четыре, а холостой два рубли. Узнавъ, что я за провозъ Баязитца досталъ рубль денегъ, потщасъ донесли управляющему селеніемъ монаху, что меня, какъ пришед-

шаго въ совершенный почти возрастъ, надобно положить въ окладъ, и какъ я сталъ уже наживать деньги, то назначили съ меня брать не по два, но какъ съ женатаго по четыре рубли. — Монахъ очень былъ доволенъ таковымъ представленіемъ, и не медленно приказалъ съ меня и брата моего взыскать восемь рублей.— Я отдалъ все что имѣлъ, то есть, одинъ только рубль, а за достальныя по повелѣнію управляющаго начали меня мучить предполагая можетъ быть, что капли крови моей не обратятся ли въ деньги. Братъ мой видя таковыя злодѣйства, рѣшился поскорѣе продать изъ домашнихъ вещей даже самыя необходимыя, чтобъ удовлетворить жадности монаха и зависти старшинъ, и такимъ образомъ освободилъ меня отъ изстязаній. Но послѣ сего, чрезъ нѣсколько дней, братъ мой не надѣясь имѣть въ селеніи ни спокойной жизни, ни нажить денегъ, рѣшился оставить домъ и жену, и удалился на лѣто въ деревню Егвардъ, отъ Багарша-

пата къ сѣверной сторонѣ на день ходу, гдѣ онъ безъ всякаго сомнѣнія по своему художеству могъ нарабопать и накопить нѣсколько денегъ.

Какъ скоро братъ мой ушолъ, то въ отмщеніе за сіе, стали меня каждый день посылать на полевыя работы, такъ, что кромѣ одной ночи и воскреснаго дня, я не имѣлъ ни одного часа покоя. Но въ праздникъ Вознесенія, когда всѣ жители Ериванской области собираются на одну превысокую гору, лежащую къ сѣверо-восточной сторонѣ, отъ нашего селенія ходу дни на два или съ небольшимъ, мы съ матерью оставя дома одну невѣстку, также пріѣхали туда на своемъ ослѣ. Гора сія соединяется съ горою Аракатскою простирающимся отъ сей послѣдней хребтомъ. Вершины ея во все почти неприступны по совершенной крутизнѣ огромныхъ каменныхъ скалъ. Впрочемъ положеніе ея весьма пріятно; ибо на ней растутъ почти повсюду различныя травы и цвѣты, въ томъ числѣ отмѣнно ду-

шистая, Урцъ называемая, которую употребляютъ здѣсь въ аптекахъ. Дикихъ козъ и оленей, а особливо первыхъ, видѣлъ я чрезвычайно много. — Дикія козы особенно удивительны тѣмъ, что имѣютъ весьма великіе рога, до полутора аршина и даже болѣе. Персіане употребляютъ ихъ вмѣсто трубы, въ которую обыкновенно созываютъ народъ на молитвы и въ прочихъ случаяхъ. Голосъ таковой трубы отмѣнно пріятенъ. Гора сія какъ бы раздѣляется глубокою впадиною, по которой отъ самыхъ вершинъ течетъ маленькая рѣка, скрывающаяся потомъ при подошвѣ противоположныхъ холмовъ. Въ довольномъ отъ подошвы ея разстояніи, въ одной весьма высокой каменной скалѣ находится натуральная пещера, раздѣленная сводомъ, также натуральнымъ, на два отдѣленія; въ пещеру сію всходятъ по подставнымъ лѣстницамъ. Въ первомъ или переднемъ отдѣленіи помѣщаются богомольцы, человѣкъ до ста, а въ другомъ, которое гораздо менѣе, совершается въ день Вознесенія литургія. Въ сей послѣд-

ней находится могила, и, какъ во всей тамошней странѣ говорятъ, почиваютъ въ ней мощи святой Варвары великомученицы. Въ ней же по лѣвую руку спотъ немного воды, никогда не изсякающей. Я испыталъ здѣсь самъ со всѣмъ вниманіемъ слѣдующее чудо, о которомъ прежде зналъ только по общему слуху. Подъ сею пещерою находится другая, но гораздо темнѣе; и изъ подъ того мѣста, гдѣ въ верхней пещерѣ стоитъ вода, на пополокѣ нижней пещеры держатся какъ бы проходящія той воды капли. Капли сіи, естьли подъ нихъ подойдутъ, упадаютъ какъ на мущинъ, такъ и на женщинъ, раждающихъ дѣтей; но естьли станетъ женщина, еще не рождавшая, то капля, готовая упасть, оттекаетъ въ сторону; когда же каковая женщина подойдетъ и на то мѣсто, капля опять оттекаетъ, сколькобы ни было сіе повторяемо. Сей опытъ дѣланъ при моихъ глазахъ нѣсколько разъ, что я и утверждаю какъ совершенную истинну.

Пребываніе на семъ мѣстѣ молельщиковъ продолжается не болѣе двухъ супокъ. Цѣль сего моленія, святой великомученицѣ приносимаго, относится ко спасенію дѣтей отъ оспы; на каковый случай приносятся тутъ въ жертву овцы и другія въ пищу употребляемыя животныя.

При возвращеніи домой, я желалъ повидаться съ моимъ братомъ, и для того отпустивъ мать мою одну, пошелъ въ Егвардъ съ тамошними жителями. — За нѣсколько верстъ недоходя до сей деревни, увидѣлъ я въ сторонѣ множество надгробныхъ памятниковъ, вышиною отъ семи до девяти аршинъ. Я просилъ одного молодаго Егвардца, проводить меня и показать тѣ рѣдкости, о коихъ онъ, при видѣ сихъ памятниковъ, мнѣ разсказалъ, обѣщаясь, когда случится ему быть въ нашемъ селеніи, принять его у себя и угостить. Согласясь на мою просьбу, отстали мы отъ прочихъ спутниковъ и пришли на означенное мѣсто. Оно есть древнее кладьбище, называемое *Огусъ*, что

значитъ великанъ, или мѣсто великихъ. Въ древности былъ здѣсь большой городъ. Могилы всѣ необыкновенной величины; однаже изъ нихъ, нѣсколько отрытая, въ двѣ сажени. Товарищъ мой показалъ мнѣ кости погребеннаго въ ней, изъ коихъ ручная, отъ кисти до локтя, съ лишкомъ въ аршинъ Персидской, который противъ Европейскаго болѣе около третьей части; ибо изъ 70 аршинъ Персидскихъ выходитъ сто Европейскихъ; кость же ноги, отъ плюсны до колѣна была мнѣ по поясъ; по сему можно судить и о величинѣ всего корпуса. При разсматриваніи сихъ бренныхъ остатковъ крѣпости и силы вѣковъ прошедшихъ, я нѣсколько минутъ стоялъ неподвиженъ, погрузившись мыслію въ глубину лѣтъ минувшихъ и будучи исполненъ горестными чувствованіями. Въ продолженіе остальной дороги я былъ занятъ разсужденіями о тлѣнности всего сущаго въ поднебесной, о суетѣ и ничтожности гордыни и величія человѣческаго.

Братъ мой весьма обрадовался моему приходу. Я также очень былъ радъ, что

нашелъ его на первый случай довольнымъ своимъ положеніемъ. Онъ занимался своими башмаками, и работы было у него много. Въ деревнѣ Егвардъ родится такой хлѣбъ, каковаго нигдѣ или по крайней мѣрѣ во всей тамошней странѣ нѣтъ. Онъ столь бѣлъ, что почти не уступаетъ снѣжной бѣлизнѣ. Кромѣ одной высокой каменной колокольни, украшенной довольно хорошимъ рѣзнымъ мастерствомъ, болѣе ничего примѣчательнаго нѣтъ. Рѣки тамъ нѣтъ, а пользуются падающею съ горъ дождевою водою, которая собирается въ изкопанной для того прудъ, а изъ него, въ случаѣ надобности, проводятъ и на поля. Пробывъ съ братомъ двѣ недѣли, возвратился я въ Вагаршапатъ съ однимъ изъ Егвардскихъ жителей, шедшимъ въ Арарать. — Мы шли около р ки Карпи. Каменистые берега ея, или глубина пропасти, по которой она течетъ, имѣетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ до 40 и болѣе саженъ. На семъ самомъ мѣстѣ, товарищъ мой предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ спуститься нѣсколько къ рѣкѣ, го-

воря, что мы тутъ между камнями что нибудь найдемъ. Я спросилъ его, по какому случаю и чего можно здѣсь искать. Онъ объяснилъ мнѣ, что около 1717 года Турецкой Сераскиръ Паша Кіопро-Огло и топалъ Османъ Паша разбитъ былъ здѣсь на голову Персіанами, и войски его всѣ почти изтреблены. Турки не знали таковаго здѣсь мѣстоположенія; а Персидскій военачальникъ, будучи весьма искусный воинъ, заманивши ихъ къ сему мѣсту, употребилъ всѣ силы сбить и принудить отступить къ оному. Коль скоро Турки увидѣли сію ужасную могилу и свою оплошность, потеряли послѣднее мужество и были почти всѣ туда опрокинуты. Сія побѣда доставила въ руки Персіанъ и городъ Ериванъ, бывшій до того во владѣніи Турецкомъ. Послѣ сего я хотя совершенно былъ увѣренъ въ находкѣ, ибо видимые мною повсюду въ великомъ количествѣ человѣческія кости давали знать о множествѣ погибшихъ тутъ Турокъ, но за всѣмъ тѣмъ не получилъ ни малой охоты рысковать моею

жизнію, то есть: сломить себѣ голову, или быть уязвленнымъ змѣею. Товарищъ мой однако возвратился цѣлъ и дѣйствительно вынесъ съ собою серебреное кольцо и нѣсколько другихъ отъ оружія серебреныхъ же вещей. — Въ селеніе свое пришелъ я уже за полночь. Въ сіе время наступила жатва и обработка хлѣбовъ. Насъ согнали всѣхъ на работы, которую бѣдные должны были исправлять, какъ обыкновенно водится, и день и ночь, то на монастырскомъ полѣ, то на полѣ какого нибудь старшины. Время было чрезвычайно жаркое, и какъ отъ Воскресенья до Воскресенья домой насъ не пускали, то мы большою частію должны были питаться тухлою пищею. Между прочимъ давали намъ рыбу, называемую тарегхъ, весьма соленую, которая привозится изъ Ахтамарскаго озера, находящагося въ области Ванъ, турецкаго владѣнія. Не столько отъ жара, сколько отъ таковой пищи одолѣвала насъ безпрестанная жажда, отъ которой употребляя много воды и плодовъ, раздувшіеся наши же-

лудки конечно бы полопались, естьлибъ мы не разминались тяжкою нашею работою. Сверьхъ того днемъ, кромѣ солнечнаго палящаго зноя, мучилъ насъ оводъ, а ночью комары и опасность быть уязвленнымъ отъ скорпіона, или змѣи, не давали намъ спокойной минуты. — Такая работа продолжалась слишкомъ два мѣсяца до половины Августа. Между тѣмъ не за долго предъ окончаніемъ означеннаго времени, послѣдовало со мною въ моемъ семействѣ весьма чувствительное огорченіе. Мать моя разладила съ невѣсткою. У нихъ каждый день происходили самые шумные споры, такъ, что сосѣди стали мнѣ совѣтовать, чтобъ я постарался ихъ унять и примирить, говоря, что я имѣю право поговорить о семъ и матери и невѣсткѣ, которыя конечно послушаютъ словъ моихъ, по тому, что ты де человѣкъ грамотной и можешь представить имъ разные резоны. Правду сказать, что раздоры сіи крайне меня огорчали, ибо мучась цѣлую недѣлю на полевой работѣ и приходя домой на одинъ

только день, я не могъ и тутъ найти себѣ спокойствія. Я уже и читалъ и слыхалъ и видалъ, что гдѣ живутъ сто человѣкъ мущинъ, тамъ можно найти миръ, но гдѣ сойдутся двѣ женщины, то тамъ напрасно искать добраго согласія; на послѣдокъ сію горестную истинну должно мнѣ было испытать въ сердцѣ собственнаго семейства. Неоднократно покушался я вмѣшаться въ посредство, но не зналъ, чью взять сторону. На конецъ по совѣту сосѣдей, рѣшившись принять на себя примиреніе матери съ невѣсткой, я разсуждалъ на передъ, за которую бы было приличнѣе подать мнѣ свой голосъ. Естьли стать противъ невѣстки за мать, то она, какъ человѣкъ чужой, не будетъ разсуждать о справедливости моихъ представленій, но станетъ жаловаться сосѣдямъ, а послѣ и брату, что мы съ матерью соединясь, по ненависти ее обижали и притѣсняли безъ него, и такимъ образомъ можетъ посѣять между нами раздоръ, несогласіе и самую ненависть. На противъ того мать конечно не обидится

словами и совѣтами своего сына и при томъ любимѣйшаго; я даже надѣялся, что посредство мое будетъ ей пріятно, и я безъ труда пріобрѣту себѣ честь примиренія какъ отъ нихъ самихъ, такъ отъ моего брата и сосѣдей. Но къ нещастію вышло на противъ, и мать моя хотя была изъ лучшихъ женщинъ, но все женщина. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда у насъ сидѣли двѣ сосѣдки, и вмѣсто обыкновенныхъ разговоровъ слушали и сами говорили только о томъ, что относилось къ войнѣ матери моей съ невѣсткою, я, по соображенію моему о слѣдствіяхъ моего посредничества, обратился съ представленіемъ моимъ къ матери. Вступленіе моей проповѣди началъ я извиненіемъ предъ нею, что осмѣливаюсь ей говорить, надѣясь, что она примешъ слова мои и не будетъ за то на меня гнѣваться; по томъ представлялъ, что такіе раздоры, кромѣ того, что лишаютъ ее послѣдней минуты спокойствія, дѣлаютъ намъ стыдъ и зазрѣніе отъ сосѣдей нашихъ и отъ всего селенія; что мнѣ всѣ

о томъ говорятъ съ язвительными насмѣшками, укоряютъ небреженіемъ объ ихъ примиреніи, и что я даю обижать бѣдную невѣстку напрасно; что и брату моему также будетъ прискорбно, и онъ можетъ съ нами чрезъ сіе повздоритъ и даже считать насъ въ числѣ своихъ непріятелей. — Естьли же невѣстка наша нѣсколько стала дерзка и много пропивъ нее говоритъ, то это происходитъ отъ того, что она по молодости лѣтъ своихъ, еще глупа и не можетъ имѣть довольнаго терпѣнія; она же на противъ того какъ человѣкъ пожилой, видѣвшая въ жизни своей и худое и доброе, а по тому имѣя разсудокъ твердой и основательной можетъ извинять ее глупость, хотя для своего сына, а ее мужа, и между тѣмъ безъ ссоры и шума давать ей нужныя наставленія и собою показывать примѣръ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока возвратится братъ. Я можетъ быть распространился бы и еще въ моемъ поученіи, но мать моя вышла уже изъ терпѣнія слушать меня и принявъ посредниче-

спво мое за особенное пристрастіе къ невѣспкѣ, пришла въ сугубое раздраженіе, и между прочимъ упрекала меня самою ужасною не благодарностію къ ней за ея обо мнѣ попеченіи и воспитаніе. Сосѣдки съ начала предспавляли ей, чпо она меня обижаетъ напрасно; но видя чпо она вовсе ихъ не слушаетъ заключили представленіи свои смѣхомъ и оставили насъ продолжать нашу войну. Укоризны матери моей и ея противу меня огорченіе пронули меня чувспвительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, чпо я никогда почпи не видалъ на себѣ ея неудовольспвія, я спарался ее успокоить сколько возможно и говорилъ ей уже со слезами, чпо я отнюдь не желалъ сдѣлать ей досаду, а спарался только о томъ, чпобъ ее успокоить и примирить съ невѣсткою для общаго нашего счастія, которое основается намъ только въ семейственномъ согласіи. Послѣ сего мать моя мало по малу упихла и спала сожалѣть, что при чужихъ людяхъ много на счопъ мой наговорила; но раскаяніе ея было уже безполез-

но. Сосѣдки успѣли разгласить по всему селенію о томъ, что слышали, и 700 домовъ узнали, въ однѣ почти сутки, что я самой неблагодарнѣйшій и нечувствительнѣйшій изъ всѣхъ животныхъ, прибавивъ къ тому, что якобы я имѣю преступное обращеніе съ невѣсткою. — И такъ къ несносной прудности моей жизни, присовокупилось еще то, что на каждомъ шагу поносимъ былъ ругательствами и укоризнами отъ старыхъ и малыхъ нашего селенія. Встрѣчающіяся со мною, указывая на меня, говорили одинъ другому, вотъ это тотъ самой, которой дѣлаетъ то-то, а еще ученой и грамотной и знаетъ что худо и что хорошо. Мальчишки, когда я выходилъ со двора, бѣгали за мною по улицамъ толпами и кричали: вотъ, вотъ идетъ тотъ-то, ругали и не рѣдко швыряли въ меня камушками. Словомъ сказать, что я повсюду былъ преслѣдуемъ, и не было человѣка, который бы утѣшилъ меня добрымъ словомъ и сказалъ бы въ оправданіе меня, что онъ не вѣритъ тому, что говорятъ обо

мнѣ, кромѣ одного моего втораго учителя, у котораго я по воскреснымъ днямъ находилъ убѣжище. Онъ только одинъ упѣшалъ меня переносить сіе поношеніе великодушно и безропотно, какъ вышедшее въ злой часъ отъ матери, на которую не должно ни въ чемъ огорчаться и ободрялъ меня Божіею милостію. Но между тѣмъ не преминулъ выговорить и матери моей, что подвергла меня такому посрамленію. — Она извинялась на сіе только тѣмъ, что была очень раздражена, и что теперь о томъ раскаевается. Но это, какъ выше я сказалъ, было уже поздно.

Столь жестокое состояніе мое разстроило совершенно расположеніе души моей. Чувствованія мои были подобны мутному волнующемуся источнику, отклоненному отъ настоящаго своего направленія. Я не могъ не любить матери и любилъ ее съ горячностію, но не могъ уже быть своимъ въ домѣ нашемъ. Естьли я и приходилъ, то чуждался всего, и

ни во что не вмѣшивался. — Большею частію, когда свободенъ былъ отъ работъ, находился у своего учителя, а иногда у сестры. Бѣдная мать моя видѣла и чувствовала мое положеніе, чувствовала свой поступокъ, плакала горько; но не имѣла ни силъ утѣшить меня, ниже духу сдѣлать къ тому какой либо приступъ: ибо не было ни какихъ средствъ избавить меня отъ ежеминутнаго и жестокаго посрамленія, коему меня подвергла. — Словомъ все между нами пришло въ самое печальное разстройство; а я между тѣмъ долженъ былъ получить наказаніе съ той стороны, за которую подалъ поводъ къ таковому раздору.

По прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ неоднократно за невѣсткою нѣкоторые домашніе безпорядки, рѣшился ей о томъ сказать, но сія строптивая женщина съ озартностію отвѣчала мнѣ, что я не хозяинъ дома, что у нее есть мужъ, и что я не имѣю ни какого права дѣлать ей выговоры. Послѣ сего

я вовсе уже не приходилъ въ домъ свой, а проводилъ время у сестры и учителя. Онъ, зная мой нравъ и любя меня, самъ совѣтовалъ, чтобъ я поберегъ себя отъ дальнѣйшихъ огорченій и приходилъ бы всегда къ нему, а на послѣдокъ даже совѣтовалъ со всѣмъ изъ селенія удалиться куда нибудь на чужую сторону; но я очень хорошо зналъ, что превозносимая ученость моя безграмотными, въ другомъ мѣстѣ недоставитъ мнѣ не только отличія, но и куска хлѣба; для чего болѣе бы полезно было какое нибудь рукомесло, а я не зналъ ни какого. Въ такомъ состояніи провелъ я осень и зиму до наступленія весны. Чувствуя всю невозможность оставаться въ селеніи рѣшился я на весну удалиться въ селеніе Аштаракъ, отстоящее отъ насъ на день ходу, примѣрно верстъ около сорока, и вступить тамъ къ какому нибудь жителю въ должность садовника. Пришедъ въ Аштаракъ я на другой же день нашелъ себѣ желаемое мѣсто у одного довольно зажиточнаго жителя, Д. А. У него было нѣсколько

виноградныхъ садовъ; изъ коихъ одинъ я снялъ въ мое управленіе. Я зналъ нѣсколько садоное мастерство, по нашему мѣсту; но по тамошнему климату и водѣ, хотя и не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, обращались съ виноградомъ со всѣмъ иначе. — Братъ моего хозяина отвелъ меня въ насначенный мнѣ садъ, и далъ всѣ нужныя наставленія. Обіція кондиціи въ Ашпаракѣ садовника съ хозяиномъ сада состоятъ въ томъ, что нужныя по саду расходы до созрѣнія плодовъ, садовникъ дѣлаетъ на свой щотъ; когда же виноградъ соберется, то прибыль дѣлится тогда съ хозяиномъ по поламъ. Всѣ сады вообще въ нашей сторонѣ для охраненія обносятся со всѣхъ сторонъ небольшими стѣнами, такъ какъ въ прочихъ мѣстахъ заборами. Порученный же мнѣ садъ обнесенъ былъ только съ трехъ сторонъ, по тому, что четвертая, или задняя сторона прилѣгала къ рѣкѣ Карпи, которая въ семъ мѣстѣ течетъ по пропасти, или впадинѣ, столь же глубокой, какъ и выше мною сказано при возвращеніи изъ де-

ревни Егвардъ, но только не имѣетъ сполъ обрывистой крупизны, какъ тамо, а довольно пологое разположеніе. Такое состояніе моего сада было чрезвычайно опасно отъ разныхъ звѣрей, а особливо отъ волковъ, находящихся въ берегахъ рѣки, и которые въ нашей сторонѣ, чрезвычайно хищны и часто нападаютъ на людей, бросаясь съ зади изъ за камней внезапно. — Таковая опасность заставляла меня быть осторожнымъ каждую минуту. Ночь обыкновенно въ таковыхъ мѣстахъ спятъ на деревьяхъ, и по большой части постель располагается на Абрикосахъ. Не смотря на таковыя затруднения, я занимался моимъ дѣломъ съ хорошимъ расположеніемъ духа, и жилъ въ саду весело. Всѣ хлопоты въ садахъ относятся до одного только винограда, а прочія фруктовыя деревья ни мало собою не озабочиваютъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ наступило собираніе винограда; плоды также всѣ созрѣли, и я съ радостію ожидалъ прибыли отъ дележа съ моимъ хозяиномъ. Но вдругъ отъ Ериванскаго Ха-

на прислано было въ Ашпаракъ повелѣ-
ніе, чтобъ сіе селеніе выставило сорокъ
вьючныхъ лошадей съ людьми, для приво-
за изъ области Шаруръ запаснаго для
Ериванской крѣпости хлѣба. Таковыя по-
велѣнія даны были по всей Ериванской
области по тому случаю, что Шахъ Пер-
сидскій Ага-Магометъ-Ханъ выступилъ
съ войсками своими изъ Теграна, своей
столицы, для осады Еривана; по чему
Ериванской Ханъ, хотѣлъ снабдить крѣ-
пость припасами, по разположенію его
на семь лѣтъ. — Кромѣ коренныхъ жите-
лей крѣпости, обыкновенно набирается
въ оную для защищенія семь тысячь че-
ловѣкъ: четыре тысячи Персіанъ, а три
Армянъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ при
себѣ только одну жену, а дѣти остав-
ляются въ жилищѣ, на попеченіи ихъ род-
ственниковъ и ближнихъ, дабы не сдѣ-
лать тѣсноты въ крѣпости, и чтобы не
выйти изъ пропорціи хлѣбнаго запаса.
Причина сему нашествію была та, что
настоящій владѣлецъ Еривана отложив-
шись отъ Шаха, заключилъ союзъ съ Ирак-

ліемъ, какъ ближайшимъ сосѣдомъ и платилъ ему дань; Ираклій же по сему обязанъ былъ защищать его, и помогать ему во всякомъ случаѣ противу Шаха. Я назначенъ былъ моимъ хозяиномъ въ число требуемыхъ отъ селенія 40 человѣкъ, и съ прочими прибылъ въ Ериванъ; а оттуда отправился въ Шаруръ, въ назначенную деревню. — Дорогою товарищи мои, Аштаракцы, по зависти и ненависти ко мнѣ, только по тому, что я былъ Вагаршапаской, не хотѣли со мною говорить, показывали злобу свою, и даже покушались меня бить. Я отдѣлывался отъ нихъ всѣми возможными уловками. Лошадь у меня была очень хороша, и я старался держать себя въ такомъ между ими положеніи, чтобъ въ случаѣ нужды, взять безъ препятствія передъ и ускакать. Однако до сего не дошло, и я благополучно прибылъ съ ними въ назначенное мѣсто. Такъ какъ, кромѣ хлѣба, ничего другаго для пищи мы не имѣли, да и тѣмъ запаслись не довольно: то я по обыкновенію моему пошолъ въ церковь къ вечер-

нѣ. Тотчасъ началъ указывать, что то не такъ, другое не такъ и прочее, а между прочимъ читалъ и пѣлъ; не забылъ также сельскимъ священникамъ задать нѣсколько вопросовъ. Бывшіе въ церкви, изъ обывателей смотрѣли на меня съ уваженіемъ; а священники необходимо должны были приглашать меня къ себѣ и угощать. По мнѣ хорошо были приняты и мои товарищи. Я имѣлъ право надѣяться что сіи бездѣльники будутъ ко мнѣ признательны, но на противъ: природное ихъ злобное разположеніе еще умножилось по мѣрѣ зависти къ тому преимуществу, которое мнѣ предъ ними оказывали.

На другой день по полученіи назначеннаго количества пшена, котораго на каждую лошадь досталось съ лишкомъ по придцати литеръ, что составитъ безъ мала по восьми пудъ, отправились мы обратно. Деревенскіе священники, у коихъ я успѣлъ пріобрѣсти любовь, не могу въ прочемъ увѣрить, истинную, или притворную, провожали меня;

и какъ я былъ изъ монастырскаго селенія, и при томъ дважды находился въ самомъ монастырѣ, то полагая, что я тамъ могу быть для нихъ полезнымъ, просили меня въ случаѣ нужды неоставлять ихъ; а товарищи мои, отъ того, примѣтнымъ образомъ надрывались съ досады и зависти. — Съ навьюченными лошадьми мы не могли въ тотъ же день прибыть на мѣсто; а должны были ночевать на дорогѣ. По утру, когда надлежало укладывать на лошадей пшено, товарищи мои не хотѣли помочь мнѣ покласть на лошадь моихъ мѣшковъ, въ коихъ было вѣсомъ по четыре пуда, самъ же я не имѣлъ силы поднять такую тягость, и по тому просилъ ихъ убѣдительно, со всевозможнымъ униженіемъ и почти со слезами оказать мнѣ помощь. Нѣкоторые изъ нихъ пронулись ли моими просьбами, или опасались оставить меня на дорогѣ, на послѣдокъ мнѣ пособили. Прибывши въ Ериванъ *) надобно было для высыпки пше-

*) При выѣздѣ изъ Еривана, я неупустилъ осмотрѣть его со вниманіемъ, а особливо крѣпость, когда мы привезли туда пшено. Здѣсь прилагается видъ сего города.

Видъ Города **ЕРИВАНА** близъ горы Араратъ. при-
рѣкѣ Зангѣ.

Ձև քաղաքին ԵՐԵՒԱՆԱ մերձ ի լեառն Արարատու որ առ Զանկու գետովն :

Արփեանք խմոլ Եղայս ամի Յարու ի Վաղարշապատի : Ս : Դ : Բ : 1812.

на взлѣзать на стѣну по лѣстницамъ, ибо хлѣбные анбары находятся тамъ въ самой стѣнѣ крѣпости и насыпка дѣлается сверху въ отверстіе, нарочно для сего сдѣланное. Всѣ втащили свои мѣшки и высыпали пшено; а я между тѣмъ, имѣя опять нужду въ ихъ помощи упрашивалъ то того, то другаго сдѣлать мнѣ помощь но ни кто изъ нихъ не хотѣлъ даже и отвѣчать на мои просьбы. По счастію моему въ это время Ханской Тарга Джафаръ *) надсматривая въ крѣпости надъ работами, примѣчалъ нарочно происходившее между мною и моими товарищами. — Какъ скоро всѣ высыпку пшена окончили, а я оставался только одинъ, будучи не въ состояніи встащить мѣшковъ своихъ, то онъ со свитою своею тотчасъ подъѣхавъ къ намъ, приказалъ товарищей моихъ бить плѣтьми, кричавши на нихъ: ахъ! вы злобныя и ненавистныя твари! для чего вы не хотите помочь сему бѣдному человѣку? Естьли вы съ таковою нена-

*) Главной начальникъ надъ крѣпостью и надъ всѣмъ внутри города, повѣренная особа Хана.

вистію поступаете и съ своимъ одновѣрцомъ: по чего уже должны ожидать опъ васъ другіе? — и съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ имъ вспащить и высыпать всѣ мои мѣшки; по томъ, въ вящшее наказаніе, тогда же нарядилъ ихъ для спроющагося въ Шарурѣ Ханскаго дома возить туда бревна, а мнѣ велѣлъ для большаго ихъ озлобленія сѣсть при ихъ глазахъ на свою лошадь и слѣдовать за нимъ въ загородной его домъ, въ Дамиръ Булагѣ находившійся. По прибытіи туда, Джафаръ привелъ меня къ первой своей женѣ и рекомендуя ей, разсказалъ о моемъ приключеніи. Она была очень чувствительная женщина и приняла меня съ великою милостію. Я накормленъ былъ очень сыто и вкусно. По желанію жены Джафаровой я пересказалъ ей мое состояніе и нѣкоторыя главныя обстоятельства моей жизни. Она послѣ сего еще болѣе приняла во мнѣ участія, и убѣдительно просила мужа оставить меня у себа и сдѣлать щастливымъ. Джафаръ самъ по себѣ былъ человѣкъ добрый, и судя по его поступ-

ку съ моими товарищами, довольно справедливъ. Онъ охотно принялъ ходатайство за меня жены своей, и говорилъ мнѣ что естьли я хочу быть у него: то онъ оставитъ меня у себя въ услуженіи, поручитъ мнѣ въ управленіе свою деревню и дастъ жалованья сто рублей на годъ. Сія деревня была изъ лучшихъ и находилась отъ города не болѣе какъ въ четырехъ верстахъ. Я благодарилъ его и жену его за милости, и принималъ оныя какъ величайшее благодѣяніе; которое и въ самомъ дѣлѣ было бы таковымъ, естьли бы обстоятельства допустили меня онымъ воспользоваться. Но я просилъ его отпустить меня во первыхъ для того, чтобъ съ моимъ хозяиномъ разстаться по доброй его волѣ, дабы не подать ему никакого повода огорчаться мною, ибо я имѣю окончить у него мою должность, и получить слѣдующую часть; а во вторыхъ, увѣдомить о семъ счастіи мою мать и испросить отъ нее благословеніе. Джафаръ согласился на все и въ изъявленіе ко мнѣ сугубой милости, а Ашпаракцамъ

въ досаду, въ туже минуту послалъ повелѣніе, чтобъ лежащее на мнѣ у хозяина моего дѣло исправлено было за меня селеніемъ, а что придется на мою часть прибыли, выдать мнѣ сполна. Сверхъ того сказалъ мнѣ, что естьли я желаю, то могу взять съ собою мать и брата, и что всѣ они могутъ жить со мною спокойно и въ довольномъ состояніи. Сколь милостивыя, и по истиннѣ благодѣтельныя предложенія, тронули меня до глубины сердца. Кланяясь обѣимъ имъ въ ноги, и отблагодаривъ ихъ со всею моею чувствительностію, отправился я въ Аштаракъ. Но прежде, нежели я туда пріѣхалъ, сказанное повелѣніе уже было получено. Джафаръ по видимому нарочно приказалъ доставить оное прежде меня. Повелѣніе сіе столько напугало моего хозяина, что онъ боялся меня пустить въ домъ, и вспрѣтилъ въ воротахъ сими словами: нѣтъ, нѣтъ братецъ! за тебя, изъ бездѣлицы, вышло столько хлопотъ, цѣлому селенію; — я боюсь имѣть съ тобою дѣло, чтобъ и мнѣ не нажить какой

бѣды. Бога ради ступай въ свое селеніе за тебя все здѣсь исправятъ, а за долею своею пришли брата. Хозяинъ мой не посмѣлъ бы въ страхѣ спросить отъ меня и своей лошади, естьли бы я захотѣлъ ее удержать; но я на противъ того сожалѣлъ только о томъ, что съ такимъ добрымъ человѣкомъ долженъ былъ разстаться.

Пришедъ въ Вагаршапатъ, явился прежде къ моему учителю; разсказалъ ему обо всемъ, и просилъ его, чтобъ онъ съ своей стороны уговорилъ мою мать отпустить меня къ Тарга-Джафару. Не смотря на то, сколь ни велико казалось благополучіе мое и моихъ домашнихъ; но онъ представлялъ мнѣ противъ того всѣ вѣроятныя опасности, говоря, что рано, или поздно, Персіане изъ зависти къ тому, что Армянинъ управляетъ имѣніемъ такого великаго изъ нихъ человѣка, всклеплютъ на меня какую нибудь вину; слѣдствіемъ чего будетъ то, что меня, по извѣстному Персіанъ обычаю, станутъ

мучить, дабы принудить принять ихъ законъ, естьли добровольно на то согласишуся; но представляя сіи резоны онъ однако же взялся поговорить о томъ съ моею матерью. Она приняла намѣреніе мое съ великимъ огорченіемъ, и какъ убѣждена была собственными опытами, то страшась, чтобъ я когда нибудь не оставилъ Христіанскаго закона, обременила меня всѣми проклятіями, естьли я пойду жить къ Джафару. — И такъ принужденъ я былъ отстать отъ моего намѣренія. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ настояла опасность отъ поисковъ и мщенія Джафара за то что предложенія его презрѣны; равнымъ образомъ и вышепомянутый случай, подвергавшій меня ругательствамъ и даже опасности быть убитымъ: то принужденъ я былъ жить въ домѣ тайно и ни куда не выходить, кромѣ учителя, да и то по вечерамъ поздно. Между тѣмъ Ашпаракское мое дѣло по приказанію Джафара было кончено, и братъ мой получилъ слѣдующую часть; чему я былъ весьма радъ, ибо доставшаяся на мою долю прибыль

довольно была по нашему состоянію значительна. — По прошествіи не съ большимъ двухъ недѣль, Джафаръ не преминулъ спросить обо мнѣ присылаемыхъ къ нему отъ Патріарха еженедѣльно для навѣдыванія объ его здоровьѣ, которые по нарочно пропущенному отъ насъ слуху, сказали ему, что я уѣхалъ на Турецкую сторону.

По прошествіи еще нѣсколькихъ дней, какъ я угнѣтаемый моими обстоятельствами разсуждалъ, какъ и куда мнѣ удалиться, пришли посѣтить меня двое изъ моихъ товарищей, учившіеся вмѣстѣ со мною. Они меня любили, принимали во мнѣ нѣкоторое участіе, и по тому совѣтовали, чтобъ я пошолъ въ монастырь св. Мученицы Рипсимы, въ услуженіе къ пріѣхавшему за годъ предъ тѣмъ изъ Іерусалима Архіепископу Сагаку, у котораго никто не уживался изъ монастырскихъ прислужниковъ, и онъ желалъ нанять кого нибудь изъ вольныхъ. По сему совѣту на другой день пошелъ я въ монастырь, и

явился къ Сагаку, который по глубокой старости своей, ибо ему было уже слишкомъ 80 лѣтъ, и по многимъ трудностямъ жизни находился весьма въ слабомъ здоровьѣ. На вопросъ его о моемъ состояніи, я пересказалъ кратко всѣ мои обстоятельства, и даже послѣднее мое положеніе. Послѣ чего онъ спросилъ меня, какую я желаю получить отъ него плату за мою службу. Зная по наслышкѣ трудность ему угодить, я просилъ у него только позволенія послужить ему мѣсяцъ, или два, и естьли онъ найдетъ меня къ тому способнымъ: то я буду всѣмъ доволенъ, что онъ ни опредѣлитъ, и что я ищу одной только защиты и спасенія отъ ненависти и притѣсненій моихъ земляковъ. Сагакъ былъ очень доволенъ моимъ отвѣтомъ, и сказалъ мнѣ: „ну, мой другъ! я вижу, что ты будешь мнѣ служить до моей смерти“.

Онъ имѣлъ особенную келью, построенную имъ по прибытіи въ сей монастырь. Она раздѣлена была на три ком-

наты. Я одинъ исправлялъ у него всякое дѣло, и служилъ ему съ усердіемъ. Каждый день пѣлъ и читалъ ему вечерни и заутрени. При чемъ получалъ отъ него всѣ нужныя наставленія, до церковнаго служенія относящіяся. Бѣседы его были только со мною однимъ: ибо его ни кто почти не посѣщалъ, или лучше сказать, онъ никого непринималъ. Иногда прогуливался онъ на своемъ Іерусалимскомъ ослѣ, на которомъ оттуда пріѣхалъ. Сей оселъ никого, кромѣ его Преосвященства не допускаетъ сѣсть на себя, и всегда поднималъ крикъ, естьли кто хотѣлъ то сдѣлать. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Сагакъ говорилъ мнѣ въ разсужденіи жалованья: ты знаешь что у насъ первые въ монастырѣ люди (т. е. тѣлохранители Патріаршіе, составляющіе вооруженную свиту при его выѣздахъ) получаютъ только 16 рублей въ годъ; а я дамъ тебѣ двѣсти рублей. Но какъ ты человѣкъ молодой, и можешь употребить деньги иногда безъ пользы: то вѣсною куплю тебѣ садъ и мѣльницу.“ Я чрезвычайно былъ

радъ такому огромному назначенію, по тому болѣе, что совершенно былъ увѣренъ, не столько въ пріобрѣтеніи сада и мѣльницы; ибо зналъ, что по смерти его, оныя будутъ опъ меня отняты, но болѣе въ полученіи отъ него, кромѣ того, довольныхъ денегъ, въ чемъ я неошибся. Сагакъ полюбилъ меня сердечно, и я такъ сказать раздѣлялъ съ нимъ остатки дряхлой его жизни. Онъ часто давалъ мнѣ по нѣскольку десятковъ рублей, коль скоро узнавалъ какія нибудь нужды въ моемъ семействѣ, и до Рождества Христова: то есть въ два мѣсяца, я успѣлъ получить опъ него всего 160 рублей, изъ коихъ часть далъ моему брату, а прочіе матери. На себя же я ничего почти не употребилъ: ибо Сагакъ, сверхъ того, одѣлъ меня въ богатое платье. Праздничной кафтанъ у меня былъ изъ самаго тонкаго сукна; а нижнее платье изъ лучшихъ шелковыхъ матерій, называемыхъ Аладже, съ позументами и бахрамою. Мать моя и братъ, чрезъ меня поправили свое состояніе, и жили совершенно безнужно; однако

и съ крайнею осторожностію отъ нашихъ старшинъ и прочихъ сельскихъ жителей. — Въ богатомъ моемъ нарядѣ иногда отпускаемъ я былъ отъ Сагака въ свое селеніе безъ всякаго тамъ дѣла; чрезъ что Сагакъ самъ кажется желалъ наказывать зависть и злобу земляковъ моихъ, а особливо богатыхъ. Я ѣздилъ туда на его ослѣ, также и понуждамъ: для закупки съѣстнаго, и показывалъ перемѣнное мое платье, котораго было у меня при пары лучшихъ. Я старался нарочно казаться нашимъ старшинамъ, и имѣлъ удовольствіе слышать, почти всегда, скрежетъ ихъ зубовъ. — Приближенность моя къ такому знаменитому, и отъ всѣхъ уважаемому старцу, и видимая на мнѣ любовь его, заградила всѣмъ бранныя уста; когда случалось мнѣ быть въ селеніи: то ненавистники мои не смѣли сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго озлобленія.

Сагакъ каждую субботу призывалъ духовника, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ; при чемъ говоря однажды

о моемъ усердіи и вѣрности, и называя меня сыномъ своимъ, убѣдительно наказывалъ духовнику, чтобъ меня, по смерти его, беречь отъ всякихъ обидъ и притѣсненій, и чтобъ таковое ко мнѣ его расположеніе и воля, были бы извѣстны всѣмъ. Онъ на вѣрное ожидалъ, что меня будутъ подозрѣвать въ набогащеніи отъ него и слѣдственно станутъ мучить, чтобъ изторгнуть отъ меня нажитое. Во отвращеніе сего, дабы я могъ имѣть способы избѣгнуть напраснаго страданія и всѣхъ гоненій, онъ не жалѣлъ давать мнѣ денегъ, чтобъ напередъ поправить всѣ нужды моихъ домашнихъ и обезпечить будущее мое положеніе; словомъ, чтобъ въ случаѣ опасности, имѣя у себя деньги и неозабочиваясь состояніемъ родныхъ моихъ, могъ бы я удалиться изъ селенія, не удерживаясь въ немъ какою либо крайностію. Впрочемъ таковое предусмотрѣніе Сагака, открывъ мнѣ опасность будущаго, ввело было меня въ преступленіе, въ которомъ, не желая скрывать своихъ погрѣшностей, признаюсь мо-

имъ читателямъ откровенно. При всѣхъ милостяхъ и попеченіяхъ обо мнѣ благодѣтельнаго пастыря, разсуждая о будущей опасности своей, я призналъ за благо принять, къ отвращенію того, и собственныя мѣры; и на сей конецъ рѣшился употребить во зло отеческую его ко мнѣ довѣренность. По собственнымъ словамъ Сагака, я совершенно былъ увѣренъ, что послѣ него все оберутъ въ монастырь и не дадутъ мнѣ ничего, не токмо лишняго, но и того, естьли что онъ по завѣщанію своему для меня назначитъ. Чѣмъ болѣе убѣждался я сею горестною для меня истинною, тѣмъ рѣшительнѣе было мое намѣреніе, чтобъ употребить собственныя мѣры къ предупрежденію таковой непріятности. Совѣсть моя дѣйствовала на сей разъ весьма слабо; или, правду сказать, со всѣмъ не дѣйствовала. Утвердивъ себя въ мысли, что монахи, ни мало не участвовавшіе въ трудностяхъ жизни Сагака, еще менѣе меня имѣютъ права на его собственность, взялъ я изъ вѣщей его одинъ изумрудный перстень

не малой цѣны; но сдѣлавъ сіе похищеніе не зналъ куда съ нимъ дѣться: отдать матери: я не смѣлъ и подумать; а братъ вѣрно бы отказался; на конецъ призналъ за лучшее отдать перстень на сохраненіе невѣсткѣ, не смотря на бывшую между нами ссору. Я наказалъ ей, залогъ моей повѣренности, хранить въ тайнѣ, польстивъ ее нѣкоторыми обѣщаніями; но она, какъ женщина, не утерпѣла, чтобъ не похвастать перстнемъ одной пріятельницѣ. Тотчасъ догадались, что перстень подаренъ мною; а я безъ сомнѣнія укралъ его у Сагака. По счастію я узналъ о семъ приключеніи прежде, нежели успѣли донести о немъ Сагаку. Выманивъ у невѣстки перстень, подъ тѣмъ предлогомъ, что есть лучшій, которой хочу ей принесши, положилъ его на свое мѣсто. Между тѣмъ нѣкоторые, изъ нашихъ жителей, радуясь случаю меня погубить, пришли нарочно къ намъ въ монастырь, будто бы для полученія отъ Сагака благословенія; но не смѣя сказать ему самому, увѣдомили о томъ монашествующихъ съ прибавле-

ніемъ заключенія, что я конечно многое уже покралъ у него, а впредь могу еще и больше украсть. Коль скоро сіе свѣдѣніе дошло до моего благодѣтеля: то онъ, будучи во мнѣ много увѣренъ, не принялъ онаго, и даже началъ проклинать тѣхъ, кои таковую напраслину на меня выдумали; онъ приказалъ мнѣ подать ему шкатулку, и какъ увидѣлъ, что изумрудный перстень цѣлъ, то еще болѣе удостовѣрился въ моей невинности. Я же съ своей стороны благодарилъ Бога, что не допустилъ остаться на моей душѣ такому безчестному дѣлу; но за всѣмъ тѣмъ, обличенный и пристыженный собственною совѣстію, долго я сокрушался о семъ моемъ поступкѣ, и сознавался въ ономъ бывшему въ Россіи Архіепископомъ, нынѣшнему Патріарху Ефрему.

Я продолжалъ пользоваться милостями праведнаго старца; получалъ отъ него деньги и служилъ ему съ сугубою ревностію. На послѣдокъ, въ началѣ Марта 1795 года, Патріархъ Лука и многіе Епи-

скопы и монашествующіе, по обыкновенію, отправились въ Ериванъ на великій Персидскій праздникъ, Наврузъ-Байрами называемый, и отправляемый 10 числа того же мѣсяца. Патріархъ, посѣщавшій Сагака чрезъ каждыя двѣ недѣли, неоставилъ и на сей разъ заѣхать къ нему; но нашелъ его тогда уже въ великой слабости. По сему предвидя скорую его кончину, просилъ его дать ему свое благословеніе и простить тѣ непріятности, кои отъ него были Сагаку оказаны, говоря, что они можетъ быть болѣе уже не увидятся. Сагакъ отвѣчалъ ему на сіе, что онъ, по закону Христіанскому, старался только о томъ, чтобъ соблюсти предъ нимъ всю свою подчиненность, и съ благоговѣніемъ къ великому сану его и чиноначалію, оказывалъ ему всегда должное уваженіе и повиновеніе; предъ послѣдними же минутами жизни моей, продолжалъ онъ, прошу Ваше Святѣйшество, объ одной только для себя милости, чтобъ сего служащаго мнѣ, указывая на меня, принять подъ защиту свою и не допустить

его, по смерти моей ни до какихъ обидъ и притѣсненій. — Послѣ сихъ словъ Патріарху ничего не осталось говорить, какъ только обѣщать исполнить послѣднюю его просьбу. Его Святѣйшество, тутъ же, обратившись ко мнѣ, обнадежилъ, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ послѣ хорошее награжденіе; но чтобы я между тѣмъ продолжалъ оказывать Архіепископу мое усердіе и помогалъ бы въ его слабости.

За мѣсяцъ предъ симъ Сагакъ прогуливался за монастыремъ, и назначивъ для погребенія своего мѣсто на дорогѣ къ Еривану, приказалъ сдѣлать могилу и самъ себѣ написалъ надгробную подпись, для высѣченія оной на камнѣ. Во все время бытности моей у него, онъ всегда съ великимъ сокрушеніемъ и со слезами молился Богу; предъ послѣднимъ же посѣщеніемъ Патріарха сдѣлался чрезвычайно слабъ, такъ, что я всегда долженъ былъ его поддерживать и сидящаго. На послѣдокъ упромь 10 числа Марша, чи-

тая съ величайшимъ сокрушеніемъ молитву, которую обыкновенно читаютъ у насъ въ церкви въ великой Четвертокъ предъ исповедью, стоя всѣ на коленахъ, держалъ очи свои устремленными на небо, и съ нѣкоторою утѣшительностію и умиленіемъ проговорилъ: я иду теперь въ сообщество прежде отшедшихъ братій моихъ, праведныхъ такого и такого, называя имяна старинныхъ Епископовъ. Въ самыя послѣднія минуты, онъ повторилъ мнѣ всегдашнія свои наставленія не прельщаться суетностями міра; но памятовать всегда и носить въ сердцѣ своемъ законъ Божій и поступать по его заповѣдямъ; въ заключеніе же сказалъ довольно твердымъ голосомъ: оставляю тебѣ любезный мой сынъ миръ и благословеніе. " Бѣсѣда сія пронула меня до глубины души; я отиралъ свои слезы, и потомъ хотѣлъ что-то ему сказать; кличу его: Батюшка, батюшка! но онъ не отвѣчаетъ; трогаю его, — и вижу, что онъ уже скончался, сказавъ мнѣ послѣднія слова: *оставляю тебѣ миръ и благословеніе.*

За три дни предъ кончиною своею, при принятіи святыхъ таинъ, завѣщалъ онъ, чтобы мнѣ дано было изъ его денегъ за мою службу три дцать рублей, дабы тѣмъ показать, что будто бы я ничего отъ него не получалъ, или мало, надѣялся, что сію не большую сумму выдадутъ мнѣ безъ препятствія. Какъ Старшій Архимандритъ монастыря Іоаннесъ, бывшій издавна еще любимцемъ Сагака, также уѣхалъ съ прочими на Персидскій праздникъ: то я тотчасъ взявши осла, поѣхалъ въ Ечміацынъ и далъ тамъ знать о его кончинѣ. Всѣ оставшіеся Епископы и монашествующіе, также и духовенство изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ, прибыли для его погребенія. Тѣло положено съ должною церемоніею въ назначенномъ самимъ имъ мѣстѣ, а имѣніе его описали и опечатали; я же остался въ монастырѣ во ожиданіи возвращенія Патріарха изъ Еривана. Изъ всего имѣнія покойнаго я взялъ для памяти его, только чернильницу и гребень и спряталъ ихъ на кладьбищѣ.

Сагакъ, при жизни Патріарха Симеона, находился въ Ечміацінѣ старшимъ Архіепископомъ. Родомъ онъ былъ изъ Нахичевана, изъ деревни Паракъ, а воспитывался въ Монастырѣ Св. Апостола Фаддея (*) Приключенія жизни его исвѣстны были мнѣ частію по наслышкѣ, а болѣе отъ него самаго. Сагакъ имѣлъ нрава твердый, справедливый, и нѣсколько горячій, когда надлежало говорить правду; сострадателенъ, смертельно ненавидѣлъ притѣсненіи, оказываемые кому либо, и потому въ жизни своей претерпелъ многія заключенія. По смерти Симеона, когда Лука вступилъ на Патріаршій Престолъ, Сагакъ, за нѣкоторое сдѣланное ему справедливое предстательство, подпалъ его неблаговоленію и понесъ отъ него весьма чувствительныя оскорбленія. — Дабы сохранить должное уваженіе къ памяти толь великой духовной особы, какъ Патріархъ, я считаю не приличнымъ объясняться о семъ пространно; но слѣдуя сдѣ-

(*) Сей Монастырь находится въ области Маку, и есть Главнѣйшій по Ечміадзинѣ.

ланному мнѣ отъ Сагака словесному завѣщанію, скажу только о нѣкоторыхъ главныхъ изъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствахъ.— По протеспівіи нѣкотораго времени, по вступленіи Луки на Патріарскій Престолъ, года чрезъ два съ половиною, или около того, Сагакъ принужденъ былъ удалиться въ Іерусалимъ, гдѣ и пробылъ около пяти лѣтъ. Послѣ того Лука въ доказательство своего къ нему благорасположенія и примиренія, вызвалъ его оттуда, и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ Монастырь Св. Фаддея. Къ управленію сего Монастыря принадлежалъ: состоящій въ области Маку главный городъ сего имяни, область Банзитъ, часть области Ериванской по другую сторону рѣки Ераска и часть области Хойской. Сія послѣдняя и первая области Персидскаго владѣнія. Сагакъ, въ облегченіе жителей своей Епархіи, отмѣнилъ различные Монастырскіе поборы и учредилъ, чтобы вмѣсто всего, что прежде выпуждали отъ жителей за умершаго въ совершенныхъ лѣтахъ и по случаю браковъ,

вноситъ въ Монастырь по нѣскольку аршинъ мешкаля, который дѣлается у насъ во всякомъ домѣ и несоставляетъ ничего важнаго для жителя; равнымъ образомъ ограничилъ Священство; строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и за спокойствіемъ ввѣренной ему паствы; съ ревностію преслѣдовалъ сдѣлавшихся изъ нашей Націи Папистами, старавшихся разсѣвать между жителями семена раздора и расколовъ. Сіи негодяи, почти всѣ, были изъ его Епархіи изгнаны и истреблены. Всѣ жители, богатые и нищіе, Христіане и Магометане любили и уважали Сагака сердечно; что наконецъ подало поводъ къ новымъ непріятностямъ, которые произведены были посредствомъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Паше чиновниковъ его. Сагакъ принужденъ былъ паки удалиться въ Іерусалимъ, и жилъ тамъ лѣтъ около семи, или осьми.

Со времени сей послѣдней отлучки его, произошло слѣдующее чудо. Въ продолженіи пяти лѣтъ, во всей Баязитской

области, какъ бы въ наказаніе за то, что изъ тамошнихъ, нѣсколько человѣкъ, замѣшались въ интригу противу Сагака, не-родилось ни одной капли масла, которое добывается изъ конжупа, льна, канапли и Керчакъ (*). Всѣ сіи травы въ оные пять лѣтъ засыхали. Жители области справедливо причли сіе къ наказанію Божію за оскорбленіе Сагака; и какъ Христіане, такъ и Магометанѣ, были въ разсужденіи сего одинакихъ мыслей; знатнѣйшіи же изъ Магометанъ, наконецъ просили Патріарха письменно, чтобъ Сагака къ нимъ возвратить, или по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ свое благоволеніе. Патріархъ чувствуя свою старость и слабость, самъ напослѣдокъ пожелалъ прекратить всѣ неудовольствія, въ коихъ, со стороны Сагака, почти всѣ принимали участіе, по уваженію къ благочестію и добродѣтелямъ его. Лука писалъ къ нему

(*) Корчакъ имѣетъ совершенное сходство съ зерномъ кофе; оно столь жирно, что тотчасъ даетъ масло, есьли пожать его пальцами. Имѣетъ чрезвычайно слабительное свойство, и употребляется только для освѣщенія;

о прозьбѣ Персіанъ и всей области, и просилъ его пріѣхать въ Ечміацынъ. По сему письму Сагакъ прислалъ только просимое Боязитскими жителями благословеніе, равнымъ образомъ и всей бывшей его Епархіи; а отъ возвращенія въ Ечміацынъ отказался, прося Патріарха оставить его въ Іерусалимѣ, для спокойнаго окончанія послѣднихъ дней его жизни. Жители Баязитскіе, коль скоро получили желаемое отъ него благословеніе: то на слѣдующее шестое лѣто добыли масла въ величайшемъ и непосредственномъ изобиліи, что болѣе усугубило высокое къ нему почтеніе, любовь и уваженіе народа. Даже Магометанѣ, безъ всякаго сомнѣнія, почитали его за мужа, совершенно угоднаго предъ Богомъ. Лука писалъ къ нему въ другой разъ и непремѣнно требовалъ чтобъ онъ пріѣхалъ въ Ечміацынъ; но Сагакъ отказался и въ сей разъ. Таковый двукратный отказъ его тѣмъ чувствительнѣе былъ Патріарху, что могъ произвести въ народѣ нащетъ его непріятныя опечатлѣнія, и подать случай ко мно-

тимъ невыгоднымъ заключенiямъ. Онъ писалъ къ нему въ третiй разъ, и въ семъ послѣднемъ письмѣ, въ случаѣ несогласiя его, возпрещалъ ему Священно-дѣйствовать и носить Духовнаго чина одежду. Письмо сiе, какъ и прочiя, шли чрезъ руки Iерусалимскаго Патрiарха Iоакима, которому также о томъ было писано особо. Iоакимъ имѣя совершенное къ Сагаку уваженiе, нехотѣлъ оскорбить его старость объявленiемъ таковой воли Патрiарха и письмо удержалъ у себя; а между тѣмъ отнесся къ Константинопольскому Патрiарху Захарiю, который также зналъ и уважалъ Сагака. Захарiй писалъ къ Лукѣ и между прочимъ замѣтилъ ему; что съ такою неограниченною и деспотическою властiю вмѣшиваться въ разпоряженiе духовными особами, состоящими подъ вліянiемъ другаго Государства, не совмѣстно; и что есьли онъ не отмѣнитъ столь повелительнаго тона, то Сагакъ, по всей справедливости, можетъ его не послушаться и оказать явнымъ образомъ неуваженiе къ его власти. Пока произхо-

дила сія переписка, Армянскіе Каполики, или Паписпы, провѣдавъ о послѣднемъ повелѣніи Папріарха, вознамѣрились воспользоваться симъ случаемъ, чпобъ онымъ привести Сагака до крайней степени огорченія, оппоргнупть его отъ Армянской церкви, и согласить признать надъ собою власть Папы. Подъ предлогомъ усердія и уваженія, они объявили Сагаку все, что было писано Лукою; за тѣмъ предлагали ему принять Каполическую вѣру, признать Папу своимъ главою, и опредѣляя ему, между прочимъ, на содержаніе по десяти червонныхъ на день, говорили, что они отправятъ его въ Римъ въ хлопчатой бумагѣ; каковое выраженіе означало всевозможное и въ самой высокой степени соблюденіе его спокойствія. Сагакъ выслушавъ коварныя ихъ предложенія, съ сердцемъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: знаютъ ли они того, кто даетъ ему такое повелѣніе? — Я, продолжалъ онъ, не токмо не обижаюсь; но даже благоговѣю къ сему повелѣнію; верховнаго Папріарха и перваго чиноначальника.

Какъ глава, какъ полновластный Владыка, поставленный надъ ними Богомъ, онъ можетъ приказать, нетокмо, чтобъ я ѣхалъ, но даже влачить меня къ себѣ, лицомъ по землѣ связаннаго; я долженъ ему повиноваться безмолвно, и сей же часъ отправлюсь въ Ечміацынъ. Въ заключеніе сего отвѣта Сагакъ, какъ человѣкъ горячій, снявъ съ ноги туфель, ударилъ нѣсколько разъ крѣпко по губамъ Езуита, который дѣлалъ ему предложенія, сказавъ: „ я дѣлаю сіе для того, чтобъ ты лучше помнилъ мой отвѣтъ, и незабылъ пересказать его тому, кто тебя послалъ ко мнѣ для соблазна, чтобъ я измѣнилъ церкви, и законному моему повелителю! „ Послѣ сего, тотъ же часъ, пріѣхалъ онъ къ Іоакиму, и выговорилъ ему за то, что онъ утаилъ отъ него послѣднее повелѣніе Патріарха; а чрезъ нѣсколько дней раздавъ по церквамъ всѣ свои деньги, отправился въ Ечміацынъ. Такимъ обра-

зомъ, Сагакъ показавъ собою примѣръ смиренія, и повиновенія къ постановленной власти, стяжалъ себѣ сугубое отъ обо-

ихъ Патріарховъ Іерусалимскаго и Константинопольскаго, и отъ всѣхъ тамошнихъ Армянъ удивленіе и уваженіе.

Патріархъ Лука узнавъ о его прибытіи, выслалъ ему на встрѣчу, версты за четыре отъ Монастыря, всѣ Чины монастырскіе съ хоругвями и пѣніемъ, спараясь оказать тѣмъ должное ему уваженіе. Но Сагакъ по смиренію своему, остановился; нехотѣлъ продолжать своего пути; и послалъ просить Патріарха, чтобы онъ вмѣсто всей церемоніи, прислалъ ему свое благословеніе. Патріархъ вышелъ ему въ стр шеніе за крѣпость, и принявъ съ благословеніемъ, повелъ его самъ прямо въ церковь, гдѣ Сагакъ повергнулся предъ нимъ и цѣловалъ его ноги. Лука оставлялъ его при себѣ; но Сагакъ упросилъ его отпустить, для спокойствія въ означенный Монастырь Рипсиміи, и поставить туда Начальникомъ, бывшаго при немъ въ Монастырѣ Фаддея, Архимандрита Іоанеса, гдѣ построилъ себѣ особую келью, и скончался.

Я дожидался обратнаго прибытія въ келью Патріарха, напрасно; онъ проѣхалъ прямо въ Ечміацынъ; а въ слѣдъ за тѣмъ, по установленному издревлѣ правилу, все имущество Сагака было взято, въ Ечміацынской Монастырь. Патріархъ по видимому, забылъ, и меня и свое обѣщаніе; а можетъ быть, и Сагакъ въ продолженіи нѣсколька дней, вышелъ изъ его памяти. И такъ, не получивъ даже и того, что было самимъ Сагакомъ завѣщано, возвратился въ свое селеніе. Я имѣлъ глупость, щеголять тамъ въ своемъ платьѣ, и дразнить зависть нашихъ богатыхъ, забывъ, что уже не имѣю никакого покровительства и защиты. Учитель мой, и еще нѣкоторые другіе, замѣтили мнѣ мою неосторожность, совѣтуя скорѣе все продать, и оставить только самое необходимое. Я поступилъ немедленно по сему совѣту, и только что не остался нагимъ и босымъ: то есть, что между прочимъ, предоставилъ себѣ одни изрядные чулки, такъ какъ худаго у меня ничего и небыло;

но и сіи чулки, сдѣлались вскорѣ причиною моего страданія.

Въ одно время случилось мнѣ идти мимо Ечміацынскаго Монастыря. Прежній управляющій селеніемъ уже умеръ, а на мѣсто его поставленъ былъ другой; и сей новой управляющій, по несчастію, сидѣлъ въ то время предъ воротами Монастырскими, съ нѣкоторыми людьми нашего селенія. Завистливое его око, увидѣло на мнѣ чулки. Онъ спросилъ про меня у окружающихъ, и ему отвѣтствовано, что я сынъ такой — то бѣдной вдовы, и находился при Сагакѣ. Заключеніе тотчасъ было сдѣлано, что я воровалъ у Сагака, и на этотъ щотъ щеголяю; не смотря на то, какъ всѣмъ было извѣстно, что Сагакъ благодѣтельствуя мнѣ, старался одѣвать меня лучшимъ образомъ, и что я все имѣю отъ него. Ко мнѣ подбѣжали, остановили, и привели предъ управляющаго. По приказанію его привязали меня къ цѣпи, которою загражданются ворота, и били палками по слѣ-

дамъ; управляющій самъ допрашивалъ меня, чтобъ я признался въ воровствѣ, котораго не сдѣлалъ. Я свидѣтельствовался всѣми, что Сагакъ самъ давалъ мнѣ все нужное; но сего неслушали: ибо жадный монахъ хотѣлъ только узнать, нѣтъ ли у меня еще чего нибудь такого, что могло бы быть ему пріятно, и что безъ всякаго сомнѣнія, отъ меня бы отняли. Я терпѣлъ мое мученіе съ нѣкоторымъ родомъ мужества, которое вселяло въ меня пророческое предвѣщаніе о томъ праведнаго старца. Меня перестали бить, по обыкневенію не прежде, какъ уже изчезъ мой голосъ. Насытившись моимъ мученіемъ, монахъ объявилъ мнѣ, что онъ даетъ мнѣ три дни отдохнуть, и чтобъ я на четвертый день явился къ нимъ въ Монастырь для служенія; въ пропивномъ же случаѣ угрожалъ, что прикажетъ меня въ селеніи убить до смерти. Во время наказанія, подошелъ мужъ моей сестры, и какъ скоро меня развязали, то онъ взваливъ меня на свою спину, стащилъ въ домъ, едва живаго. Я пролѣжалъ двѣ не-

дѣли не вставая съ постели. Однажды собрались ко мнѣ, мой учитель и нѣкоторые товарищи; они всѣ совѣтовали мнѣ, чтобъ я куда нибудь удалился на чужую сторону, чѣмъ терпѣть такія мученія. Я болѣе всѣхъ чувствовалъ сію необходимость; но по странному, врожденному любопытству, горестно было мнѣ оставить мою сторону, не осмотрѣвши тѣхъ древностей, о коихъ я только слыхалъ, но не имѣлъ случая осмотрѣть. Братъ мой собирался ѣхать въ Ериванъ; я просилъ его взять меня съ собою, и послѣ осмотрѣть старинный Монастырь Кегардъ, стоящій на одной горѣ, отъ Еривана къ востоку на сутки, построен ный Армянскимъ Царемъ Тридатомъ (*). Я подговорилъ съ собою еще одного охотника, и въ троемъ отправились въ Ериванъ верхами. По исправленіи братомъ своей надобности, поѣхали къ Кегардъ. Мы проѣхали мимо деревни Джафаровой,

(*) Сей самый Царь мучилъ священномученика Григорія, просвѣтителя Арменіи, и послѣ отъ него крещенъ.

Червезъ (*), въ которую я былъ отъ него назначенъ управляющимъ, и ночевали на дорогѣ въ деревнѣ Норкъ, въ которой находятся хорошіе мастера каменной посуды, и изрядные виноградные сады. На другой день продолжая путь нашъ, издали смотрѣли мы на развалины древней столицы Армянской, Карни, стоящей на гористомъ берегу рѣки, называющейся тѣмъ же именемъ. Мѣсто сіе, обращившееся въ пустыню, усѣяно было разными плодоносными деревьями; но мы никакъ не смѣли отважиться, чтобъ приближиться къ нему, по опасности отъ разбойниковъ, кои можетъ быть тамъ находились; и частію отъ звѣрей, кои обыкновенно въ такихъ мѣстахъ наиболѣе водятся, гдѣ есть плоды, которые они одни только и собираютъ.

Не въ дальномъ отъ горы разстояніи находится крѣпость, большею частію обращенная въ развалины, построенная

(*) Въ Червезѣ находится великое множество кремня, который изполча, выжигаютъ изъ него стекла.

помянутымъ Армянскимъ Царемъ Тридатомъ, жившимъ за 1500 лѣтъ. — Крѣпость сія примѣчательна тѣмъ, что построена вся изъ дикаго шлифованнаго камня. думать надобно, что она раскопана единственно для свинца, который употребленъ былъ при кладкѣ ея, и желѣза, коимъ связаны камни. Многіе приходятъ сюда доставать свинецъ для литья пуль, да и самый камень берутъ для печей; по тому что онъ болѣе всѣхъ терпитъ жаръ. Потомъ взошли мы на гору, и достигли до Монастыря Кегардъ. Онъ стоитъ подлѣ самой рѣки Карни, которая выходя изъ сей горы сверьху, течетъ по глубокой впадинѣ, или пропасти; а потомъ упадаетъ на самой низъ каскадомъ, на довольно далекое разстояніе отъ горной стѣны, такъ, что между стѣною и водою, можно стоять, какъ въ большомъ фонарѣ, что составляетъ весьма пріятное и вмѣстѣ величественное зрѣлище. Шумъ сей рѣки, производитъ родъ нѣкоторой согласной музыки, и по крайнѣй мѣрѣ пріятный для моего слуха; однако такъ силенъ,

что въ близи естьли кричать: то едва можно разбирать слова. Монастырь Кегардъ, (: что значитъ копіе) выстроенъ Тридатомъ, по крещеніи его, во имя того копія, которымъ былъ прободенъ Спаситель нашъ, и которое теперь находится въ Ечміацынѣ. Онъ весь изъ тамошняго камня, краснаго цвѣта, коего свойство хотя довольно мягкое, но мокроты не боится. Монастырь сей, еще во всей цѣлости; но сколько стоитъ вѣковъ въ запустѣніи? сказать точно не можно. Далѣе въ гору, находится чудесная церьковь, Арзакану, названная такъ по мѣстнули, или по имени строителя, мнѣ неизвѣстно. Она высѣчена вся въ одномъ большемъ камнѣ со сводомъ; нѣтъ въ ней ничего, придѣланнаго изъ посторонняго вещества; образа высѣчены на стѣнахъ такъ, какъ и купель выдѣлана на приличномъ мѣстѣ, не отдѣльно отъ общаго основанія камня. Свѣтъ входитъ съ верхняго отверстія. Пространство ея можетъ вмѣщать до 200 человѣкъ. Въ лѣвой сторонѣ церькви, внутрь камня находится

натуральная, или сдѣланная, точно того не знаю, пространная пещера, въ которой видны намъ были, нѣсколько человѣческихъ костей, погребенныхъ здѣсь умершихъ; по срединѣ же церкви стоитъ открытый ключь, коего вода чрезвычайно чиста и пріятна, но весьма холодна. Воздухъ въ церкви такъ же холоденъ, но совершенно свѣжь, и казалось, не было ни малѣйшей сыроспи. — Главное кладбище здѣсь по видимому было подъ горою. Зданіе сіе, безъ сомнѣнія стоило величайшаго труда, и немалыхъ издержекъ. Выше и около, по разнымъ мѣстамъ отъ Монастыря и церкви, находятся многія пещеры пустынниковъ; въ одной изъ нихъ между камней, нашелъ я довольное количество смолистой матеріи чернаго цвѣта, имѣющій запахъ довольно пріятный. Когда я взялъ нѣсколько сей матеріи, то намѣсто ее тотчасъ выступила новая; изъ чего надобно заключать, что оной находится тутъ въ большемъ изобиліи. Мѣстоположенія горы чрезвычайно пріятны, и усѣяны плодоносными деревья-

ми; по большой части ореховыми, называемыми грецкими. Здѣсь находятся различные звѣри: олени, волки, медвѣди и другіе. Персіане пріѣзжающіе сюда на звѣриную охоту, утверждаютъ, что въ ночное время, неоднажды случилось имъ видѣть въ горѣ горящую свѣчу, или лампаду, но приближаясь къ сему огню, только что хотѣли войти въ то мѣсто, гдѣ онъ казался горящимъ, то свѣча, или лампада изчезала, и они оставались въ темнотѣ. Вообще, мѣсто сіе приводитъ въ нѣкоторый священный восторгъ. — На возвратномъ пути, ночевали мы въ деревнѣ Норкъ, и на другой день пріѣхали мы въ Еривань. Здѣсь, просилъ я брата убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ поѣхалъ со мною еще на Араратскую гору; а естьли не можетъ рѣшиться удовлетворить моему любопытству, чтобъ осмотрѣть с т о я щ а г о на Южной сторонѣ оной горы, Монастыря Хор-вирабъ (: что значитъ глубокую яму, (*) надъ которой

(*) Яма сія при Тридатѣ была мѣстомъ самаго жестокаго наказанія виновниковъ. Никто не оставался въ ней жи-

онъ построенъ:) то, покрайнѣй мѣрѣ проводилъ бы меня къ ближайшему монастырю, построенному Мыцпинскимъ Архіепископомъ Св. Іаковомъ, около 1300 лѣтъ, на самой подошвѣ горы, на Западной ея сторонѣ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праведный Ной, сошедъ съ вершинъ Арарата, посадилъ первое виноградное дерево, и развелъ виноградъ; и по тому называемый Эаркъ-Уры (: первонасажденный виноградъ, или виноградное дерево :) въ обоихъ сихъ монастыряхъ, въ погдашнее время, находились еще монашествующіе; а теперь запустѣли. Послѣдній примѣчателенъ потому, что означенный Мыцпинскій Архіепископъ, Святый Іаковъ, какъ говоритъ преданіе Св. отецъ, вознамѣрясь достигнуть вершинъ Арарата, гдѣ останавился Ноевъ ковчегъ, принесъ о томъ Господу Богу усердное моленіе, и отправился въ свой путь; но когда

вымъ даже до сутокъ, и въ которой Священномученикъ Григорій, брошенный по повелѣнію Тридата находится между зміями, скорпіями и прочими ядовитыми жи-

вотными 14 лѣтъ.—

бывъ упружденъ шествіемъ своимъ, для подкрѣпленія изнеможенныхъ силъ предавался отдохновенію, то по пробужденіи отъ сна, каждый разъ находилъ себя опять на низу, или не въ дальномъ разстояніи отъ того мѣста, отъ котораго начиналъ свой путь; и такимъ образомъ прудился цѣлые семъ лѣтъ, пока напослѣдокъ явился ему во снѣ Ангелъ, который давъ отъ ковчега кусокъ негніющаго дерева, сказалъ, что Богъ не хотя презрѣть во все его прудовъ и моленія, послалъ ему для удовлетворенія любопытства его, сей кусокъ дерева; но что ковчегъ могъ бы онъ видѣть только тогда, когда бы возмогъ возвратиться въ нѣдро родившей его матери, и тамъ рассматривать внутренняя утробы ея. Іаковъ, возставшій отъ сна своего, нашелъ подлѣ себя данное ему Ангеломъ въ видѣніи дерево (*) Въ засвидѣтель-

(*) Дерево сіе находится нынѣ въ Ечміацынскомъ Монастыре; но съ котораго времени, сказать вѣрно немогу оно сѣроватаго цвѣта, имѣетъ костяную твердость; запахъ пріятный, но незнакомый; и отличное отъ всѣхъ почти известныхъ деревъ, такъ что ни къ какому примѣнить нельзя; и при томъ обдѣлка его показы

спвованіе грядущимъ вѣкамъ сего произшесшвія, просилъ онъ опъ Бога, показапь и оспавипь навсегда на семъ мѣспѣ, какое нибудь чудо; и по сему по прошенію, открылся на томъ мѣспѣ ключь, который и до днесь находится, не болѣе какъ съ одну версту выше опъ монастыря. Ключь ни куда не изпекаетъ, и вода его имѣетъ слѣдующую чудесную силу: въ окружносши шамошняго мѣспа находятся не большія черныя ппицы. Сіи ппицы въ маломъ числѣ, какъ я видѣлъ, слѣдуюпъ въ нѣкоторомъ разспояніи за оною водою, когда привозили ее въ наше селеніе, и упверждаю какъ испинну, чпо кромѣ шого мѣспа, гдѣ находипся ключь, ни гдѣ ихъ не видно. Когда на хлѣбныхъ поляхъ покажется много червей, и особенно при нападеніи саранчи, поспчасъ берупъ означенную воду, и бросаюпъ надъ полемъ по воздуху; помянупыя ппицы,

ваетъ пёску обыкновеннаго топора, вмѣсто котораго во всей нашей сторонѣ употребляется орудіе другимъ со всѣмъ образомъ сдѣланное на подобіе большой Кир-

ій.—

вдругъ Богъ знаетъ отъ куда берутся, на подобіе густаго облака, и бросались на ипо поле, поядаютъ саранчу, всякой вредной червь, и тѣмъ спасаютъ хлѣбъ. Сію воду берутъ въ Грузію, и въ окружныя области Турецкаго и Персидскаго владѣнія, и употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ даже и Магометане; но отнюдь недолжно ставить ее на землю, или на полъ, но держать всегда висящую; ибо въ противномъ случаѣ, она потеряетъ сказанную силу свою. Я готовъ былъ подвергнуться всякимъ опасностямъ, чтобъ видѣть оное мѣсто своими глазами; но братъ мой, ни какъ не могъ на то рѣшиться, опасаясь попасться на разбойниковъ: въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ мѣстахъ, чтобъ ѣхать безъ опасности, всегда собираются караваномъ человѣкъ 10, 15, и болѣе. И такъ принужденъ я былъ возвратиться съ нимъ въ Вагаршапатъ, и тамъ продолжалъ жизнь самымъ скрытнымъ образомъ такъ, что меня считали въ бѣгахъ. Спустя нѣсколько времени, учитель мой увѣдомилъ меня, что Архимандритъ Карапетъ, любитель

перца, сдѣланъ Епископомъ и Намѣстникомъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, и совѣтовалъ, чтобъ я для лучшей безопасности, прибѣгнулъ опять подъ его покровительство. Я совѣтъ сей принялъ тѣмъ съ большею радостію, что совершенно зналъ простоту и нравъ Карапета, и какъ будто предчувствовалъ, что буду жить у него въ довольствѣ. На другой же день, до солнечнаго возхожденія, вышелъ я изъ своего селенія, прошелъ Аштаракъ, достигъ Монастыря (: отстоящаго отъ Аштарака, примѣрно, верстахъ въ пяти, на подошвѣ Аракатской горы :) и прямо явился къ Карапету. Вступленіе мое, началъ я со всевозможнымъ умиленіемъ, хотя мало искреннимъ, или и со всемъ притворнымъ; что чувспвуя прежнія его благодѣянія, имѣю къ нему сердечную привязанность, и желаю паки употребить себя на услугу ему со всемъ усердіемъ. И такъ ты возвращаешся ко мнѣ, какъ блудный къ своему отцу!.... Такъ точно батюшка. Ну! такъ стань же на колѣни, и принеси свое разкаяніе! Я тотчасъ

понялъ, что простодушному Епископу захотѣлось видѣть сцѣну Евангельской притчи и самому быть при томъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ.— Спавъ на колѣни говорилъ я: согрешилъ на небо и предъ тобою, и несмь достоинъ нарѣщися сынъ твой; но умилосердись надомною и повѣли причесть меня хотя къ рабамъ твоимъ. — Поднявъ меня съ тономъ, изъявляющимъ совершенное примиреніе и любовь, сказалъ: ну вспань сынъ мой, я нашелъ теперь погибшую мою драхму. Послѣ сей небольшой церемоніи, я долженъ былъ пересказать ему кое что изъ моихъ приключеній, но утаилъ то, что выперпѣлъ отъ новаго управляющаго, и что я приведенъ къ нему не доброю волею, но бедственнымъ положеніемъ моимъ и безнадежностію спасти себя безъ его покровительства. Я былъ для него такъже весьма полезный человѣкъ и удостоился всей его доверенности, имѣлъ на своихъ рукахъ приходъ и расходъ; былъ свободенъ во всемъ и дѣлалъ, что хотѣлъ; часто ѣзжалъ въ Аштаракъ и хотя послѣ покой-

наго Архіепископа Сагака осталось у меня не лучшее платьѣ; но и таковаго ни у кого почти тамъ не было, что и подало поводъ заключить, что я имѣю большіе деньги. — Въ семъ Монастырѣ, которой Персіане называютъ *Могни*, думать надобно по прежнему названію мѣста сего, или какого нибудь селѣнія, на немъ бывшаго, имѣются мощи Св. Великомученика Георгія, хранящіеся въ стѣнѣ между олтаремъ и ризницею. Христіанѣ, а еще болѣе персіане, весьма часто приходятъ сюда молиться святымъ мощамъ; о избавленіи отъ болѣзни, которая существуетъ только въ одной Персіи и какъ будто природная по тамошнему климату. Болѣзнь сія состоитъ въ томъ, что сдѣлается въ лицѣ чрезвычайное воспаленіе, сопровождаемое опухолью и нерѣдко большими понемъ шишками, подобными наростамъ дикаго мяса. Персіане при семъ случаѣ приносятъ еще и жертвы изъ разныхъ чистыхъ животныхъ, которыя закалаются на монастырскомъ дворѣ и раздаются по частямъ бѣднымъ. Послѣ

сего всякой съ усердіемъ и вѣрою моля-щійся, Христіанинъ ли, или Персіанинъ, получаетъ отъ помянутой болѣзни весьма скорое избавленіе. Сверьхъ того приходящіе молиться мощамъ кладутъ и деньги. Деньги сіи безъ отчетно были въ моемъ управленіи. Я могъ показать ихъ въ приходѣ сколько хотѣлъ, и потому то никогда не отдавалъ ихъ Епископу сполна; но всегда отдѣлялъ изъ нихъ изрядную часть и раздавалъ тихонько бѣднымъ, и особенно собиравшимся изъ принадлежащей къ Монастырю не большой деревенькѣ для испрошенія отъ молельщиковъ милостыни; для своихъ же надобностей я пользовался, впрочемъ со всевозможною умѣренностію, изъ другихъ доходовъ, собственно принадлежавшихъ Епископу.

Такъ какъ я имѣлъ совершенную свободу, то бралъ съ собою надежнаго человѣка и осматривалъ находящіеся *на Аракатской горѣ* въ великомъ множествѣ старинныя церкви и монастыри, стоя-

щіе въ запустѣніи. Они большею частію находятся еще въ цѣлости и почно какъ новые; а нѣкоторые въ развалинахъ. — Здѣсь все представляетъ человѣка люпымъ, хищнымъ и губительнымъ. Правда, что кочующіе тамъ народы, каковы Лезгинцы, Курды и прочіе, а частію нѣкоторые изъ Персіанъ, имъ подобные, только имѣютъ образъ человѣческой; но впрочемъ чужды всякаго человѣчества и споль звѣронравны, что едвали уступаютъ въ томъ и самымъ люпымъ звѣрямъ; изключая нѣкоторыхъ случаевъ, на примѣръ гостепріимства Лезгинцовъ. Оно составляетъ у нихъ столь священную обязанность, что естьли бы къ кому изъ нихъ, хотя убійца сына, или брата его, успѣлъ сдѣлать прибѣжище и заявить себя въ видѣ гостя, то уже тотъ долженъ не полько оставить свое надъ нимъ мщеніе, но еще на то время и защищать его отъ другихъ. —

Наслышавшись прежде о находящемся за симъ Монастыремъ, раззоренномъ спа-

ринномъ городѣ Карпи, называвшемся такъ по названію рѣки Карпи; а болѣе о жителяхъ сего города, которые отличны отъ всѣхъ прочихъ тамошнихъ народовъ своимъ плутовствомъ и обманомъ, что составляетъ природной ихъ характеръ, поѣхалъ я однажды осмотрѣть сіе мѣсто, разстояніемъ отъ монастыря верстахъ въ пяти, или шести, и чтобъ увидѣть своими глазами одну тамошнюю церковь обагренную кровію сихъ жителей, коихъ, какъ говорятъ, до 500 душъ мужей и женъ изжарили Лезгинцы, или другіе разбойники, на кровлѣ сей церкви. Пріѣхавъ на мѣсто, въ самомъ дѣлѣ нашолъ я всѣ спѣны сей церкви (: бывшей во имя Архангела Гавріила:) окровавленными. Во время случившагося въ томъ краю, лѣтъ двѣсти назадъ всеобщаго возмущенія. Нѣкоторые жители города Карпи, при нашествіи помянутыхъ разбойниковъ разбѣжались; а другіе, для защищенія, забрались совсемъ имуществомъ на кровлю показанной церкви, которыя у насъ по большой

части строятся такъ, чшобъ могли слу-
жишь и крѣпостью. — Разбойники не мог-
ли ихъ доспашь, по крайней мѣрѣ безъ
собственнаго вреда не хотѣли оставишь
и цѣлыми. Они наполнили внутренносшь
церкви и всю окружносшь ее обложивъ
множесшвомъ деревьевъ и сухаго хворос-
ша, все это зажгли; нещасшнымъ не ос-
шалось никакого средсшва къ своему спа-
сенію, и всѣ погибли въ пламени. — Го-
родъ имѣлъ не большую крѣпосшь; но какъ
сшены, шакъ и домы, большею часшію, на-
ходились въ развалинахъ, кромѣ помянушой
церкви и еще другой въ немъ находившейся,
во имя Петра и Павла. Разбѣжавшіеся Ка-
рпійцы, живушъ нынѣ по разнымъ селеніямъ
малымъ числомъ, и едва ли можно найши
гдѣ нибудь ихъ болѣе трехъ домовъ. О-
ни дѣйсшвишельно сшоль ошличные плу-
шы и обманщики, что про нихъ еще изъ
сшари сложена басня, будшо бы они об-
манули и самаго чорша, слѣдующимъ об-
разомъ: чоршъ имѣлъ какое то право на
поля ихъ, они сдѣлали съ нимъ условіе,

что по созрѣніи посѣвовъ, верхняя часть должна принадлежать имъ, а нижняя чорту. Они посѣяли пшеницу: чорту досталось только солома. На другое лѣто, чортъ взялъ осторожность въ назначеніи своей доли и опредѣлилъ себѣ верьхъ, а Карпійцамъ низъ. Они посѣяли тогда свеклу, морковь и другія коренья, и такимъ образомъ чорту досталась опять пустая трава. —

Между тѣмъ, какъ я находился у Карапета, онъ былъ во ожиданіи, что я пойду въ духовный чинъ, чего онъ желалъ чрезвычайно и о чемъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, вскорѣ по моемъ къ нему прибытіи. На перьвой разъ я отозвался, что мнѣ должно испытать себя, измѣрить свои силы и напередъ предъуготовиться совершеннымъ образомъ, чтобъ быть доспойнымъ носить оное званіе. — Въ другой разъ отговорился моимъ не совершенствомъ, которое въ себѣ еще чувствовалъ и Карапетъ снисходилъ всему; а напослѣдокъ въ день Вознесенія, когда

онъ хотѣлъ посвятить меня въ діаконы, я притворился больнымъ и такъ посвященіе меня отложено было до другаго дни. Но въ послѣдующіе дни, я едва не отдѣлался и отъ посвященія, и отъ самаго Карапета, женидьбою по слѣдующему обстоятельству:

Къ Ериванскому Хану вошло множество жалобъ отъ молодыхъ Армянъ и Персіанъ, что отцы не хотятъ отдавать за нихъ въ замужство дочерей своихъ, иначе какъ за знатную сумму, которую бы они заплатили за нихъ напередъ, что впрочемъ по тамошнему краю есть дѣло обыкновенное; но требованія отцовъ были столь не умѣренны, что женихи и родственники ихъ ни какъ не въ состояніи были оныхъ выполнить. — Таковое корыстолюбіе, какъ вредное для благосостоянія цѣлыхъ обществъ, и собственно тираническое для молодыхъ людей, конечно долженствовало быть тотчасъ истреблено, и Ханъ сдѣлалъ такое распоряженіе, которое принесло ему весьма

много чести и заслужило общую благодарность молодыхъ людей обоего пола. — Онъ по всѣмъ селеніямъ своего владѣнія разослалъ повелѣніи, чтобъ каждое изъ нихъ доставило къ нему въ сераль лучшихъ дѣвушекъ, подъ опасеніемъ наказанія за утайку. Повелѣніе сіе, и нарочито разнесенной слухъ, что будто бы съ тѣмъ вмѣстѣ разосланы отъ него и шпіоны, коихъ однако не было, столь устрашили всѣхъ отцовъ, что на перерывъ старались искать дочерямъ своимъ мужей, дабы только недопустить ихъ сдѣлаться безчестными жертвами Ханскаго сластолюбія. — Въ нашемъ селеніи Багаршапатѣ, сколько мнѣ извѣстяо, въ одни сутки обвѣнчано было до 200 паръ, одними только священническими свидѣтельствами, поелику толикаго числа браковъ, тайно и въ короткое время, совершить настоящимъ образомъ во все не возможно, каковымъ образомъ поступилъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Сей счастливой оборотъ дѣла, въ числѣ прочихъ палъ было и на меня въ Аш-

паракѣ, у одного не весьма зажиточнаго жителя, была дочь первая красавица изъ всѣхъ Аштаракскихъ дѣвушекъ. — Со всею скоростію требовали отъ нее отвѣта, какого бы она желала имѣть своимъ мужемъ. За нее сватались трое тамошнихъ молодыхъ людей. Правду сказать я такъ же ее любилъ, часто ходилъ къ нимъ въ домъ и былъ извѣстенъ за отличнаго изъ всѣхъ молодыхъ людей, сколько по моей учености, столько и по мнѣнію, что я долженъ быть богатъ; а при томъ былъ первый человѣкъ и любимецъ у Епископа. Я очень видѣлъ всѣ сіи преимущества, но однако мало помышлялъ о женидьбѣ, какъ между тѣмъ помянутая красотка избрала меня въ женихи и просила родителей со всею убѣдительностію постараться, чтобъ я былъ ея мужемъ. Отецъ тотчасъ прибѣгнулъ съ прозьбою къ тамошнему священнику, чтобъ принялъ на себя прудъ сего дѣла. Священникъ, чрезъ мужа старшей дочери сего Аштаракца, прислалъ ко мнѣ письмо съ предложеніемъ о бракѣ, и представлялъ мнѣ нѣкоторыя

выгоды, о которыхъ самъ онъ будетъ стараться. Священникъ тѣмъ охотнѣе взялся состряпать мою свадьбу, что самъ немѣнѣе интересовался мною и цѣлилъ пристроить меня къ тамошней церкви, по совершенному моему знанію церковнаго порядка и служенія, въ чемъ самъ онъ, какъ я замѣтилъ, не весьма былъ свѣдущъ. И правду сказать: изъ всѣхъ въ тамошнихъ мѣстахъ грамотѣевъ, я лучше читалъ и зналъ церковной порядокъ, сколько можно видѣть изъ вышеписаннаго, что вездѣ, куда я ни приходилъ, отличался и заслуживалъ отъ однихъ уваженіе, отъ другихъ зависть, а отъ иныхъ побои. Письмо отъ священника получилъ я вечеромъ, и сдѣланному предложенію, по опрометчивости, обрадовался. Желая увѣдомить о семъ брата, чтобъ онъ находился при моей свадьбѣ, тотчасъ нашелъ расторопнаго человѣка и написалъ къ брату въ Вагаршапатъ письмо, чтобъ поспѣшилъ ко мнѣ пріѣхать въ слѣдующій же день. За доставленіе письма сего, такъ какъ надобно было въ оба конца

пройти верстъ до 80, заплатилъ я напередъ 72 пары, что составитъ 120 копѣекъ. Монастырскіе ключи были у меня, и потому безъ затрудненія вышедъ изъ монастыря, поздо вечеромъ, пришелъ въ Алтаракъ и явился къ священнику. Между тѣмъ помянутые сватавшіеся три молодца провѣдавъ, что желаемая ими невѣста идетъ за меня, прибѣгли къ тамошнему головѣ, представили обиду свою, что чуждой человѣкъ отнимаетъ у нихъ невѣсту и что я бывъ Епископомъ назначенъ въ духовное званіе, хочу женишься скрытно отъ него. — Голова далъ имъ позволеніе: есьли я нахожусь у нихъ въ селеніи, то сыскавъ, хорошенько меня побить и потомъ представить къ нему, а онъ препроводитъ меня къ Епископу. — Трое жениховъ, прямо и едва не вмѣстѣ со мною, попали къ священнику; но сей свѣдавъ о жалобѣ и намѣреніи не довольныхъ, успѣлъ прежде меня спрятать и такимъ образомъ той же ночи принужденъ я былъ возвратиться въ монастырь и остаться холостымъ. Голова между тѣмъ

не преминулъ на другой день явиться къ Карапету и разказашь обо всѣмъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, а я оправдывался даже и тогда, когда почти все селеніе противу меня свидѣтельствовало. На послѣдокъ Карапетъ повѣрилъ больше свидѣтельствамъ, нежели мнѣ; укорялъ въ обманѣ и жестоко меня бранилъ. Какъ бы то ни было, но слава богу, что я остался холостымъ и свободнымъ. Правда, я былъ бы священникомъ, а священникамъ жить у насъ довольно хорошо; ихъ весьма уважаютъ, какъ на противъ при встрѣчѣ съ монашествующимъ и часто даже предъ самимъ Епископомъ, никто не хочетъ снять шапки. — Я не знаю, что бы придумалъ Карапетъ со мною сдѣлать, дабы меня у себя удержать, но зналъ на вѣрное то, что мнѣ отдѣлаться отъ него надлежало бѣгствомъ. — Однако новое обстоятельство, по пробытіи моемъ у Карапета около двухъ мѣсяцовъ, предупредило и то и другое, и заставило бѣжать не меня одного, но и всѣхъ жителей и монаховъ, оставивъ одни стѣны. На третій день

послѣ того, какъ уничтожилось свадебное мое намѣреніе, вдругъ прислано было отъ Ериванскаго Хана повелѣніе, чтобъ жители области, для безопасности своей, забравъ свои имущества, удалились по извѣстнымъ убѣжищамъ: ибо дошелъ слухъ что Шахъ идетъ съ войсками на Ериванъ.

И такъ я со всѣми монашествующими отправился въ наше селеніе Вагаршапатъ, и тамъ остался, а Карапетъ съ братіею вошли въ Ечміацынъ. Жители Вагаршапапскіе, такъ же заблаговременно, свезли туда все свое имущество. — Каждому семейству назначено было тамъ мѣсто пребываніе. По всей области, для надежнаго убѣжища отъ непріятельскаго нашествія только и есть двѣ крѣпости: Ериванъ и Ечміацынъ. Въ общей опасности я былъ безопаснѣе и нестрашился нашествія непріятелей, имѣвъ въ собственномъ мѣстѣ жесточайшихъ. Въ это время, какъ всѣ гнѣздились въ крѣпость монастыря, прибыли въ Арзерумъ (отъ

Баязита на 6 сутокъ ходу) изъ Царяграда и другихъ дальнихъ мѣстъ 150 человѣкъ Армянъ, слѣдовавшихъ въ Ечміацынъ на поклоненіе и предварительно о семъ увѣдомили Патріарха. — Лука въ отвѣтъ къ нимъ, описывая положеніе дѣлъ и опасность, которая неизбѣжно предстоитъ имъ отъ Персіанъ, совѣтовалъ отложить имъ пріѣздъ ихъ до удобнѣйшаго времени; но изъ нихъ нашлось 70 человѣкъ столь ревностныхъ, что рѣшились на все, даже естьли бы это стоило имъ и жизни. Они прибыли въ Ечміацынъ и удовлетворивъ своему желанію и усердію, пробыли въ монастырѣ трое сутокъ; а между тѣмъ возвратный ихъ путь сдѣлался еще опаснѣе и затруднительнѣе; ибо Персіанѣ начали уже разъѣзжать партіями даже за Баязитъ, и переходили рѣку Ерасхъ къ Ечміацынской сторонѣ. Почему поклонники просили Патріарха, чтобъ для безопасности далъ имъ изъ нашего селенія 50 человѣкъ вооруженныхъ провожатыхъ. Братъ мой назначенъ былъ въ число оныхъ, а я по-

желалъ ѣхать добровольно, съ тѣмъ, чтобъ отъ своего отечества удалиться на всегда. Я не желалъ уѣхать тайно отъ матери и пришелъ съ нею проститься. Я убѣждалъ ее согласиться на мой отъѣздъ тѣмъ имянно, что не терпимъ въ селеніи и чего долженъ еще ожидать впередъ. Сверьхъ того, если Шахъ возметъ Ериванъ, то по обыкновенію отъ всякаго мѣста потребуетъ плѣнниковъ, и такъ какъ я во всякихъ не пріятныхъ случаяхъ всегда былъ перьвой, то и тогда взятъ буду перьвой же; и въ такомъ случаѣ нельзя уже имѣть надежды, что бы я съ нею когда нибудь увидѣлся. Отъѣзжая же съ одновѣрцами, могу удалиться заблаговременно отъ всѣхъ ожидаемыхъ опасностей; никогда не забуду ея воспитанія и всѣхъ обомнѣ родительскихъ попеченій, и употреблю всѣ силы, чтобъ на чужой сторонѣ снискать помощь, какъ для себя, такъ и для нее; но всѣ мои резоны не были приняты, и бѣдной моей матери разстаться со мною было очень горестно. Она желала меня удержать

по горячему своему нраву проклятіями; но я имѣлъ такъ сказать отчаянную рѣшительность: ибо положеніе мое дѣйствовало на меня сильнѣе всякаго другаго убѣжденія, и я отправился съ караваномъ поклонниковъ.

Не доѣзжая до кустарниковъ Елгона, коимъ усѣяны прибрежныя мѣста рѣки Аракса, увидѣли мы издали ѣдущихъ Персіанъ, человѣкъ до ста. Командовалъ ими старшій сынъ Макинскаго Султана, гдѣ находится выше означенный Монастырь Св. Фадѣя. Спаспись отъ нихъ было не возможно, они насъ наспигли и какъ поклонники были Турецкіе поддан-ные, то потребовали съ нихъ съ каждаго человѣка по пяти червонцовъ, которые имъ тотчасъ и были заплачены. Наши провожатые, на вѣрное, не уступили бы Персіанамъ; подрались — и безъ сомнѣнія разбили бы ихъ; но несмѣли сего сдѣлать; ибо одинъ изъ младшихъ сыновей Султана женатъ былъ на родной сестрѣ Хана и жилъ въ Ериванѣ. Только что доспигли

мы до берега и стали искать брода, какъ таже толпа опять напала на насъ подъ предлогомъ, что они ищутъ мѣста переправиться, и возобновивъ свои требованіи, не внимая ни какимъ убѣжденіямъ, настояли, чтобъ имъ заплатили еще по 10 червонцовъ съ каждаго человѣка; но присемъ дали клятву, что оставятъ путешественниковъ съ покоемъ и даже проводятъ благополучно. Деньги были заплачены на мѣстѣ. Провожатые имѣя обязачность проводить ихъ только до берега Аракса, подозрѣвая, что Персіанѣ не останутся довольными и на дорогѣ ограбятъ путешественниковъ нашихъ совершенно, совѣтовали мнѣ всѣ вообще не подвергаться видимой смерти и возвратиться съ ними въ свое мѣсто. Братъ мой такъ же убѣждалъ меня возвратиться къ матери и не огорчать ее моими опасностями, коимъ неминуемо подвергнусь на другомъ берегу. Справедливость сихъ представленій была очевидна и я согласился поѣхать назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, дни черезъ два, услышали мы опъ нѣко-

норыхъ пришедшихъ изъ Баязита, что путешественники лишь только, что переправились на другой берегъ и прошли нѣкоторое разстояніе, то Персіане атаковали ихъ, отняли у нихъ все и самихъ почти всѣхъ изрубили, кромѣ человѣкъ десяти, кои успѣли отъ нихъ ускакать.—

Не успѣлъ я показаться въ селѣніи, какъ съ насмѣшкою начали вопрошать меня: давноли я возвратился изъ путешествія; каковъ Константинополь; что тамъ дѣлается и прочее; а нѣкоторые изъ сосѣдей увѣдомили меня, что мать моя въ отчаяніи въ домѣ Іова, молится Богу предъ Евангеліемъ, чтобъ я возвратился къ ней (*). Я тотчасъ пошелъ

(*) Фамилія Іова есть древняя въ нашемъ селѣніи и можно сказать единственная. Евангеліе писано на пергаментѣ; но кѣмъ именно не знаю и ни отъ кого не слыхалъ, знаю только то, что къ нему, кромѣ Священника, одѣяннаго въ ризы свои, частный человѣкъ прикасаться не можетъ. При нашествіи Шахъ Аббаса, бывшій въ то время хозяинъ, или начальникъ дома сей фамиліи, чтобъ Евангеліе не досталось въ руки Магометанамъ, спряталъ его подъ мостомъ въ рѣчкѣ Соломоновой, гдѣ находилось оно въ водѣ подъ камнемъ, до возвращенія жителей,

въ оной домъ; мать моя дѣйствительно спояла на колѣнахъ предъ тѣмъ Еванге-ліемъ и молилась. Увидя меня, она, какъ сама мнѣ призналась, сочла меня за при-видѣніе, но увѣрившись, что я явился къ ней въ самомъ существѣ моемъ, обрадо-валась не сказанно. Я возвратился съ нею въ нашъ домъ, преслѣдуемый тѣмиже насмѣшками праздныхъ людей. —

Послѣ того не прошло недѣли, какъ пріѣхали въ наше селѣніе изъ Тавреза съ шоварами Тифлисскіе купцы, коихъ въ караванѣ съ работниками было человѣкъ до 50, почти всѣ Армяне. Они слѣдовали въ Тифлисъ и были вооружены, какъ говорится съ головы до ногъ. Тифлис-кіе жители или Грузинскіе подданные, славились въ то время за людей самыхъ опважныхъ и храбрыхъ. Доброй мой

7 м лѣтъ, и по прошествіи толикаго времени найдено хозяиномъ въ совершенной цѣлости безъ малейшаго повреждения. Его не однократно брали въ Монастырь въ церковъ; но оно всегда возвращалось на прежнѣе мѣсто, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, оставалось въ домѣ означенной фамиліи,

учитель, не упускавшій ни одного случая къ моей пользѣ, и на сей разъ рѣшительно присовѣтывалъ мнѣ возпользоваться оказіею уѣхать съ симъ караваномъ. Одинъ изъ сельскихъ Священниковъ, находившійся прежде въ Тифлисѣ, былъ знакомъ съ однимъ купцомъ изъ того каравана. Учитель мой вмѣстѣ съ нимъ упросили сего купца взять меня съ собою, съ тѣмъ, чтобъ доставить въ Россію, ибо онъ имѣлъ непременное намѣреніе туда ѣхать съ своими товарищами. Онъ согласился и далъ вѣрное слово исполнить ихъ порученіе, сколько возможно лучшимъ образомъ. Учитель мой отдалъ ему находившіяся у него на сохраненіи мои деньги 30 руб. Наконецъ въ воскресенье, 15 Іюля (1795 года) утромъ рано, купецъ сказалъ мнѣ, что они выѣдутъ до полудни и чтобъ къ тому времени я собрался. Я тотчасъ бросился въ свой домъ и пощастію мать моя была у моей сестры, а братъ ушолъ въ Монастырь къ обѣднѣ; оставалась одна невѣстка. — Увѣдомивъ ее что я отъѣзжаю, просилъ, изготовить

мнѣ, что нибудь надорогу съ ѣспнаго. Но она въ томъ мнѣ опказала съ грубостію, сказавъ, что я не хозяинъ въ домѣ и ни чего не принесъ, а потому не имѣю права ни чего и требовашь. Озлобленный таковымъ оппвѣтомъ, я напрощаньѣ изрядно ее выругалъ, и взявъ самъ нѣсколько сыру, хлѣба и при курицы, опнесъ послѣдніе къ сосѣдкѣ, которая мнѣ потчасъ ихъ зажарила, Собравшись такимъ образомъ, выѣхалъ я изъ Вагарщапата на всегда, имѣвъ тогда отъ роду 20 лѣтъ. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ просили меня, чтобъ взять ихъ съ собою; но я оптвѣчалъ имъ, что опваживаясь на все, не знаю что сомною будетъ: животъ, или смерть, и вѣрнѣе полагаю первое; они же на противъ того не имѣютъ столь сильныхъ побудипельныхъ причинъ, какъ я, подвергаться вѣроятнымъ опасностямъ, и такимъ образомъ отъ нихъ отдѣлался. Я распрощался только съ однимъ учипелемъ и тогда, какъ купецъ вѣлѣлъ мнѣ собраіпься.

Сей добрый человѣкъ далъ мнѣ спасительныя наспавленія еще наканунѣ, и я считаю долгомъ, въ засвидѣтельствованіе его благочестія, благоразумія и моей признательности, помѣстить здѣсь хотя нѣкоторыя отрывки оныхъ, кои для лучшаго памятованія въ тотъ же вечеръ, какъ и Исторію моей матери, бросилъ на бумагу. —

„Ты, любезный другъ мой, говорилъ онъ мнѣ, теперь уже въ совершенныхъ лѣтахъ; испыталъ многое, можешъ разумѣть и различать худое и доброе. Отъѣзжая на чужую сторону подъ покровительствомъ одного Бога — ты незнаешь, что еще ожидаетъ тебя внѣ твоего отечества. — Благоразумный человѣкъ, всякой новой случай, всякое предначинаніе, разсматриваетъ прежде съ самой худшей стороны; предполагаетъ болѣе не пріятныя слѣдствія, разсуждаетъ о средствахъ, и такъ сказать запасается напередъ мужествомъ переносить все огорчительное. Такимъ образомъ онъ менѣа

ошибается въ надеждахъ своихъ; дѣйствуетъ правильнѣе; огорчается тѣмъ менѣе, чего ожидалъ прежде, и съ большею удобностію преодолѣваетъ то, что на передъ обдумалъ и къ чему готовился.

Ты испыталъ болѣе зла, нежели сколько видѣлъ себя по среди добра. — Ты испыталъ на самомъ себѣ, и самыя жестокія страданія дали тебѣ познать, что человѣкъ, къ нещастію, бываетъ исполненъ болѣе злобы, зависти, не нависти и всѣхъ пороковъ, губительныхъ для подобнаго ему человѣка и унижающихъ его предъ всѣми дышущими тварями, — Сколько ни силенъ человѣкъ въ произведеніи зла, имѣя способность изобрѣтать къ тому многія средства, какъ тварь одаренная разумною душою; но онъ менѣе бы опасенъ былъ, если бы, подобно прочимъ животнымъ, не умѣлъ скрывать своихъ намѣреній и чувствованій, что хочетъ произвести зло, подъ личиною доброй воли и благорасположенія. Такимъ

образомъ не благодарный человѣкъ своему создателю, сотворившему его съ свободною волею по образу и по подобію своему, употребляетъ во зло и то и другое.— Соображаясь съ сею горестною истинною, испытанною самимъ тобою во многихъ приключеніяхъ, совѣтую тебѣ поставить за правило, располагать не только дѣйствіями, но и каждою мыслію со всѣвозможнымъ благоразуміемъ и осторожностію; не говорить даже ни одного слова опрометчиво не обдумавши. Старайся изыскивать друга и заслуживай справедливое право на его дружбу; будь ему вѣренъ; но при семъ помни замѣчаніе древнихъ мудрецовъ, чтобъ по слабости и безъ не обходимой нужды не вверять своей тайны, дабы не сдѣлаться рабомъ незнавшаго ее. Въ таковыхъ случаяхъ, легко можешъ ты подвергнуться крайности; быть принужденнымъ дѣлать то, что добрыя твои свойства отрицаютъ и что можетъ на всегда очернить и опятнать чистую совѣсть. — Будите мудри, яко зміи, и цѣли яко голуби. Разумъ

словъ сихъ заключаетъ въ себѣ наставленіе, чтобъ мы старались быть благоразумны, но вмѣстѣ съ тѣмъ не винны и чисты въ нашихъ намѣреніяхъ и поступкахъ. Слѣдуя сему, не предосудительно быть хитрымъ, но безъ коварныхъ ухищреній, чтобъ хитрость твоя была бы не иное что, какъ одно чистое благоразуміе и самосохраненіе отъ несправедливости, измѣны, или коварства другихъ. Будь добръ и простосердеченъ, но блюдись, чтобъ простодушіе, толико пріятное Богу и человѣкамъ, не было въ тебѣ слѣдствіемъ глупости, или соединено съ нею. Истинный свѣтъ высшей благодати пребываетъ въ душахъ благихъ и непорочныхъ; основаніемъ свойствъ сихъ есть простота сердца, единственная подруга невинности; а соприсутственный ей страхъ Господень есть начало мудрости, и не заходимый свѣтъ чистаго разума. Берегись быть строптивымъ и бѣги отъ строптиваго: „съ избраннымъ избранъ будеши, и состроптивымъ развратишися.“ При огорчитель-

ныхъ встречахъ воздерживайся отъ гнѣва, и не будь вспыльчивъ. Запальчивость подобна огню, который истребляя подверженное ему, изчезаетъ послѣ и самъ. Человѣкъ запальчивый, неумѣющій управлять злыми движеніями сердца своего, дѣлается безумнымъ, нестерпимымъ; отгоняетъ отъ себя людей; теряетъ ихъ уваженіе; истребляетъ любовь и расположеніе къ нему другихъ, не обходимѣйшія союзы для каждаго во взаимныхъ отношеніяхъ общежитія; а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать, истощаетъ самаго себя. При встрѣчахъ съ таковыми людьми будь воздержанъ, терпѣливъ, и кротостію старайся предупреждать раздраженіе и запальчивость ихъ, наблюдая только за ихъ намѣреніемъ, чтобъ не подпасть отъ нихъ какому либо дѣйствительному злу; будь подобенъ водѣ, которая все на себѣ носитъ, все въ себя принимаетъ и угашаетъ пламя. Рѣка, какое бы ни было сдѣлано заграждение, чтобъ остановить теченіе ея, мало помалу преодолѣваетъ все препятствія и

откроетъ себѣ тотъ же, или другой путь. Ты вступишъ въ новый свѣтъ; можетъ быть достигнешъ благополучно до народовъ просвѣщеннѣйшихъ; будешъ находиться тамъ, гдѣ есть много мудрыхъ и разумныхъ: старайся искать случаевъ научаться отъ утонченныхъ ихъ разумѣній; но болѣе всякаго возможнаго зла берегись отъ нихъ тѣхъ умствованій, которыя не чувствительно заводятъ въ разныя заблужденія подъ видомъ истинны христіанскаго ученія. Убѣгай ихъ и не допускай до слуха своего, коль скоро увидишь, что они противны извѣстнымъ основаніямъ вѣры, и дѣлаютъ превращенія по волѣ разума, и по наклоненію страстей человѣческихъ. Это такія привидѣнія, которыя слабаго человѣка съ начала прельщаютъ, а потомъ погубляютъ его; и для того старайся употреблять все твое вниманіе, чтобъ раздѣлять пшеницу отъ плевелъ. Не желай, и не ищи сдѣлаться слишкомъ разумнымъ; но учись быть благоразсудительнымъ; будь вѣренъ своему закону и старайся

утверждаться въ вѣрѣ, которая познается самыми простыми понятіями. Разумъ не управляемый ею, есть уже безуміе, паче безумія безсловесныхъ. Гдѣ будешъ находишься, будь усерденъ, покоренъ и вѣренъ тамошнему Государю и поставленнымъ отъ него властямъ. Несть власти иже не отъ Бога. Испытавши столько страданій, ты привыкъ почти ко всѣмъ трудностямъ жизни; чтобъ не поступать опрометчиво ко вреду себѣ, благоразуміе требуетъ не обольщаться ни какими суетными надеждами, и даже не желать скораго поправленія твоихъ обстоятельствъ; но быть терпѣливымъ и приближаться къ тому постѣпенно и путями правильными. Случиться можетъ все: лучше, нежели желаешъ и скорѣе, нежели ожидаешъ; но предоставь все промыслу; будь добрый человѣкъ, уповай на Бога и вѣрь, что онъ знаетъ лучше насъ доброе наше; мы же часто желаемъ того, что можетъ послужить ко вреду нашему, и чего мы ни предвидѣть, ни предупредить, ни отвратить не въ

силахъ. Есьли же, по милости Божіей, достигнешъ ты до благополучнаго и довольнаго во всемъ состоянія: — будь умѣренъ и воздержень отъ всего; не употреби во зло и ко вреду самому себѣ благихъ твоего Создателя, а паче не надышайся, не превозносись гордостію, толико противною Богу, всѣмъ небѣснымъ силамъ и каждому человѣку.,, За симъ помянулъ онъ мнѣ и опрочихъ смѣртныхъ грѣхахъ; подтвердилъ наблюдѣніе заповѣдей и особенно о любви къ Богу и ближнему; растолковалъ въ подробности всѣ ихъ значенія, слѣдствія и воздаяніе. Наконецъ въ заключеніе сказалъ мнѣ изъ псалма: удаляйся отъ зла, твори благо, ищи мира и взыщешъ его.

Сей добрый мой наставникъ вскорѣ послѣ отъѣзда моего поставленъ былъ во Священники, въ каковомъ санѣ и по нынѣ проводитъ жизнь свою съ довлѣющимъ благочестіемъ.

Караванъ поѣхалъ по Абаранской до-

рогѣ чрезъ Аштаракъ. Купецъ приказалъ своему работнику взять отъ меня мою ношу и положить на лошадь; я шолъ съ однимъ только ружьемъ. Отошедши версты на три отъ своего селѣнія, я благословилъ Бога, что избавился оттуда, ибо по тогдашнему опасному времени зналъ что на такое разстояніе преслѣдовать меня не будутъ. Караванъ остановился въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ я жилъ у Карапета. Аштаракскіе жители такъ же выбирались въ свои пещеры, находящіеся въ неприступныхъ каменныхъ высотахъ рѣки Карпи, или яснѣе сказать, въ бокахъ пропасти, по которой течетъ оная рѣка при Аштаракѣ. Въ пещеры сіи не иначе можно входить, какъ по веревкамъ на блокахъ и почно такъ, какъ обыкновенно щекотурятъ и красятъ большія дома, поднимая щекотура на веревкѣ въ ящикѣ. Между тѣмъ человѣкъ по десяти и болѣе, назначаются по супочно въ селѣніи быть кораульными; навѣдываться по окрестностямъ отъ проѣзжающихъ, или проходящихъ, о обстоятельствахъ, и примѣ-

чать за нашествіемъ непріятеля. — Изъ числа сихъ караульныхъ случилось быть одному молодому Ашпаракцу, котораго я училъ грамотѣ. Онъ былъ изъ хорошей фамиліи и малой не дуракъ. Пришедши къ намъ въ Монастырь, съ прочими, узнать, что дѣлается и что слышно въ Ериванѣ, или у насъ; извѣстно ли о непріятелѣ и прочее, онъ радъ былъ нашему свиданію; распрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніи куда хочу ѣхать. На другой день обѣщалъ принести мнѣ изъ селѣнія нѣсколько провизіи на дорогу. Я считалъ себя совершенно уже свободнымъ и отнюдь не воображалъ повстрѣчаться съ кѣмъ либо изъ нашего селѣнія, какъ, на другой день, вдругъ появился мой братъ въ числѣ десяти человѣкъ. Они за сто рублей взялись проводить одного отставшаго отъ нашего каравана купца и настигли насъ въ Монастырѣ; но мой братъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ собственно только за мною, и потому упрашивалъ и требовалъ, чтобъ я возвратился съ нимъ въ селѣніе;

Я на противъ того убѣждалъ его оставить меня съ покоемъ, не возвращать опять къ мученіямъ и нестрамить въ каторанѣ какъ беглеца; но онъ хотѣлъ непремѣнно, чтобъ я исполнилъ его требованіе. Послѣ сего не оставалось мнѣ ничего болѣе, какъ дождаться моего Аштаракскаго пріятеля, и нарочно стерегъ, чтобъ поговорить съ нимъ на единѣ. Не прошло часа, какъ онъ пріѣхалъ съ обѣщанною провизіею. Я встрѣтилъ его за Монастыремъ; увѣдомилъ о пріѣздѣ брата, моего требованіи, и просилъ, чтобъ онъ, въ доказательство дружбы своей, постарался меня выручить изъ сихъ хлопотъ и избавилъ бы отъ брата. Другъ мой охотно за сіе взялся, поскакалъ обратно въ свое селѣніе и подговоривъ напередъ человѣкъ до придцати удальцовъ, своихъ товарищей, вступился потомъ за меня и уговаривалъ брата оставить меня въ покоѣ, представляя ему, что онъ изъ одной только прихоти хочетъ подвергнуть меня стыду и возвратить къ страданіямъ. Я такъ же говорилъ ему, что ѣду на чужую сто-

рону не съ тѣмъ, чтобъ забыть его и мать нашу; но съ тѣмъ, что есьли буду благополученъ, то всѣ свои приобрѣтенія раздѣлить съ ними и успокоить ихъ; Но братъ не зная и не ожидая того, что мною приняты рѣшительныя мѣры, упорствовалъ въ своемъ требованіи и не убѣждался ни какими резонами. Тогда Ашпаракской мой другъ сказалъ ему: ну! такъ послушай же: когда ты не хочешь согласиться на то по доброй волѣ, такъ послѣ непеняй, естьли мы обратимся къ другимъ средствамъ. Пусть братъ съ тобою возвратится; но онъ недалеко уйдетъ отъ Монастыря; васъ только десятъ человѣкъ, а у насъ готово придцать; мы на васъ нападемъ, изрубимъ всѣхъ въ куски и дадимъ ему свободу ѣхать туда, куда хочетъ.— Братъ мой увидѣлъ тогда свою слабость, безуміе, и удовольствовался только укоризнами, что я обманулъ его, присовѣтовавъ ему жениться, и обѣщавшись сдѣлать тоже, теперь оставляю его одного. Я старался его утѣшить все возможными увѣреніями, о моей любви,

не премѣнномъ усердіи, и съ тѣмъ раз-
прощался. По благодаря усерднаго моего
друга, за важную его услугу, обѣщалъ ему,
при случаѣ, есьли буду въ сосшоляніи, до-
казать мою благодарность, шакъ же самымъ
дѣломъ.

Караванъ нашъ пробылъ въ Монастырѣ
трои сутки, развѣдывая о безопасности
пути. На четвертый день, слѣдуя по
берегу рѣки Карпи, вступили мы на по-
дошву Аракатской горы съ Сѣверной
стороны, и остановились провесши тамъ
ночь, близь спариннаго Монастыря, Ке-
нацъ-Пайпа (: живоноснаго древа :). Мо-
настырь сей построенъ по случаю при
несенія туда части живоноснаго древа
креста Господня. Онъ называется такъ
же Сагмосъ-а-Ванкъ, что значитъ псал-
тырной Монастырь: ибо псалтырь чи-
тается въ немъ день и ночь. Оное древо
производило такіе чудеса, что когда вы-
носимо было на поле, то находящіеся на
немъ змѣи, бѣжали опъ лица его и дѣла-
лись слѣпыми; нынѣ же въ томъ мѣстѣ,

хотя и водятся змѣи, но никакого вреда не причиняютъ. —

На утро дошли мы до того самаго мѣста, которое называется Амаранъ, что значитъ лѣтнѣе мѣсто. Оно идетъ на весьма большое пространство, почти ровною долиною; и по всюду имѣетъ превосходную траву и ключи. Отменно пріятной воздухъ его прохлаждаетъ путешественника; подкрепляетъ изнуренныя его силы и вливаетъ въ чувства нѣкоторую особенную отраду.

Здѣсь увидѣли мы, въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи, человѣкъ до ста вооруженныхъ. Примѣтя, что они раздѣлясь на двѣ партіи, хотѣли на насть на насъ съ двухъ сторонъ, тотчасъ остановились; сняли вьюки и, какъ обыкновенно водится, сдѣлали изъ нихъ родъ батарей; лошадей поставили въ средину и начали стрѣлять. Хищники увидѣвъ сильное сопротивленіе, хотя и оставили насъ; но мы принуждены были пробыть тутъ до

другаго дня, и употребить ето время на-
прилѣжнѣйшія развѣдыванія по окреснно-
спямъ, чтобъ нечаянно не вспрѣпится
еще съ подобною толпою, засѣвщею въ
какомъ ни есть закрытомъ мѣспѣ. — На
утро пустились опять въ путь и шли съ
такою же осторожностію. Предъ вече
ромъ увидѣли въ правой рукѣ довольно
большой лагерь, расположенный въ низкой
долинѣ, при которомъ находилось много
верблюдовъ, и быковъ, лошадей и нѣсколь-
ко барановъ; почему и заключили, что
ето семѣйства, какого нибудь цѣлаго се-
ленія, укрывающіяся отъ опасностей во-
еннаго времени. Остановясь провести
путъ ночь, Караванщики послали въ ла-
герь просить для себя какой нибудь пищи,
и узнали, что ето были жипели Нахиче-
ванской Области, изъ селенія Гарадага,
(: черная гора :), слѣдовавшія для укры-
тія себя въ Шуракалъ, укрѣпленное мѣсто
Турецкаго владѣнія. Часть изъ нихъ были
Армяне, а болѣе Персіанѣ. — Отъ нихъ
принесли къ намъ кислаго молока, сыру
и хлѣбовъ. — Между тѣмъ подъѣхали къ

караванy нашему съ другой стороны нѣсколько человѣкъ и говорили съ купцами по Грузински. Я хотя не зналъ по Грузински; но въ разговорѣ замѣтилъ слово *Джашцтъ*, которое значитъ шпіонъ. По движеніямъ нашихъ купцовъ могъ я заключить, что они увѣдомляли тѣхъ шпіоновъ о нахичеванцахъ; а услышавъ имя ихъ предводителя, догадался, что онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, ищетъ также кого нибудь разбить изъ непринадлежащихъ къ подданству Грузіи, и что бѣдные Нахичеванцы, снабдившіе насъ пищею, непремѣнно должны быть разбиты и ограблены; почему я рѣшился какимъ ни будь образомъ увѣдомить ихъ о сей опасности. Въ караванѣ нашемъ находился еще другой, подобной мнѣ, путешественникъ, молодой человѣкъ, изъ деревни Плуръ, съ которымъ я познакомился уже на дорогѣ. Открывъ ему мое замѣчаніе, нашелъ его не меньше готовымъ употребить себя на спасеніе невинныхъ людей; я научилъ его, какъ можно скрытнѣе сходить въ лагерь и увѣдомить пу-

тешествениковъ о предстоящей имъ опа-
сности. Онъ принялъ сію коммисію охот-
но и тотъ часъ ее исполнилъ. Упомяну-
тый предводитель находился тогда съ
пятью стами человѣкъ въ Памбакацорѣ,
на два дни ходу отъ того мѣста, гдѣ
мы стояли; и потому нахичеванцы, предъ-
увѣдомленные объ опасности, для спасе-
нія себя, успѣли уклониться къ Еривану,
какъ ближайшему для того мѣсту. Въ
слѣдующіе два дни доспигли мы до Пам-
бакацора безъ всякихъ приключеній. и уз-
нали, что предводитель уже выѣхалъ для
своей добычи; но свѣдавъ, что путеше-
ственники удалились подъ Ериванъ, не
посмѣлъ туда ихъ преслѣдовать и воз-
вратился на свое мѣсто. Къ нещастію
онъ застaлъ насъ въ Памбакацорѣ, и не
удача его стоила жизни нещастному
Плурцу: ибо Предводитель въ разсужде-
ніи сего прямо обратился съ подозрѣніемъ
на нашъ караванъ. Купцы и ихъ работ-
ники, не могли сего сдѣлать, какъ Гру-
зинскіе подданные; я находился безъот-
лучно съ тѣмъ, кому былъ порученъ, и

потому всѣ указали на бѣднаго Плурца. Предводитель не спрашивая признанія, прямо приказалъ убить его, что поддан-ные его тотчасъ и исполнили. Между тѣмъ, какъ его били, чѣмъ и почему ни-попало, я объятъ былъ смертнымъ спра-хомъ и возносился къ Богу всею моею душою, ожидая равной участи, когда Плу-рецъ укажетъ на меня, какъ на главнаго виновника того дѣла, закоторое прика-зано лишить его жизни; но онъ, рѣшив-шись великодушно принять всѣ мученія и умереть одинъ, неподалъ никакого къ тому вида. Ему размозжили голову и раздро-били руки, ноги и всѣ члены. — Я чув-ствовалъ ужасное терзаніе въ моей со-вѣсти, видя себя единственнымъ винов-никомъ мученической смерти сего не сча-стнаго человѣка. Въ утѣшеніе себя, и въ оправданіе своей совѣсти въ семъ слу-чаѣ, приводилъ только то, что въ дѣй-ствіи его заключалось общее наше доб-рое намѣреніе, спасти отъ рукъ злодѣевъ множество невинныхъ жертвъ, и что я ни какъ не могъ предвидѣть столь пагу-

бныхъ для него слѣдствій, отъ коихъ спасло меня самаго, чудесное его терпѣніе. —

Предводитель имѣлъ причину напасть на Гарадагцовъ Нахичеванскихъ за то, что они искали себѣ убѣжища не въ Грузіи; а шли для того въ Турцію. Но Гарадагцы поступили благоразумнѣе и выбрали лучшее мѣсто къ своему спасенію: ибо мы, выѣхавши изъ Памбакацора на степь, въ продолженіи двухъ дней, были на каждомъ шагу свидѣтелями плачевнѣйшаго позорища. Жители областей: Карабагской, Ериванской, Нахичеванской и другихъ мѣстъ, Христіанѣ и Магометане, коль скоро узнали, что Шахъ, Государь ихъ, идетъ войною на Ериванъ, избѣгая раззореній, сопряженныхъ съ насиліями различнаго рода при проходѣ войскъ, уклонились со всемъ имуществомъ и скотомъ, въ предѣлы Грузіи, надѣясь имѣть тамъ спокойное пристанище, бывъ при томъ увѣрены, что Шахъ не одолѣетъ Грузинскаго Царства. Но они въ томъ

ошиблись. Преселясь на сіи степи, они тотчасъ встрѣтили недостатокъ въ хлѣбѣ, чего во все не предполагали; испощивши на покупку онаго, самою дорогою цѣною, всѣ деньги въ коротkое время, принуждены были платить Грузинамъ, за три фунта хлѣба, овцу; а за Лидеръ, или 10 фунтовъ, лошадь; а на конецъ отдавали и послѣднѣе свое платье. Но сего недовольно: Грузины, чего не успѣли, лишить ихъ такимъ образомъ, то отняли у нихъ силою, и даже весьма многихъ изъ нихъ обобрали со всѣмъ, то есть, сняли рубахи и оставили нагихъ. Таковыми бѣдствіями доведенныя до отчаянія, томимые голодомъ и обнаженные, отдавались они тамошнимъ богатымъ Грузинамъ въ рабство, лишь бы только избавиться голодной смерти. Многіе изъ нихъ померше отъ таковаго бѣдствія, валялись по полямъ непогребенными: ибо у сихъ пришельцовъ небыло лопатокъ, чтобъ зарыть въ землю умершихъ собратій своихъ з отъ чего самый воздухъ, на всемъ пространствѣ двудневнаго пути нашего, такъ

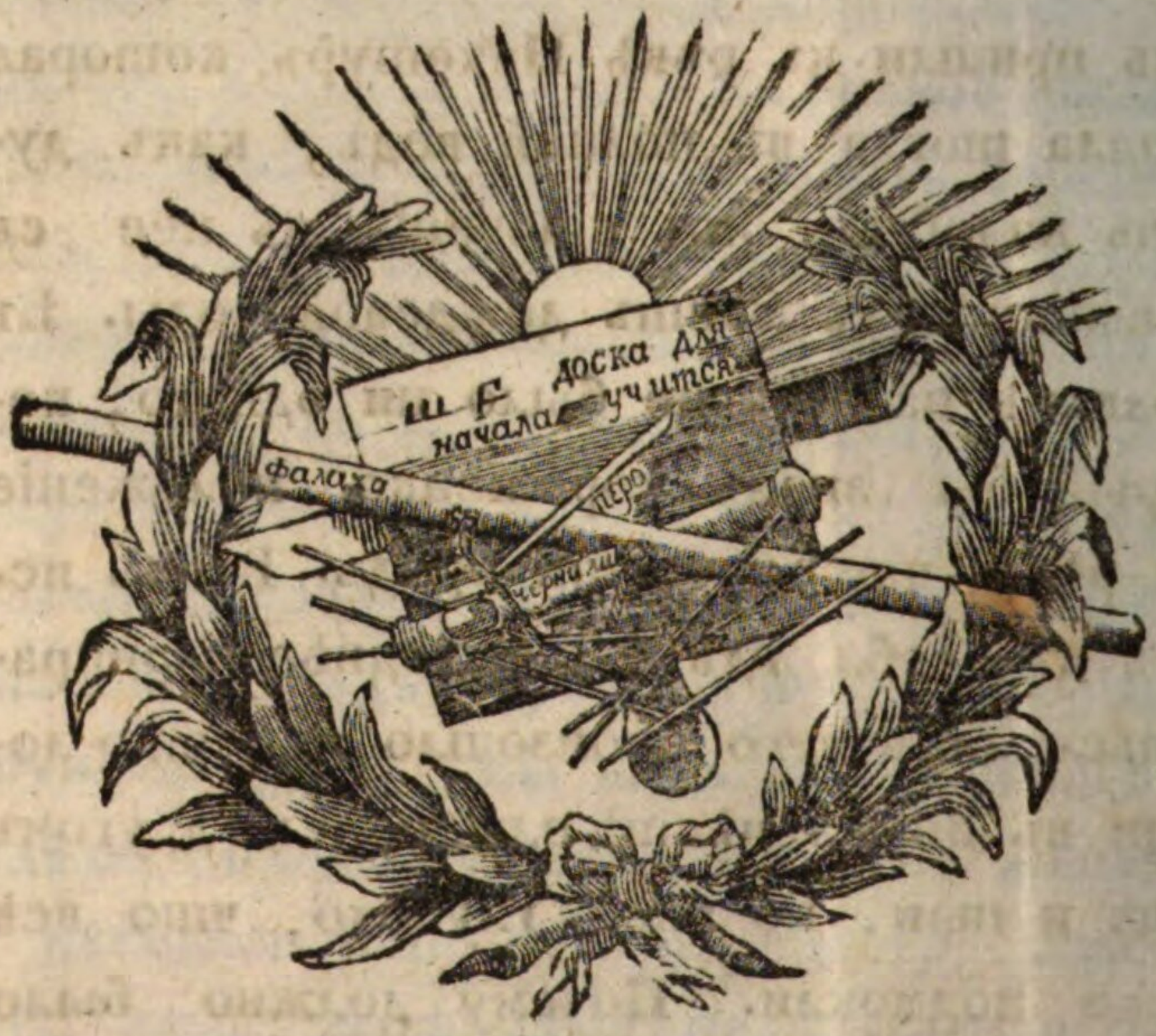
сдѣлался тяжелъ, что мы едва могли переносить его. По всему вѣроятно, что Грузинцы приняли сихъ нещастныхъ подъ свое покровительство и поступали съ ними такимъ образомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ доведя ихъ до возможной степени крайности, не только имѣніе, но и самихъ ихъ сдѣлать своею собственностію, въ чѣмъ и успѣли. Пройдя сіе плачевное позорище, подъ конецъ другаго дня по выходѣ изъ Памбакацора, остановились на ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ на упро надлежало намъ спускаться съ горы и которомъ находится густой и огромной лѣсъ. По опасности сего мѣста, мы отправились на упро весьма рано. Бывъ же увѣдомлены, что Лезгинцы, занѣсколько предъ тѣмъ часовъ разбили и ограбили одинъ купеческій караванъ, мы, для устрашенія разбойниковъ, стараясь показать большее число людей, нежели сколько насъ было, кричали и пѣли разными голосами; спрѣляли изъ ружей и пистолетовъ; а между тѣмъ, навьюченныхъ то-

варами лошадей, понуждали идти какъ можно скорѣе. Такимъ образовъ, объятые спрахомъ, шли мы около четырехъ часовъ по весьма узкой тропинкѣ, не встрѣтивъ нигдѣ ни какой лощинки, на которой можно бы было распорядиться и поставить себя въ оборонительное положеніе. Напослѣдокъ спустясь къ небольшой рѣчкѣ, прошли чрезъ нее по мосту и опять поднялись въ гору. Здѣсь такъ же находился лѣсъ; но только рѣдкой, а кустарники были довольно густы, и потому большая опасность наша миновалась не прежде, какъ выбрались на ровное мѣсто; коимъ пройдя еще около трехъ верстъ, остановились для отдохновенія и корма лошадей. Снявши съ нихъ вьюки, пустили на траву; но здѣсь встрѣтили другихъ непріятелей: большихъ мухъ, которыя жалили лошадей нашихъ столь сильно, что тамъ, гдѣ укусятъ, тогда же выступала кровь. Мы какъ скоро ихъ завидѣли, тотчасъ закрылись; но лошади не находили отъ нихъ ни какого спасенія; злыя насѣкомыя недопустили ихъ

даже отвѣдать находившейся тутъ въ изобиліи весьма хорошей травы. Почему купцы принужденными нашлись, опять ихъ навьючить и идти далѣе. Пройдя еще, покрайней мѣрѣ, версть до пяти, напослѣдокъ нашли на прекрасное мѣсто, гдѣ трава была густая и высокая. Что ножъ касается до воды, то во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ ключей и источниковъ вездѣ весьма довольно. На семъ мѣстѣ мы провели ночь, и собравшись съ силами, въ коихъ изнурены были докрайности, особенно послѣднимъ днемъ, въ слѣдующій день пришли къ рѣкѣ Нахетуръ, которая стояла тогда въ полной водѣ, какъ думать надобно отъ стеченія въ нее съ возвышенныхъ мѣстъ дождевой воды. Въ караванѣ нашемъ не было ни одного, который бы зналъ хорошенко положеніе сей рѣки, чтобъ найти бродъ. Всякъ искалъ для себя, гдѣ бы выгоднѣе переправиться; отъ чего произошло то, что лошади въ иномъ мѣстѣ плыли, а въ другомъ хотя и шли, но такъ глубоко, что всѣ вьюки подмокли. Почему должно было

на другомъ берегу разобрать и пересушить почти всѣ товары, большая половина дня прошла въ сей работѣ и караванъ остался тутъ ночевать. На другой день пришли въ большое и весьма изрядное селеніе Коду, отъ куда купцы, по тяжести каравана, отправили его постепной Соганлугской дорогѣ; а сами, на легкѣ, переправились прямо чрезъ гору и къ вечеру прибыли въ Тифлисъ.

Конецъ первой части.



BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Artemij

Žizn' Artemija Araratskago uroženca selenija Vagaršapat bliz' gory Ararata

Bd.: 1

Sankt-Peterburg (1813)
Biogr. 109 k-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10061828-8